CONTENTS

QUESTIONS OF TRANSLATION AND COMMENTARY ON "A JOURNEY BEYOND THE THREE SEAS" BY AFANASY NIKITIN Bobrov Alexander Grigorievich 11

K.F. NEKRASOV: "MY WALK THROUGH PERSIA WAS EXTREMELY SUCCESSFUL AND INTERESTING" Vaganova Irina Veniaminovna 29

WORK ON STABLE VOCABULARY IN THE NATIONAL SCHOOL

Nagzibekova Mekhrinisso Bozorovna/Ruzieva Lola Tolibovna/
Andamova Humayun Ismoilovna 47

HISTORICAL TOPONYMS IN LITERARY TRANSLATIONS OF ANCIENT TEXTS
Modebadze Irine Igorevna 69

TRANSLATION OF "RUSTAM AND ZOHRAB" BY VASILY ZHUKOVSKY AS A PHENOMENON OF TRANSCULTURAL COMMUNICATION
Poplavskaya Irina Anatolyevna 89

ON THE WAY TO THE GREAT EASTERN UNION: PERSIAN MOTIFS IN THE WORKS OF K.N. LEONTIEV Fetisenko Olga Leonidovna 111

COMPOUND PARTICLES WITH THE COMPONENT "БЫ" IN RUSSIAN AND WAYS OF EXPRESSING THEM IN PERSIAN Hadi. Baharloo/Fahime Eskandari 129

LEVSHIN'S WORK AND THE PHENOMENON OF THE "ORIENTAL STORY" IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN FICTION
Zavelskaya Darya Alexandrovna 157

THE INTERCULTURAL FEATURES OF THE ADDRESSING OF FOLK LULLABIES (based on Russian and Persian languages)
Sadeghi Sahlabad Zeinab/Komleva Elena Valerievna 173

TEMPORAL LEXICAL CYCLES OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE SYSTEM OF CONCEPTUAL METAPHORS Karbachova Tatiana Valerievna 193

LISTING AS A DESCRIPTIVE MEANS IN «VOYAGE BEYOND THREE SEAS» OF AFANASY NIKITIN: THEME AND STRUCTURE Hovhannesyan Gayane 213

SEMINAL CONTENT OF PREPOSITIONS-APPROXIMATORS IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND THEIR CORRELATES IN THE PERSIAN LANGUAGE
Estiri Majid 231

Scientific journal

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

Iranian Association of Russian Language and Literature

The journal is published twice a year, supported by
Iranian Association of Russian Language and Literature

Managing Editor: Janolah Karimi-Motahhar
Editor-in-Chief: Marzieh Yahyapour
Executive Secretary: M. Mohammad Beygi
Scientific Editor: S.V. Shustova

Editorial Board:

Ahmadi Mireyla, Associate Professor of the Russian Language Department, Tarbiat Modarres University (Tehran, Iran)

Akhmetshin R.B., Associate Professor of the Department of the History of Russian Literature, Moscow State University (Moscow, Russia)

Gholami Hossein, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

Golovin V.V., Doctor of Philology, Professor, Director of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences (St. Petersburg, Russia)

Yerofeva T.I., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Zavyalova E.E., Doctor of Philology, Professor of the Department of Literature, Faculty of Philology and Journalism, Astrakhan State University (Astrakhan, Russia)

Kazieva A.M., Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian and Foreign Literature of the Pyatigorsk Linguistic University (Pyatigorsk, Russia)

Karimi-Motahhar Janolah, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

Kotelnikov V.A., Doctor of Philology, Professor, Chief Researcher of the Institute of Russian Literature (Pushkin House) of the Russian Academy of Sciences, Department of New Russian Literature (St. Petersburg, Russia)

Mohammadi Mohammad-Reza, Associate Professor of the Russian Language Department, Tarbiat Modarres University (Tehran, Iran)

Shustova S.V., Doctor of Philology, Professor of the Department of Theoretical and Applied Linguistics, Perm State National Research University (Perm, Russia)

Yahyapour Marzieh, Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of Tehran (Tehran, Iran)

It was founded in 2013.
ISSN 2345-2498
e-ISSN 2476-3500

Tehran - Iran
http://www.journaliarll.ir

International Editorial Board:

Aloe Stefano, Doctor of Philology, Professor of Russian literature and Slavic Studies, Department of Foreign Languages and Literatures, University of Verona (Verona, Italy)

Broda Marian, Doctor of Humanities sciences, Professor of European's explore, University of Lodz (Lodz, Poland)

Vidmarovich Natalia Petrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Language Division of the East Slavic Languages and Literatures Faculty of Philosophy, University of Zagreb (Zagreb, Croatia)

Koshemchuk Tatiana Alexandrovna, Doctor of Philology, Professor of the Department of Linguistics and Intercultural Communication, St. Petersburg Agrarian University (Saint-Petersburg, Russia)

Lepakhin Valery Vladimirovich, Doctor of Philology, Professor of the Department of Russian Philology of the University of Szeged (Szeged, Hungary)

Liutskanov Yordan Dimitrov, Doctor of Russian literature, associate professor of the Institute for Literature, Bulgarian Academy of Sciences (Sofia, Bulgaria)

Melville Firuza Abdullaeva, Doctor of Philology, Director of the research center of Iranian studies, Faculty of Asian and Middle Eastern Studies, University of Cambridge (Cambridge, UK)

Modebadze Irine Igorevna, Doctor of Philology, Senior Researcher, Department of Theory of Literature and Comparative Literature, Shota Rustaveli Institute Of Georgian Literature (Tbilisi, Georgia)

Molnar Angelika, Ph.D. in Philology, Associate Professor of the Department of Russian Language and Literature, University of West Hungary (Szombathely, Hungary)

Motorin Alexander Vasilievich, Doctor of Philological Sciences, Professor, The Yaroslav-the-Wise Novgorod State University (Veliky Novgorod, Russia).

Nazibekova Mehrinissa , octor of Philology, Professor of Faculty of Russian language and literature, Tajik National University (Dushanbe, Tajikistan)

Nike Michelle, Ph.D., Professor at the University of Caen-Normandy (Caen-Normandy, France)

Sawada Kazuhiko, Doctor of Philology, Professor of Faculty of Humanities, Saitama University (Saitama, Japan)

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury

"Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury" is published in Iran with the aim of publishing original research on the Russian language and literature. The content of the article should correspond to the subject of the journal. Articles prepared in the following fields are accepted: general linguistics, comparative and comparative linguistics, socio- and psycholinguistics, functional grammar, literature, comparative literary criticism, linguodidactics, and translation studies.

Requirements for the article:

- The forwarded articles should be the results of research by the author(s) of the article.
- The language of the journal is Russian.
- The forwarded articles should not be sent for other journals simultaneously, or it should not be published in other journal.
- Materials forwarded to the editorial office can not be returned.
- Article structure: title, abstract (120-140 words), keywords (5-7 words), introduction, main text, conclusion and list of used literature (in Russian and English). The main text should not be less than 3000 and more than 4000 words.
- At the beginning of the article: full title of the article, name and surname, place of work, academic degree, rank, e-mail address, telephone of the author(s).
- Information about quoted sources in the text of the article have to given in parentheses, including the author's surname, year of publication of the source and page numbers (Ivanov 2013. 92).
- Bibliographic references contain the mandatory elements of the description in the strict sequence in alphabetical order of the author's surnames as follows:
- **Book**: surname, date of publication (in parentheses), *title of main and non-main work (italics are typed)*, place of publication, publishing house.
- **Article**: surname, name, date of publication (in parentheses), title of article, *title of journal or collection of articles (italics)*, year and magazine number, place of publication and publishing house for the first and last pages of the article.
- **Internet sources**: surname, name, title of the work, full address of the Internet (site), date of circulation.
- Materials are provided in the following form: in the Word editor 1997-2003; font "Times New Roman"; the main text is size 14; interval 1.5; upper and lower margins -2.5 cm; left field -3 cm, right field -1.5 cm; indent (paragraph) -1.25 cm.
- You can send the article to the email address of the editor in chief: myahya@ut.ac.ir, journaliarll@gmail.com

Во имя Аллаха Милостивого, Милосердного!

СОДЕРЖАНИЕ

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА И КОММЕНТИРОВАНИЯ «ХОЖЕНИЯ ЗА ТРИ МОРЯ» АФАНАСИЯ НИКИТИНА Бобров Александр Григорьевич 11

К.Ф. НЕКРАСОВ: «МОЯ ПРОГУЛКА ПО ПЕРСИИ БЫЛА ЧРЕЗВЫЧАЙНО УДАЧНА И ИНТЕРЕСА» Ваганова Ирина Вениаминовна 29

РАБОТА НАД УСТОЙЧИВЫМИ СЛОВОСОЧЕТАНИЯМИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЕ Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна/ Рузиева Лола Толибовна/Андамова Хумаюн Исмоиловна 47

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТОПОНИМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПЕРЕВОДАХ ДРЕВНИХ ТЕКСТОВ Модебадзе Иринэ Игоревна 69

ПЕРЕВОД В.А. ЖУКОВСКОГО «РУСТЕМ И ЗОРАБ» КАК ЯВЛЕНИЕ ТРАНСКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ Поплавская Ирина Анатольевна 89

НА ПУТИ К ВЕЛИКОМУ ВОСТОЧНОМУ СОЮЗУ: ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА Фетисенко Ольга Леонидовна 111

СОСТАВНЫЕ ЧАСТИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ «БЫ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И СПОСОБЫ ИХ ВЫРАЖЕНИЯ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ Бахарлу Хади/Эскандари Фахимэ 129

ТВОРЧЕСТВО В. ЛЕВШИНА И ФЕНОМЕН «ВОСТОЧНОЙ ПОВЕСТИ» В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ Завельская Дарья Александровна 157

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АДРЕСОВАННОСТИ ФОЛЬКЛОРНЫХ КОЛЫБЕЛЬНЫХ ПЕСЕН (на материале русского и персидского языков) Садеги Сахлабад Зейнаб/Комлева Елена Валерьевна 173

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В СИСТЕМЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР Корбачёва Татьяна Валерьевна 193

ПЕРЕЧИСЛЕНИЕ КАК ОПИСАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО В «ХОЖЕНИИ ЗА ТРИ МОРЯ» АФАНАСИЯ НИКИТИНА: ТЕМАТИКА И СТРУКТУРА Оганесян Гаяне 213

СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЛОГОВ-АППРОКСИМАТОРОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ КОРРЕЛЯТЫ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ Эстири Маджид 231

Научный журнал
Исследовательский журнал русского языка и литературы

Иранская ассоциация русского языка и литературы

Журнал выходит 2 раза в год при поддержке
Иранской ассоциации русского языка и литературы

Ответственный редактор:
Дж. Карими-Мотаххар

Главный редактор:
Марзие Яхьяпур

Ответственный секретарь:
М. Мухаммадбегии

Научный редактор:
С.В. Шустова

Редакционная коллегия:

Ахмади Мирейла, доцент кафедры русского языка, Университет тарбиат модаррес (Тегеран, Иран)

Ахметшин Р.Б., доцент кафедры истории русской литературы, Московский государственный университет (Москва, Россия)

Голами Хосейн, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Головин В.В., доктор филологических наук, профессор, директор Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

Ерофеева Т.И., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Завьялова Е.Е., доктор филологических наук, профессор кафедры литературы факультета филологии и журналистики ФГБОУ ВПО «Астраханский государственный университет» (Астрахань, Россия)

Казиева А.М., доктор филологических наук, профессор кафедры отечественной и зарубежной литературы ФГБОУ ВПО «Пятигорский лингвистический университет» (Пятигорск, Россия)

Карими-Мотаххар Джаноллах, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Котельников В.А., доктор филологических наук, профессор, главный научный сотрудник Института русской литературы (Пушкинского Дома) Российской Академии наук, Отдел новой русской литературы (Санкт-Петербург, Россия)

Мохаммади Мохаммад-Реза, доцент кафедры русского языка, Университет тарбиат модаррес (Тегеран, Иран)

Шустова С.В., доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и прикладного языкознания, ФГБОУ ВПО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» (Пермь, Россия)

Яхьяпур Марзие, профессор кафедры русского языка и литературы, Тегеранский университет (Тегеран, Иран)

Основан в 2013 году.
ISSN печатной версии 2345-2498
ISSN электронной версии 2476-3500

Тегеран - Иран
http://www.journaliarll.ir

Международный редакционный совет:

Алоэ Стефано, доктор филологических наук, профессор русской литературы и славяноведения, департамент иностранных языков и литератур, Университет г. Вероны (Верона, Италия)

Брода Мариан, доктор гуманитарных наук, профессор кафедры европейских исследованний, Лодзинский университет (Лодзь, Польша).

Видмарович Наталия Петровна, доктор филологических наук, профессор кафедры русского языка Отделения восточнославянских языков и литератур Философского факультета Загребского университета (Загреб, Хорватия)

Кошемчук Татьяна Александровна, доктор филологических наук, профессор кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации, Санкт-Петербургский аграрный университет (Санкт-Петербург, Россия).

Лепахин Валерий Владимирович, доктор филологических наук, профессор кафедры русской филологии Сегедского университета (Сегед, Венгрия).

Люцканов Йордан Димитров, доктор русской литературы, доцент Института литературы Болгарской академии наук (София, Болгария).

Мелвилл Фирюза Ибодуллаевна, доктор филологии, Директор Центра Иранистических исследований, Пемброк Колледж, Кембриджский университет (Кембридж, Великобритания).

Модебадзе Иринэ Игоревна, доктор филологии, старший научный сотрудник Отдела теории литературы и компаративистики, Институт грузинской литературы им. Шота Руставели (Тбилиси, Грузия)

Молнар Ангелика, кандидат филологических наук, доцент кафедры русского языка и литературы, Западновенгерский Университет (Сомбатхей**,** Венгрия)

Моторин Александр Васильевич, доктор филологических наук, профессор, Новгородский государственный университет им. Ярослава Мудрого (Великий Новгород, Россия).

Нагзибекова Мехриниссо – доктор филологических наук, профессор, Таджикский национальный университет (Душанбе, Таджикистан)

Никё Мишель, доктор филологических наук, профессор Университета Кана-Нормандии (Кан-Нормандия, Франция)

Савада Кадзухико, доктор филологических наук, профессор гуманитарного факультета, Государственный университет Сайтама (Сайтама, Япония)

Исследовательский Журнал Русского Языка и Литературы

"Исследовательский журнал русского языка и литературы" издается в Иране с целью публикации оригинальных исследований, посвященных русскому языку и литературе. Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала. Принимаются статьи, подготовленные в следующих областях: общее языкознание, сравнительное и сопоставительное языкознание, социо- и психолингвистика, функциональная грамматика, литература, сравнительное литературоведение, лингводидактика, переводоведение.

Требования к оформлению статьи:

- Присланные статьи должны быть результатами исследований автора (авторов) статьи.
- Язык журнала – русский.
- К изданию принимаются статьи, ранее нигде не публиковавшиеся.
- Поступившие в редакцию материалы возврату не подлежат.
- Структура статьи: название, аннотация (120-140 слов), ключевые слова (5-7 слов), введение, основной текст, заключение и список использованной литературы (на русском и английском языках). Основной текст не должен быть менее 3000 и более 4000 слов.
- В начале статьи помещаются: полное название статьи, имя и фамилия, место работы, ученая степень, звание, адрес электронной почты, телефон автора (авторов).
- Сведения о цитируемых источниках в тексте статьи приводятся в скобках, включая фамилию автора, год издания источника и номера страниц (Иванов 2013. 92).
- В библиографических ссылках приводятся обязательные элементы описания в строгой последовательности по алфавитному порядку фамилий авторов нижеследующим образом:

  Книга: фамилия, дата издания (в скобках), название основного и неглавного произведения (набираются курсивом), место издания, издательство.

  Статья: фамилия, имя, дата издания (в скобках), название статьи, название журнала или сборника статей (набираются курсивом), год и номер журнала, место издания и издательства для сборника статей первая и последняя страницы статьи.

  Интернет-источники: фамилия, имя, название произведения, полный адрес интернета (сайта), дата обращения.
- Материалы предоставляются в следующем виде: в редакторе Word 1997–2003; шрифт “Times New Roman”; основной текст – кегль 14; интервал 1,5; верхнее и нижнее поля –2,5 см; левое поле –3 см, правое поле –1,5 см; отступ (абзац) – 1,25 см.
- Вы направляете статью на электронный адрес главного редактора: myahya@ut.ac.ir, journaliarll@gmail.com

"Лицензионный договор с ООО НАУЧНАЯ ЭЛЕКТРОННАЯ БИБЛИОТЕКА от 26 января 2016 г. № 18-01/2016 на размещение журнала в РИНЦ."
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

"License agreement with LLC SCIENTIFIC ELECTRONIC LIBRARY of January 26, 2016 No. 18-01 / 2016 for the publication of the journal in the RINC."
http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 11-27
DOI: 10.66224/iarll.25.1
Article No.: 25.11.202502.1127 *Scientific Article*

QUESTIONS OF TRANSLATION AND COMMENTARY ON "A JOURNEY BEYOND THE THREE SEAS" BY AFANASY NIKITIN

Bobrov Alexander Grigorievich[1*]
Leading Researcher Institute of Russian Literature (Pushkin House) RAS
Saint-Petersburg, Russia.

(date of receiving: October, 2024; date of acceptance: January, 2025)

Abstract

This article focuses on a crucial question for the accurate translation and commentary of "The Journey Beyond Three Seas" – determining the chronological framework of the travels described in the work. The article proposes a new dating for Afanasy Nikitin's journey, placing it between 1467 and 1474. The traveler celebrated Easter on March 29, 1467 (Klin), April 17, 1468 (Chapakur), and April 2, 1469 (Hormuz). In April-May of that year, he crossed the Arabian Sea and by mid-September 1469, he reached Bidar. In March 1470, he embarked on a journey "towards Pervoti." In 1470-1471, while somewhere "near Pervoti," within the territory of pagan states, Afanasy could not observe the Holy Days, as he had lost track of the alignment of the current time with the Christian calendar. Afanasy celebrated Easter in 1472 and 1473 in Bidar and Gulbarga, respectively. He observed his last Easter during his journey home on April 10, 1474, in Muscat, and completed his life's journey under Smolensk in the winter of 1474/1475. The widespread popularity of "The Journey" in our time echoes the multilingual environment through which his path led. Afanasy passed through territories inhabited by East Slavic, Finno-Ugric, and Turkic peoples. Starting from the southwestern coast of the Caspian Sea, the traveler entered a different linguistic environment – the space of Iranian languages (Talysh, Gilaki, Mazandarani, Persian, etc.). It is possible that studying one of the Iranian languages delayed Afanasy on his journey between the Caspian and the Indian Ocean but later allowed him to successfully pass himself off as someone from the Khorasan region, where Persian was the most common language. Afanasy's route led from the ancient Russian principalities to the Kazan Khanate, the Great Horde, Shirvan, Gilan, and Mazandaran, and the Timurid Empire. In India, Afanasy visited the states of Gujarat, the Bahmani Sultanate, and the Vijayanagara Empire. On his return journey, he also visited the state of Ak Koyunlu, the Ottoman Empire, the Crimean Khanate, and the Grand Duchy of Lithuania. Many of the listed states were at war with each other during Afanasy Nikitin's travels, but wars, sooner or later, end in peace. The example of Afanasy Nikitin, who went through numerous trials and called for justice and peace in his work, remains important for his readers even today.

Keywords: Afanasy Nikitin, Travelogue, Old Rus', Trade routes.

---

1. E-mail: abobrov1960@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0002-5840-8995

* Corresponding author

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 11-27
DOI: 10.66224/iarll.25.1
Article No.: 25.11.202502.1127 *Статья научная*

ВОПРОСЫ ПЕРЕВОДА И КОММЕНТИРОВАНИЯ «ХОЖЕНИЯ ЗА ТРИ МОРЯ» АФАНАСИЯ НИКИТИНА[1]

Бобров Александр Григорьевич[2*]
ведущий научный сотрудник Института русской литературы
(Пушкинский Дом) РАН
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: октябрь 2024 г.; дата принятия: январь 2025 г.)

Аннотация

Статья посвящена важнейшему для адекватного перевода и комментирования «Хожения за три моря» вопросу – определению хронологической канвы описанных в сочинении странствий. В статье предлагается новая датировка путешествия Афанасия Никитина 1467–1474 гг. Путешественник отпраздновал Пасхи 29 марта 1467 г. (Клин), 17 апреля 1468 г. (Чапакур) и 2 апреля 1469 г. (Ормуз). В апреле – мае того же года он пересёк Аравийское море и к середине сентября 1469 г. добрался до Бидара. В марте 1470 г. он отправился в путешестаие «к Первоти». В 1470−1471 гг., находясь где-то «у Первоти», на территории языческих государств, Афанасий не мог отметить Великие дни, поскольку утратил представление о соответствии текущего времени с христианским календарём. Пасхи 1472 и 1473 гг. Афанасий встретил в Бидаре и в Гулбарге. Последнюю Пасху в путешествии Афанасий Никитин отметил на пути домой 10 апреля 1474 г. в Маскате, а зимой 1474/1475 г. завершил свой жизненный путь под Смоленском. Широкое распространение «Хожения» в наше время созвучно той многоязычной среде, через которую прошёл его путь. Афанасий миновал территории расселения восточнославянских, угро-финских и тюркских народов. Начиная с юго-западного побережья Каспийского моря путешественник попал в иную языковую среду − пространство иранских языков. Возможно, изучение одного из иранских языков задержало Афанасия Никитина, но позволило ему впоследствии успешно выдавать себя за выходца из области Хорасан. Маршрут Афанасия пролегал через Казанское ханство, Большую Орду, Ширван, Гилян и Мазендеран, Тимуридское государство, Гуджарат, Бахманийский султанат, империю Виджаянагар, государство Ак-Коюнлу, Османскую империю, Крымское ханство и Великое княжество Литовское. Многие из перечисленных государств во время путешествия Афанасия Никитина враждовали друг с другом, но войны рано или поздно заканчиваются миром. Пример Афанасия Никитина, который прошел через многочисленные испытания и призывал в своем сочинении к справедливости и миру, остается важным для его читателей и в наши дни.

Ключевые слова: Афанасий Никитин, травелог, Древняя Русь, торговые пути.

---

1. Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 24-18-00856, https://rscf.ru/project/24-18-00856/, ИРЛИ РАН.

2. E-mail: abobrov1960@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0002-5840-8995

* Ответственный автор

Введение

Пять с половиной веков прошло с того времени, когда была «обретена» рукопись с сочинением Афанасия Никитина: «Въ лѣ то 6983... Того же году обретох написание Офонаса тверитина купца, что былъ в Ындеѣ 4 годы» (Хожение 1986: 5). «Хожение за три моря» Афанасия Никитина (далее – «Хожение») многократно переиздавалось и переводилось (известны опубликованные переводы на немецкий, английский, чешский, польский, хинди, шведский, итальянский, французский, испанский, японский, датский, турецкий и персидский языки, а также готовящиеся к изданию – на малаялам и китайский языки).

История изучения «Хожения» начинается с Н. М. Карамзина (Карамзин 1817) и насчитывает сотни наименований работ. Наиболее авторитетные комментированные публикации сочинения Афанасия Никитина вышли в серии «Литературные памятники» (Хожение 1948; Хожение 1958; Хожение 1986), а также отдельными изданиями в Твери (Хожение 2003) и в Германии (Kempgen 2020). Несмотря на двухвековое пристальное внимание исследователей к «Хожению», многие проблемы остаются спорными или недостаточно изученными (Бобров 2022).

Важнейшим вопросом для адекватного перевода и комментирования «Хожения» является определение хронологической канвы описанных в сочинении странствий.

Основная часть

За первые два года путешествия Афанасий Никитин отпраздновал три Пасхи: 29 марта 1467 г. в городе Клин (Каин), 17 апреля 1468 г. в городе Чапакур и 2 апреля 1469 г. в портовом городе Ормуз. В апреле – мае этого же года он пересёк Аравийское море и уже к середине сентября 1469 г. добрался до Бидара, столицы Бахманийского султаната. Около 1 октября 1469 г.

закончился сезон дождей, и Афанасий совершил поездки в окрестные города. Из одной поездки путешественник вернулся в Бидар во время Филипповского поста (начало 14 ноября), после чего провел в мусульманской столице подряд четыре месяца, вплоть до начала Великого поста, начавшегося 5 марта 1470 г. Здесь он знакомится с «индѣ яны», открывает им своё христианское имя и договаривается о совместном путешествии «к Первоти».

В композиции «Хожения» рассказ о поездке Афанасия «к Первоти» занимает центральное место. Согласно всем вариантам маршрута, путешественник покинул пределы мусульманского мира и посетил некую великую святыню индуистов. Очевидно, Афанасий присоединился к группе паломников-индуистов и вместе с ними пересёк границу Бахманийского султаната и Виджаянагарской империи, очередная война между которыми начались ещё в предыдущем 1469 г. Название святилища определенно связано с именем супруги Шивы богини Парвати, но его локализация остаётся спорной. Описанный Афанасием Никитиным праздник представляет собой Великую ночь Шивы – Махашиваратри (ночь перед новолунием последнего лунного цикла зимы). Путешественник подробно описал сам праздник и привел разнообразные сведения о религиозных представлениях, обрядах, образе жизни, одежде и пище индуистов.

Учитывая мнение Я. С. Лурье, что «текст записок, несомненно, состоит из нескольких разновременных пластов» (Лурье 1986. 69), одним из таких «пластов» следует считать рассказ о путешествии к Парвати. Композиционно рассказ о путешествии к Первоти окольцован указаниями на выезд путешественника из Бидара и на его возвращение туда же. Традиционно понималось, что речь здесь идёт о событиях одного года, относящихся к периоду Великого поста, за время которого Афанасий успел совершить поездку к Первоти и вернуться обратно. Существуют, однако, хронологические неувязки, препятствующие такому пониманию текста.

Первая хронологическая неувязка, отмеченная Д. Г. Хрусталёвым, заключается в том, что, выйдя из Бидара к Первоти в начале марта 1470 г., Афанасий не мог оказаться в этом же году на индуистском празднике. Великая ночь Шивы отмечалась в 1470−1472 гг. в феврале, не позже 19 числа. Поскольку сам путь от Бидара до Первоти занял месяц, в 1470 г. Афанасию было не успеть на праздник, который миновал даже к началу его поездки. К этому выводу пришел Д. Г. Хрусталёв, обнаруживший здесь хронологический разрыв: «весь рассказ о Парвате до возвращения в Бидар относится к другому году, не тому, что следовал за годом прибытия в Индию. Это отдельный блок» (Хрусталев 2025).

Афанасий Никитин не мог в том же 1470 г. вернуться от Первоти в Бидар. Автор пишет о своём возвращении: «От Первати же приехал есми в Бедерь за 15 днии до бесерменьскаго улу багря». Согласно А. М. Введенскому, «улу багря» – это Ураза-байрам, который в 1470 г. отмечался 3 апреля. Следовательно, Афанасий должен был бы вернуться из путешествия к Первоти приблизительно 19 марта («за 15 днии»), но никак не мог выехать после 5 марта и вернуться в Бидар уже 19 марта того же 1470 г. Для поездки промежуток времени между «точными датами» отъезда и возвращения в 1470 г. недостаточный, значит это события разных лет.

В 1471 г. Махашиваратри отмечалась в ночь с 18 на 19 февраля. Афанасий Никитин, очевидно, был её свидетелем. Великую ночь Шивы празднуют в течение суток, после чего начинается ярмарка, продолжающаяся, по словам Афанасия, пять дней. Он не мог успеть вернуться «за 15 днии» до Ураза байрама, отмечавшегося в 1471 г. 23 марта, то есть оказаться в Бидаре около 9 марта.

Правда, если допустить, что месяц пути от Бидара до Первоти – это дорога туда и обратно, то две недели на обратную дорогу у Афанасия остается. Но это допущение маловероятно: едва ли он стал бы писать, что «поидох съ индѣ яны

да будутханы мѣ сяць», если бы первую половину пути («туда») он совершил в одном году (в 1470 г.), а вторую («обратно») – в другом году (в 1471 г.). Разделенные столь значительным промежутком времени поездки невозможно было бы описать суммарно. Кроме того, в остальных случаях Афанасий явно указывает время пути в одну сторону. В таком случае, в 1471 г. на обратную дорогу времени вновь не остаётся. Следовательно, выезд Афанасия из Бидара к Первоти следует датировать мартом 1470 г., посещение Махашиваратри – февралем 1471 г., возвращение от Первоти – концом января 1472 г. (Ураза-байрам отмечался 12 марта, а прибытие в Бидар «за 15 днии» до него – это приблизительно 25 февраля 1472 г., и ещё месяц занял обратный путь). Таким образом, путешественник находился где-то «у Первоти» довольно длительный период времени, с апреля 1470 г. до января 1472 г.

Вернувшись в Бидар, Афанасий снова смог использовать мусульманские праздники в качестве хронологического ориентира, но за время его отсутствия они существенно сдвинулись по отношению к неподвижным христианским праздникам. Путешественник неожиданно обнаружил, что он опоздал с началом Великого поста и с подготовкой к Пасхе.

При подсчёте Пасхальных дней, проведённых Афанасием Никитиным во время странствия, возникает уже отмечавшееся исследователями противоречие: в «Хожении» присутствует две нумерации Великих дней. Согласно первой из них, Пасха 2 апреля 1469 г. в Гурмызе (Ормузе) была по порядку первой («И тут есми взялъ 1 Великъ день»), а согласно другой – эта же самая Пасха была третьей («третии Великыи день в Гурмыз»).

Различие двух систем подсчёта Великих дней заключается в том, что первая из них является «хронологической», отражающей время, которое путешественник провёл в Индии (Великие дни 1469−1474 гг., от Ормуза до Маската на обратном пути), а вторая – «конфессиональной» (Великие дни, которые Афанасий смог должным образом отметить, перед которыми он

соблюдал Великий пост и, соответственно, «взял Пасху» своим духовным усилием). При первой системе подсчёта не учитывались две первые Пасхи 1467 и 1468 гг., а при второй – Пасхи 1470 и 1471 г. Можно полагать, что в 1470-1471 гг., находясь где-то «у Первоти», на территории языческих государств, Афанасий вообще не смог отпраздновать Пасху, поскольку полностью утратил представления о соответствии текущего времени с христианским календарём. Раньше опорой для него были воспоминания о приблизительных соответствиях христианских праздников с мусульманским календарем, но теперь не оказалось и этой подсказки. Невозможность выделить в потоке дней христианские праздники определила, на наш взгляд, отсутствие упоминания Великих дней 1470−1471 гг.

Пасха в Бидаре 1472 г. была «четвертой» как в «хронологическом» смысле (от Пасхи в Ормузе 1469 г., которая понималась как первая в «индийском» странствии), так и в «конфессиональном» (только отпразднованные самим Афанасием Никитиным Пасхи, при этом два Великих дня путешественник пропустил). Таким образом, можно согласиться с Д. Г. Хрусталёвым, что «общее время путешествия Афанасия растягивается не на шесть, как было принято считать, а почти на восемь лет» (Хрусталев 2025). Следует лишь уточнить, что место отмечания Великих дней, предложенное исследователем (1470 и 1472 – Бидар, 1471 и 1473 – Гулбарга), представляется неточным. В «Хожении» нет указаний на двукратное, повторное отмечание Пасхи ни в Бидаре, ни в Гулбарге. Более вероятно, путешественник провёл 1470 и 1471 гг. за пределами Бахманийского султаната, в языческом мире.

Гипотеза о двух «потерянных годах» помогает связать в единую хронологическую сетку все даты путешествия Афанасия и проясняет, почему после возвращения от Первоти в Бидар Афанасий уже не может установить хронологическую связь мусульманских и христианских подвижных

праздников, что выглядит удивительным, если бы его поездка была скоротечной и укладывалась в хронологические рамки одного Великого поста.

Дополнение к срокам путешествия Афанасия Никитина двух «потерянных лет» имеет одно наиважнейшее следствие. Все сведения о маршрутах вплоть до Китая находятся в составе вычленяемого в составе «Хожения» значительного по размеру фрагмента текста. Л. С. Семенов с соавторами называют его «Порты Индийского моря» (Семенов при участии Желтякова и Лурье 1986. 161). Все содержащиеся в нём сведения считались известными Афанасию «из вторых рук», поскольку указанные в тексте сроки путешествий к дальним странам нарушали предполагаемые временные рамки повествования. Теперь эти маршруты обретают хронологическое пространство 1470–1471 гг., достаточное для их материальной реализации самим путешественником.

«Порты Индийского моря» представляет собой обширный фрагмент, разрывающий хронологически последовательное повествование. Его вставной характер отметили авторы комментария к изданию 1986 г.: «Начиная со слов «а от Гурмыза» и до описания мускусных оленей следуют справочные данные, собранные Афанасием Никитиным о портах Индийского океана и до Дальнего Востока. (...) Весь этот отрывок, который можно условно назвать «Порты Индийского моря», как бы разрывает рассказ...» (Семенов при участии Желтякова и Лурье 1986. 161). Описание портов юго-восточной Азии буквально вклинивается между описаниями Великого поста и Пасхи 1472 г.

После описания возвращения Афанасия в Бидар от Парвати следуют «дневниковые» записи, начинающиеся «за 15 днии до бесерменьскаго улу багря», т. е. приблизительно 25 февраля 1472 г. Афанасий замечает: «Мѣ сяць марта прошелъ, и азъ мѣ сяць мяса есмь не ялъ...». Далее следует обширный текст о портах и маршрутах юго-восточной Азии («Порты Индийского моря») от слов «А от Гурмыза ити моремъ до Голатъ 10 дни...» (Т., л. 380 об.) до слов

«...то тот не свежь» (Т., л. 383 об.). Мысленно изъяв этот самостоятельный фрагмент текста, мы видим непосредственное продолжение «дневниковых» записей Афанасия за весну 1472 г.: «Мѣ сяца маа Великий день взялъ есми в Бедере бесерменьскомъ и в Гондустани; а в бесермене бограмъ взяли въ среду (Летописная редакция: «середу». – *А. Б.*) мѣ сяца маа; а заговѣ лъ есми месяца априля 1 день» (Т., л. 383 об.). Таким образом, между описаниями Великого поста и Великого дня 1472 г. помещен инородный текст. Трудно сказать, является ли такое расположение «Портов Индийского моря» следствием случайности (перестановка листов рукописи), авторского замысла или воли редактора 1475 г. Не исключено, что записи о южных морях путешественник делал весной 1472 г. вернувшись в Бидар после странствий, поэтому в «тетрадях» Афанасия они оказались привязаны к описаниям событий этих месяцев.

В отличие от путевых заметок Афанасия, где речь идёт о конкретном маршруте самого путешественника, «Порты Индийского моря» содержат обобщенные сведения, предназначенные для использования будущими странниками. Именно поэтому текст начинается от Ормуза, который Афанасий уже давно покинул, и проходит через главный порт Бахманийского султаната Дабхол, в котором путешественник ещё не успел побывать. Автор понимал, до каких пределов доходила власть мусульманских правителей: «Дабыль же есть пристанище в Гундустани послѣ днее бесерменьству». Дальнейший маршрут лоции ведёт на юг, в империю Виджаянагар: «А от Дабыля до Колекота 25 дни». После главного Виджаянагарского порта описанный в «Портах Индийского моря» путь ведет на остров Цейлон («Силян»), оттуда в страны Шабат («Шибаит»), Пегу («Певгу»), в «Чини» и «Мачини» (Южный Китай), и «до [Северного] Кытаа».

Обозначив общие параметры маршрута, автор переходит к более детальному описанию отдельных пунктов, уже упомянутых ранее: Ормуз,

Камбей, Дабхол, Кожикоде, Цейлон, «Шабат» (вероятно, Бенгалия), «Пегу» (Бирма), «Чиньское да Мачиньское пристанище» (Китай). Описав самую дальнюю точку маршрута, автор вновь возвращается к общей оценке расстояний между важными для него пунктами: «Шаибать же *отъ Бедеря* 3 месяци, а от Дабыля до Шаибата 2 месяца моремъ итьти, Мачимъ да Чимъ *от Бедеря* 4 месяца моремъ итьти, а тамъ же дѣ лають чими да все дешево; а до Силяна 2 месяца моремъ итьти». Дважды указанное расстояние «от Бедеря», находившегося вдали от морского побережья, подсчитано вместо расстояния от Дабхола как ближайшего порта Бахманийского султаната. Точка отсчёта «от Бедеря», безусловно указывает на местонахождение самого автора, записывающего эти сведения, именно на территории Бахманийского султаната.

Мог ли сам Афанасий совершить описанные путешествия? Морской путь от портов Виджаянагарской империи до Китая занимает не более четырёх месяцев в одну сторону, то есть путешественник вполне успевал совершить такое морское путешествие. В «Портах Индийского моря» имеются некоторые признаки, которые выглядят не как запись сведений с чужих слов, а как свидетельства «самовидца». В первую очередь, это утверждение справедливо по отношению к главному порту Виджаянагарской империи Каликуту («Келекот», «Колекот», «Лекот», «Селекот»; совр. Кожикоде). Скорее всего, Афанасий во время своего путешествия сам побывал в этом городе, который он трижды упоминает в «Портах Индийского моря», причем дважды в связи со специями: «От Дабыля до Колекота 25 дни. А от Селекота до Силяна 15 дни»; «А Келекот же есть пристанище Индѣ искаго моря всего. А проити его не даи Бог никакову костяку: а кто его не увидит, тот поздорову не приидет морем. А родится в нем перець, да зеньзебил, да цвѣ т, да мошкат, да каланфуръ, да корица, да гвоздники, да пряное коренье да адряк, да всякого коренья в нем родится много. Да все в немъ дешево. **Да кул да калавашь писааръ хубь сия**

[А рабы и рабыни многочисленны, хорошие и черные]»; «В Лекоте же родится перець, да мошкат, да гвоздники, да фуфалъ, да цвѣ т».

По мнению С. Н. Кистерева, путешественник описывал рынок Кожикоде как очевидец, при этом у него осталось «благоприятное впечатление» (Кистерев 2006: 46). Если согласиться с тем, что одной из задач «хожения» Афанасия был поиск специй для мироварения (Бобров 2023. 121–141), то путешественник наконец приблизился к своей цели. От Первоти он мог совершать путешествия по крайней мере в границах Виджаянагарской империи, и не случайно именно главный порт государства Каликут, славившийся как «столица специй», удостоился авторского примечания, свидетельства очевидца о продаваемых товарах.

Согласно Ибн Баттуте (1304–1369), Каликут был одним из самых больших портов мира, куда приплывали торговцы из Китая и других стран: «Ибн Баттута описывает прибывавшие сюда из Кантона и других мест китайские суда трех типов: большие (джонк), имевшие до 12 парусов, средние (зау) и малые (какам)» (Петрушевский 1948. 180). В Каликуте Афанасий должен был увидеть китайские корабли, готовые плыть на восток. Отсюда и могло начаться его морское странствие.

Страны, упомянутые в «Портах Индийского моря», описаны значительно более кратко, чем Индия. В основном приведены лишь сведения о «пристанищах», дана характеристика немногих достопримечательностей и во всех случаях – рынков с их товарами. На Цейлоне «слоны родятся, да продаютъ в локоть, да девякуши продаютъ в вѣ съ». Далее о слонах, продающихся по размеру, упоминается также при описании страны Шабат, а фарфор в Китае, как заметил путешественник, продают на вес. Собственные впечатления о местных рынках, видимо, отразились в замечаниях автора о стране Шабат («...хоросанцемъ дають алафу по тенкѣ на день, и великому, и малому»; «...да все дешево»; «...слоны продають в локоть»), о Бирме («Да все в

нем дербыши живутъ индѣ искыя, ...а продаютъ же камение дербыши») и Китае («...дѣ лають в нем чини [фарфор. – А. Б.], да продають чини в вѣ съ, а дешево»).

Важным подтверждением того, что Афанасий сам совершил описанные им морские путешествия, является его упоминание «многих плаваний». После возвращения в Бидар «от Первоти» он замечает: «Иже кто *по многим землямъ много плаваетъ* (курсив мой. – *А. Б.*), въ многыя грѣ хы впадаетъ и вѣ ры ся да лишаетъ христианскые». Прошлогоднее пересечение Аравийского моря не проходило через «многие земли», поэтому здесь упоминание «многих плаваний» намекает на новые морские странствия самого автора, во время которых не было возможности соблюдать христианские праздники.

Таким образом, в рамках предложенной гипотезы предлагается считать Афанасия Никитина русским первопроходцем не только Индии, но также Шри-Ланки, Индокитая и Китая. Своё морское путешествие он мог совершить между апрелем 1470 г. и январем 1472 г. и описал его, скорее всего, ретроспективно, уже после возвращения в Бидар.

Дальнейший текст записок имеет достаточно твёрдую хронологическую привязку к событиям 1472–1473 гг., что было показано Л. С. Семеновым и С. Кемпгеном. Важным датирующим признаком является упоминание путешественником начала похода на Виджаянагар после сезона дождей в октябре 1472 г.: («по-русьскому на Покровъ святыя Богородица»). Далее, согласно Л. С. Семенову, описаны уже события начала 1473 г., в том числе выезд султана Мухаммеда III в поход на Белгаон, который, как устанавливается из переписки Махмуда Гавана, датируется 15 марта 1473 г. (ПЛДР 1982: Прим. 93). Как отметил Л. С. Семенов, последние по времени события в Индии, им описанные, произошли тогда, «когда, согласно принятой датировке, путешественник уже покинул страну» (Семенов 1986: 89-90).

Кроме того, С. Кемпген заметил, что упомянутые в «Хожении» военные действия Узун-Хасана относятся к 1472−1473 г. (Kempgen 2020. 270).

Последнюю Пасху в путешествии Афанасий Никитин отметил на пути домой 10 апреля 1474 г. в Маскате, а зимой 1474/1475 г. завершил свой жизненный путь под Смоленском, на территории Великого княжества Литовского, оставив нам увлекательное описание почти восьмилетних дальних странствий.

Заключение

Широкое распространение сочинения Афанасия в наше время созвучно той многоязычной среде, через которую прошёл его путь. Начав своё путешествие, скорее всего, из Москвы в марте 1467 г., Афанасий миновал территории расселения восточнославянских, угро-финских (тверских карел, марийцев, мордвы) и тюркских народов (волжских булгар, татар, ногайцев, калмыков, кумыков, кайсаков, дагестанцев, туркоманов и др.). Начиная с юго-западного побережья Каспийского моря путешественник попал в иную языковую среду − пространство иранских языков (талышский, гилянский, мазендеранский, фарси и др.). Возможно, изучение одного из иранских языков задержало Афанасия на пути между Каспием и Индийским океаном, но позволило ему впоследствии успешно выдавать себя за выходца из области Хорасан, где самым распространенным языком являлся персидский. Маршрут Афанасия Никитина пролегал из древнерусских княжеств в земли распавшейся Золотой Орды: Казанское ханство, Большая Орда, Ширван, Гилян и Мазендеран, Тимуридское государство. Наконец, в Индии Афанасий посетил государства Гуджарат, Бахманийский султанат и империю Виджаянагар. На обратном пути он побывал также в государстве Ак-Коюнлу, в Османской империи, в Крымском ханстве и в Великом княжестве Литовском. Возможно, ему довелось побывать также на Цейлоне, в Бенгалии и в Китае. Многие из

названных стран и государств в то время между собой враждовали, но войны рано или поздно заканчиваются. Пример Афанасия Никитина, который прошел через многочисленные испытания и призывал в своем сочинении к справедливости и миру, остается важным для его читателей и в наши дни.

Литература

1- Бобров 2022 – Бобров А. Г. *Спорные вопросы изучения «Хожения за три моря» Афанасия Никитина* // Летняя школа по русской литературе. СПб., 2022. Т. 18. № 2. С. 127–156.

2- Бобров 2023 – Бобров А. Г. *Ефросин Белозерский в поисках рая*. М., 2023. С. 121–141, 190–197.

3- Введенский 2023 – Введенский А. М. *Датировка путешествия Афанасия Никитина за три моря: новый взгляд* // Slovene. 2023. Vol. 12, No. 2. С. 72–81.

4- Зимин 1957 – Зимин А. А. *Новые списки «Хожения» Афанасия Никитина* // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1957. Т. 13. С. 437–439

5- Карамзин 1817 – Карамзин Н. М. *История государства Российского*. СПб., 1817. Т. 6. С. 344–346, прим. 629.

6- Кистерев 2006 – Кистерев С. Н. *Торгово-финансовые сюжеты в сочинении Афанасия Никитина* // Очерки феодальной России. М.; СПб., 2006. Вып. 10. С. 26–50.

7- Лурье 1986 – Лурье Я. С. *Русский «чужеземец» в Индии XV века* // Хожение за три моря Афанасия Никитина / Изд. подгот. Я. С. Лурье и Л. С. Семенов. Л., 1986. (Сер. «Литературные памятники»). С. 61–87.

8- Петрушевский 1948 – Петрушевский И. П. *Комментарий географический и исторический* // Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466–1472 гг. / Под ред. Б. Д. Грекова, В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л., 1948. (Сер. «Литературные памятники»). С. 140–207.

9- *ПЛДР 1982 – «Хождение за три моря» Афанасия Никитина* // Памятники литературы Древней Руси. Вторая половина XV века. Составление и общая редакция Л. А. Дмитриева, Д. С. Лихачева. М.: Худож. лит., 1982. С. 443—477, 655—663.

10- Семенов 1986 – Семенов Л. С. *Хронология путешествия Афанасия Никитина* // Хожение за три моря Афанасия Никитина / Изд. подгот. Я. С. Лурье, Л. С. Семенов. Л., 1986. (Сер. «Литературные памятники»). С. 88–107.

11- Семенов при участии Желтякова и Лурье 1986 – *Семенов Л. С. при участии Желтякова А. Д., Лурье Я. С. Комментарии // Хожение за три моря Афанасия Никитина* / Изд. подгот. Я. С. Лурье, Л. С. Семенов. Л., 1986. (Сер. «Литературные памятники»). С. 134–185.

12- Хожение 1948 – *Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг.* / Под ред. акад. Б. Д. Грекова и чл.-кор. АН СССР В. П. Адриановой-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948. 227 с. (Сер. «Литературные памятники»).

13- Хожение 1958 – *Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466—1472 гг.* Изд. 2-е, дополн. и перераб. / Отв. ред. В. П. Адрианова-Перетц. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 284 с. (Сер. «Литературные памятники»).

14- Хожение 1986 – *Хожение за три моря Афанасия Никитина* / Изд. подгот. Я. С. Лурье, Л. С. Семенов. Л., 1986. 214 с. (Сер. «Литературные памятники»).

15- *Хожение за три моря Афанасия Никитина* / Подгот. текста и коммент. Л. А. Тимошиной; gеревод на совр. русский язык С. Н. Кистерева. Тверь, 2003. 166 с.

16- Хрусталев 2025 – Хрусталев Д. Г. *«Тетради» купца Афанасия* // Текст и традиция. Альманах. 2025. № 13 (в печати).

17- Kempgen 2020 – Kempgen S. *Afanasij Nikitin, Reise xber drei Meere (Хозenie za tri morja, 1468–1474)*. Bd. I: Facsimiles — diplomatische Edition — Karten — Bibliographie (Bamberger interdisziplinzre Mittelalterstudien. Vol. 14). Bamberg: University of Bamberg Press, 2020.

Bibliography

1- Bobrov 2022 – Bobrov A. G. *Spornye voprosy izucheniia «Khozheniia za tri moria» Afanasiia Nikitina* // Letniaia shkola po russkoi literature. SPb., 2022. T. 18. № 2. S. 127–156.

2- Bobrov 2023 – Bobrov A. G. *Efrosin Belozerskii v poiskakh raia*. M., 2023. S. 121–141, 190–197.

3- Vvedenskii 2023 – Vvedenskii A. M. *Datirovka puteshestviia Afanasiia Nikitina za tri moria: novyi vzgliad* // Slovene. 2023. Vol. 12, No. 2. C. 72–81.

4- Zimin 1957 – Zimin A. A. *Novye spiski «Khozheniia» Afanasiia Nikitina* // Trudy Otdela drevnerusskoi literatury. M.; L., 1957. T. 13. S. 437–439

5- Karamzin 1817 – Karamzin N. M. *Istoriia gosudarstva Rossiiskogo*. SPb., 1817. T. 6. S. 344–346, prim. 629.

6- Kisterev 2006 – Kisterev S. N. *Torgovo-finansovye siuzhety v sochinenii Afanasiia Nikitina* // Ocherki feodal'noi Rossii. M.; SPb., 2006. Vyp. 10. S. 26–50.

7- Lur'e 1986 – Lur'e Ia. S. *Russkii «chuzhezemets» v Indii XV veka* // Khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina / Izd. podgot. Ia. S. Lur'e i L. S. Semenov. L., 1986. (Ser. «Literaturnye pamiatniki»). S. 61–87.

8- Petrushevskii 1948 – Petrushevskii I. P. *Kommentarii geograficheskii i istoricheskii* // Khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina 1466–1472 gg. / Pod red. B. D. Grekova, V. P. Adrianovoi-Peretts. M.; L., 1948. (Ser. «Literaturnye pamiatniki»). S. 140–207.

9- *PLDR 1982 – «Khozhdenie za tri moria» Afanasiia Nikitina* // Pamiatniki literatury Drevnei Rusi. Vtoraia polovina XV veka. Sostavlenie i obshchaia redaktsiia L. A. Dmitrieva, D. S. Likhacheva. M.: Khudozh. lit., 1982. S. 443—477, 655—663.

10- Semenov 1986 – Semenov L. S. *Khronologiia puteshestviia Afanasiia Nikitina* // Khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina / Izd. podgot. Ia. S. Lur'e, L. S. Semenov. L., 1986. (Ser. «Literaturnye pamiatniki»). S. 88–107.

11- Semenov pri uchastii Zheltiakova i Lur'e 1986 – *Semenov L. S. pri uchastii Zheltiakova A. D., Lur'e Ia. S. Kommentarii // Khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina* / Izd. podgot. Ia. S. Lur'e, L. S. Semenov. L., 1986. (Ser. «Literaturnye pamiatniki»). S. 134–185.

12- Khozhenie 1948 – *Khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina 1466—1472 gg.* / Pod red. akad. B. D. Grekova i chl.-kor. AN SSSR V. P. Adrianovoi-Peretts. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1948. 227 s. (Ser. «Literaturnye pamiatniki»).

13- Khozhenie 1958 – *Khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina 1466—1472 gg*. Izd. 2-e, dopoln. i pererab. / Otv. red. V. P. Adrianova-Peretts. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1958. 284 s. (Ser. «Literaturnye pamiatniki»).

14- Khozhenie 1986 – *Khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina* / Izd. podgot. Ia. S. Lur'e, L. S. Semenov. L., 1986. 214 s. (Ser. «Literaturnye pamiatniki»).

15- *Khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina* / Podgot. teksta i komment. L. A. Timoshinoi; gerevod na sovr. russkii iazyk S. N. Kistereva. Tver', 2003. 166 s.

16- Khrustalev 2025 – Khrustalev D. G. *«Tetradi» kuptsa Afanasiia* // Tekst i traditsiia. Al'manakh. 2025. № 13 (v pechati).

17- Kempgen 2020 – Kempgen S. *Afanasij Nikitin, Reise xber drei Meere (Xozenie za tri morja, 1468–1474)*. Bd. I: Facsimiles — diplomatische Edition — Karten — Bibliographie (Bamberger interdisziplinzre Mittelalterstudien. Vol. 14). Bamberg: University of Bamberg Press, 2020.

HOW TO CITE THIS ARTICLE
Bobrov Alexander Grigorievich (2025). QUESTIONS OF TRANSLATION AND COMMENTARY ON "A JOURNEY BEYOND THE THREE SEAS" BY AFANASY NIKITIN. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, 13*(1), 11-27.
DOI: 10.66224/iarll.25.1
URL: https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/334

چالش‌های ترجمه و تفسیر «گذر از سه دریا» اثر آفاناسی نیکیتین

آلکساندر گریگورویچ بابروف[1*]

پژوهشگر برجسته، انستیتو ادبیات روسی (خانه پوشکین) وابسته به فرهنگستان علوم روسیه، سن‌پیتربورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: اکتبر ۲۰۲٤؛ تاریخ پذیرش: ژانویهٔ ۲۰۲۵)

چکیده

این مقاله به موضوع مهمی برای ترجمه و تفسیر دقیق «گذر از سه دریا» یعنی تعیین چارچوب زمانی سفرهای توصیف شده در این اثر می‌پردازد. در مقاله تاریخ‌گذاری جدیدی برای سفر آفاناسی نیکیتین در سال‌های ١٤٦٧–١٤٧٤ پیشنهاد می‌شود. این جهانگرد عید پاک را در ۲۹ مارس ١٤٦٧ (کلین)، ۱۷ آوریل ١٤٦٨ (چاپاکور) و ۲ آوریل ١٤٦٩ (هرمز) جشن گرفت. در آوریل– مه همان سال از دریای عرب عبور کرد و تا اواسط سپتامبر ١٤٦٩ به «بیدار» رسید. در مارس ١٤٧٠ سفر به «پروتی» را آغاز کرد. در سال‌های ١٤٧٠–١٤٧١، در حالی که در جایی «نزدیک پروتی» در قلمرو دولت‌های بت‌پرست بود، آفاناسی نتوانست روزهای بزرگ را جشن بگیرد، زیرا درک خود را از تطابق زمان جاری با تقویم مسیحی از دست داده بود. آفاناسی عید پاک سال‌های ١٤٧٢ و ١٤٧٣ را در بیدار و گلبرگ گذراند. آخرین عید پاک را در سفر خود در ۱۰ آوریل ١٤٧٤ در مسقط جشن گرفت و در زمستان ١٤٧٤/١٤٧٥ در نزدیکی اسمولنسک به پایان راه زندگی خود رسید. گسترش وسیع «سفرنامه» در زمان ما با محیط چندزبانه‌ای که او از آن گذر کرد، هماهنگ است. آفاناسی از سرزمین‌های اقوام اسلاو شرقی، فینو– اوگری و تُرک عبور کرد. از سواحل جنوب غربی دریای خزر، این جهانگرد وارد محیط زبانی متفاوتی شد: فضای زبان‌های ایرانی. احتمالاً یادگیری یکی از زبان‌های ایرانی آفاناسی نیکیتین را به تأخیر انداخت، اما بعداً به او اجازه داد خود را با موفقیت به عنوان فردی از منطقهٔ خراسان معرفی کند. مسیر آفاناسی از خان‌نشین قازان، اردوی بزرگ، شروان، گیلان و مازندران، دولت تیموری، گجرات، سلطان‌نشین بهمنی، امپراتوری ویجایاناگار، دولت آق‌قویونلو، امپراتوری عثمانی، خان‌نشین کریمه و دوک‌نشین بزرگ لیتوانی عبور می‌کرد. بسیاری از دولت‌های ذکر شده در زمان سفر آفاناسی نیکیتین با یکدیگر در جنگ بودند، اما جنگ‌ها دیر یا زود به صلح می‌انجامند. نمونهٔ آفاناسی نیکیتین، که آزمون‌های متعددی را پشت سر گذاشته و در اثر خود دعوت به عدالت و صلح می‌کند، تا به امروز همچنان برای خوانندگان جذاب و حائز اهمیت است.

واژگان کلیدی: آفاناسی نیکیتین، سفرنامه، روسیهٔ باستان، مسیرهای تجاری.

---

* نویسنده مسئول 1. E-mail: abobrov1960@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0002-5840-8995

نوع مقاله: علمی– پژوهشی

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 29-46
DOI: 10.66224/iarll.25.2
Article No.: 25.21.202502.2946 *Scientific Article*

K.F. NEKRASOV: "MY WALK THROUGH PERSIA WAS EXTREMELY SUCCESSFUL AND INTERESTING"

Vaganova Irina Veniaminovna[1*]
Associate Professor, Department of Journalism and Media Communications
RANEPA St. Petersburg Russian Academy, National Economy and Civil Service
under the President of the Russian Federation,
Saint-Petersburg, Russia.

(date of receiving: September, 2024; date of acceptance: January, 2025)

Abstract

Many poets and artists of the Silver Age fell under the spell of the East. Book publisher and collector Konstantin Fedorovich Nekrasov (1873-1940), nephew of the poet N.A. Nekrasov, also did not escape this fate. It was his collection of Persian porcelain, dishes, tiles, manuscripts and miniatures that formed the basis of the museum created in 1918 in Moscow by the young Soviet government - Ars Asiatica, which is today known throughout the world as the State Museum of the East. But it was only by the 100th anniversary of the Museum of the East, in 2018, that it was possible to prove the authorship of the collection, its belonging to K.F. Nekrasov. This was done thanks to archival documents - letters from K.F. Nekrasov and the later discovered Persian travel diary, in which Nekrasov describes how they traveled from Tehran to Isfahan, how they visited excavations in Rey, how they were received at the consulates. The diary is kept in the Russian State Archive of Literature and Art in the collection of the Russian poet N.A. Nekrasov, the publisher's uncle, and, most likely, for this reason, it was not known to researchers of the East. The diary contains many names of those with whom Nekrasov traveled through Persia. Andrei Andreevich Balakin, a translator and great expert on the East, and David Abelov, who served in Tehran, are mentioned. The Persian diary of K.F. Nekrasov is a sincere view of a Russian traveler of the early twentieth century on the Persian land, its unique history, culture and people.

Keywords: Persia, Persian Miniatures, Publisher, Collector, K.F. Nekrasov, Tehran, Isfahan, Museum Of The East.

---

1. E-mail: vaganova1512@gmail.com; https://orcid.org/0000-0001-6923-3601

* Corresponding author

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 29-46
DOI: 10.66224/iarll.25.2
Article No.: 25.21.202502.2946 *Статья научная*

К.Ф. НЕКРАСОВ: «МОЯ ПРОГУЛКА ПО ПЕРСИИ БЫЛА ЧРЕЗВЫЧАЙНО УДАЧНА И ИНТЕРЕСА»

Ваганова Ирина Вениаминовна[1*]
Доцент, кафедра журналистики и медиакоммуникаций РАНХиГС Санкт-Петербург Российская Академия народного хозяйства и госслужбы при президенте Российской Федерации,
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: сентябрь 2024 г.; дата принятия: январь 2025 г.)

Аннотация

Многие поэты и художники Серебряного века попадали под очарование Востока. Книгоиздатель и коллекционер Константин Федорович Некрасов (1873−1940), племянник поэта Н. А. Некрасова, также не избежал этой участи. Именно его коллекция персидского фарфора, посуды, изразцов, рукописей и миниатюры легла в основу музея, созданного в 1918 г. в Москве молодой советской властью − Ars Asiatica, который сегодня известен во всем мире как Государственный музей Востока. Но доказать авторство коллекции, ее принадлежность К. Ф. Некрасову удалось только к 100-летию музея Востока, в 2018 г. Получилось это сделать благодаря архивным документам – письмам К. Ф. Некрасова и, позднее обнаруженному Персидскому дневнику путешествия, в котором Некрасов описывает, как они передвигались от Тегерана до Исфахана, как посещали раскопки в Рее, как их принимали в консульствах. Дневник хранится в Российском Государственном архиве литературы и искусства в фонде русского поэта Н. А. Некрасова, дяди издателя, и, скорее всего, именно поэтому не был известен исследователям Востока. В дневнике немало имен тех, с кем Некрасов путешествовал по Персии. Упоминается Андрей Андреевич Балакин, переводчик и большой знаток Востока, Давид Абелов, который служил в Тегеране. Персидский дневник К. Ф. Некрасова − искренний взгляд русского путешественника начала XX в. на персидскую землю, ее уникальную историю, культуру и народ.

Ключевые слова: Персия, Иран, персидская миниатюра, коллекционер, К. Ф. Некрасов, Тегеран, Исфаган, музей востока.

---

1. E-mail: vaganova1512@gmail.com; https://orcid.org/0000-0001-6923-3601
* Ответственный автор

Введение

Очарование Востоком в России начала XX в. было неоспоримым. Немало исследований на сегодняшний день посвящены восточной тематике, восточным мотивам в творчестве признанных классиков Серебряного века русской литературы. Но как показываем наше исследование, не только поэты и художники Серебряного века попадали под очарование Востока. Книгоиздатель Константин Федорович Некрасов также не избежал этой участи. Его увлечение Востоком оказалась настолько сильным и глубоким, что именно его коллекция иранский фаянсов в 1918 г. легла в основу музея Ars Asiatica, который сегодня во всем мире известен как Государственный музей Востока в Москве. Однако в силу сложившихся обстоятельств, ни об увлечении К. Ф. Некрасова Востоком, ни о его роли в создании музея Востока, практически не было известно широкой научной общественности (Московские коллекционеры произведений искусства Востока 1997. 26). Доказать это, ссылаясь на архивные документы, удалось только к 2018 году, когда отмечалось 100-летие Музея Востока (Ваганова 2019. 39). Изучая обширную переписку Некрасова за май−июнь 1914 г., удалось найти цитаты, подтверждающие его путешествие по Персии с целью собрать коллекцию. «Моя прогулка по Персии была чрезвычайно удачна и интереса», писал Некрасов поэту Валерию Брюсову 4 июня 1914 г. (Ваганова 2019. 39). Дневник путешествия К. Ф. Некрасова по Персии был обнаружен позднее.

Основная часть

Депутат, издатель, коллекционер

Константин Федорович Некрасов, племянник поэта Николая Алексеевича Некрасова, был личностью яркой и незаурядной. Его издательство, существовавшее в 1911−1916 гг., оставило яркий след в русской литературе начала XX века (Ваганова 2018). С издательством Некрасова сотрудничали

многие известные поэты и писатели начала XX в.: Валерий Брюсов, Константин Бальмонт, Александр Блок, Андрей Белый, Борис Зайцев, Павел Муратов Михаил Кузмин, Владислав Ходасевич, Федор Сологуб, Алексей Ремизов, Николай Клюев и многие другие. Иван Бунин, Алексей Толстой, Дмитрий Мережковский, Зинаида Гиппиус также состояли с Некрасовым в переписке.

Родился Константин Некрасов 13 сентября 1873 г. в усадьбе Карабиха Ярославского уезда, где жила семья младшего брата поэта − Федора Алексеевича. Константин окончил 2-й Московский кадетский корпус, но военная карьера его не состоялась из-за проблем со здоровьем. В 21 год он принял предложение уездного предводителя дворянства и поступил земским начальником в глухой и отдаленный уезд Ярославской губернии. Через три года его избирают гласным уездного и губернского земств и Ярославской городской Думы. Он ставится активным членом партии «Народная свобода», более известной в России как Конституционно-демократическая партия (кадеты). Некрасова избирают от города Ярославля в I Государственную думу, где он примыкает к ее прогрессивному крылу. 8 июля 1906 г., Высочайшим указом Дума была распущена. Среди 169 бывших депутатов Думы, подписавших воззвание “Народу от народных представителей”, призывающее не платить налоги и не давать солдат вармию были и ярославцы - князь Шаховской и дворянин Некрасов. Решением Санкт-Петербургской судебной палаты все участники “Выборгского воззвания” были приговорены к трехмесячному тюремному заключению. Это тюремное заключение и стало для Некрасова решающим в намерении заняться литературно-издательской деятельностью. Выйдя на свободу, Некрасов принимается за издание ежедневной газеты «Голос», демократичной и независимой, а 1911 г. приступает к осуществлению издательских замыслов. Некрасов планировал начать с издания европейских авторов, модернистов, как мэтров западного

декаданса, так и почти незнакомых тогда в России наследников модернизма - Ф.Кроммелинка, Р.Рильке, У.Патера. (Ваганова 2018. 164−183). Но вопреки первоначальным замыслам, Некрасов начинает с издания книг восточной тематики. Первой книгой, вышедшей в его издательстве осенью 1911 г., становится арабская сказка У. Бекфорда «Ватек». Перевод был сделан Борисом Зайцевым, а вступительная статья, глубокая, обстоятельная, была написана Павлом Муратовым. Уильям Бекфорд (1760−1844) − английский писатель, но роман «История халифа Ватека» в 1784 г. вышел сначала по-французски, только потом по-английски. Ватек – сказочный персонаж, под этим именем выведен девятый халиф из рода Аббасидов, который отличался сладострастием и стремлением к роскоши. Убеждая Некрасова издать «Ватека», Муратов писал начинающему издателю в июле 1911 г.: «Ватек» − сказка не для детей, а для взрослых. Это очень глубокое и своеобразное произведение, стоящее как-то одиноко в мировой литературе. Написано оно настолько совершенно, что англичане считают его автора одним из классиков. У нас оно вовсе забыто, хотя Пушкин когда-то читал ее, и ею восхищался, о чем есть свидетельства в его письмах. Очень любопытен и автор ее, Бекфорд. Его жизнь сама похожа на сказку, его биография исключительна. Я давно уже дал себе слово написать о нем» (Ваганова 1993. 166).

Муратов во вступительной статье сравнивает увлеченность Бекфорда Востоком с «восточной страстью» французского романтика Жерара де Нерваля: «Бекфорд бредил Востоком и способен был галлюцинировать так же, как и Жерар де Нерваль, но бред не побеждал его, и он умел оставаться стойким художником, даже испытывая головокружение» (Бекфорд 1992. 4) Не прошло и года после выхода сказки Бекфорда «Ватек», как Некрасов издает Жерара де Нерваля. Под редакцией Павла Муратова и с его блестящей статьей выходят четыре лучших, по мнению Муратова, новеллы (повести) Нерваля: «Сильвия», «Октавия», «Изида», «Аврелия» (Жерар де Нерваль 1912. 10).

Отметим, что до выхода этой книги Жерар де Нерваль был практически не известен в России.

С издания этих книг у Некрасова начинается увлечение восточным искусством. И происходит это не без участия Павла Муратова. Автор непревзойденных «Образов Италии» фактически с первых дней становится вдохновителем и идеологом издательства К. Ф. Некрасова (Ваганова 2021. 225).

Особое место в их тендеме принадлежит журналу «София»: Некрасов был издателем, а Муратов редактором. Уже в первом номере, который вышел 11 декабря 1913 г., редколлегия заявила, что не только древнерусское искусство будет в центре внимания, но и искусство и литература Востока, исторически близкие русскому народу, но малоизвестные в России. В этом плане стоит выделить две статьи Муратова − “Византийское мифотворчество” и “Ars Asiatica». Первая открывает второй номер, вторая − третий номер “Софии”.

Муратов вступает в переписку с известным востоковедом, историком искусства и владельцем уникальной коллекции персидской миниатюры Виктором Голубевым, которым очень живо откликнулся на идею “Софии”: «Ваш журнал осуществляет любимую мою мысль − связать искусство востока с древней Русью и вызвать в русской читающей публике интерес к Китаю, к Персии, к Индии...» − писал Голубев Муратову из Парижа в декабре 1913 г. (Ваганова 1993. 240).

Итак, Персия звучит все настойчивее в письмах и разговорах Некрасова. Наконец, 3 января 1914 г. Некрасов пишет Муратову: «На весну я затеваю две экспедиции, обе деловые. Но без Италии, о которой придется мне мечтать до самой смерти. Первая в Персию специально за миниатюрами; наша публика в них пока еще ничего не понимает и не интересуется. Но это не беда – поймет. В Персию еду на Пасху». (РГАЛИ. Ф.338. Оп.3. Ед.хр.2. Л.10).

В Персию Некрасов отправляется в апреле 1914 г. Впечатлениями делится в письмах к своей будущей жене Софье Леонидовне Щерба: «Восток хорош

нетронутый, европейская цивилизация портит его» (Ваганова 2022. 13). Но чаще всего он пишет Муратову. Из письма Константина Некрасова Павлу Муратову. Письма Павлу Муратову: «Живем мы здесь хорошо и со стороны русских встретили самый радушный прием. Живем в русском консульстве. Мы прожили в Тегеране дней 5 и дважды были в Рее (6−8 верст), были там н раскопках и даже купили кое- что; но раскопки ведутся варварски… многое остается в земле, а еще больше обращается в осколки» (Ваганова 2019. 39).

В письмах к Муратову есть любопытные детали о предметах из будущей восточной коллекции Некрасова: «Все-таки кувшинов и чаш (битых на несколько частей, но идеально склеенных) я накупил. Накупил здесь также «каши» − так называют здесь изразцы. Эти «каши» бесподобны, но довольно дороги, а главное тяжелые. Есть среди них каши с великолепным металлическим отблеском (РГАЛИ. Ф. 338. Оп. 3. Ед. хр. 2. Л. 14). Эта цитата, озвученная автором данного исследования на научной конференции в Государственном Музее Востока в Москве 19 апреля 2022 г., помогла научным сотрудникам: когда реставраторы музея обнаружили, что изразцы из коллекции К.Ф. Некрасова склеены, начали искать музейные документы о реставрации, и не нашли. Процитированное письмо помогло установить, что иранские чаши в таком состоянии − склеенные − и поступили в музей.

Некрасов не только посещает раскопки города Рей в 10 километрах от Тегерана, но и осматривает местные достопримечательности, о чем имеются записи в его дневнике. Одна из первых записей в дневнике начинается так: «31 марта в 7 ½ утра выехали в Исфаган». Далее описываются впечатления от дороги, от пустыни.

Вот запись от 4 апреля: «Завтракали и обедали в консульстве. Покупали. Осматривали Али-Капу и Чехель-сотун, что стоят на Шахской площади (Накш-э Джахан). Оба дворца постр. Шах Аббас II. Али-Капу до сих пор

прекрасен, но уже полуразрушен. Чехель-Суткн тоже разрушен…» (РГАЛИ Ф. 338. Оп. 1 Ед. хр. 174. С. 7)

Описывает в дневнике Некрасов и обед у российского консула, который был женат на англичанке, ни слова не говорившей по-русски. Некрасов отмечает, что консул − молодой человек, окончил Лазаревский институт, знает и любит Персию и ее народ. В целом же, дневник путешествия Некрасов ведет в стенографическом стиле: во сколько поехали, куда, с кем. Много сокращений. Явно, он пишет для себя, чтобы не забыть потом даты, названия, детали, и по возвращению изложить все образно-художественным языком. Каких-либо размышлений практически нет. Особый интерес в дневнике вызывают имена спутников Некрасова, так как актуальным до сих пор остается вопрос о том, кто помогал Некрасову формировать коллекцию. Специалисты музея Востока очень высоко ценят восточную коллекцию К. Ф. Некрасова. В каталоге «Московские коллекционеры произведений искусства Востока», который вышел в 1997 г., так начинается статья о коллекции Некрасова: «Личность К. Ф. Некрасова остается для нас загадкой. Ничего не известно о его жизни, кроме того, что он бывал в Иране, где и составил во многом уникальную коллекцию произведений искусства. Неизвестен род его занятий, и был ли он как-то связан с его собирательской деятельностью. Ни в архивах музея, ни в первых публикациях нет никаких сведений об этом человеке <…> Целостность и высокое качество собрания, включающего керамику, рукописи и миниатюру заставляют предположить, что К. Ф. Некрасов не только имел тонкое художественное чутье, но и, по-видимому, глубокие знания в области восточного искусства» (Московские коллекционеры произведений искусства Востока 1997. 26).

Еще в России Павел Муратов познакомил Константина Федоровича с Андреем Андреевичем Балакиным, востоковедом и переводчиком. Андрей Балакин сопровождал Некрасова в Персию в качестве переводчика. Перед

поездкой, 11 марта 1914 г., Андрей Балакин писал из Москвы Некрасову в Ярославль: «По получению еще первого письма я пошел к директору нашего института и немедленно добыл отпуск. А раньше я ничего не предпринимал, так как Павел Павлович сказал мне, что вы не решаетесь ехать ввиду волнений и тревожного состояния во многих провинциях Персии. Тогда я только собирался уговаривать Вас не обращать внимания на все эти волнения и беспорядки: ведь Персия тем и замечательна, что в ней никогда не бывает порядка и спокойствия» (Ваганова 2022. 16). После путешествия сотрудничество Некрасова с Балакиным продолжилось: Балакин для издательства Некрасова перевел с древнеперсидского «Сказки попугая. Тути-наме». Этот сборник новелл впервые вышел в России именно в издательстве Некрасова в 1915 г. (Сказки попугая. Тути-наме, 1915).

Долгое время об Андрее Балакине, кроме короткой справки из биографического словаря «Российское зарубежье во Франции. 1919−2000», свидетельствующей, что после 1917 г. он оказался в эмиграции и выступал как член Русского Общества изучения Востока в Париже, ничего не было известно. Но оказалось, что и в дореволюционной России Андрей Балакин переводил не только популярные в Индии и Средней Азии новеллы поучительного, юмористического и эротического содержания, собранные в 1330 г. индо-персидским писателем Нахшаби. Примерно в тоже время, в 1914 г., Андрей Балакин переводит с английского языка и издает книгу суфия и индийского музыканта Инаят Хана «Суфийское послание о Свободе Духа». Именно Андрей Балакин первым познакомил русскую читающую публику с суфизмом. Известный российский индолог Татьяна Загородникова считает, что Андрей Балакин был связан с царской охранкой: во время визита в Россию Инаят Хана именно Балакину было поручено установить с ним контакт и следить за ним (Загородникова 2009. 260). Татьяна Загородникова убеждена, что Балакину по этой причине удалось быстро и легко издать «Суфийское

Послание о Свободе Духа»: время было суровое в плане цензуры, даже отпечатать визитные карточки можно было лишь с разрешения полиции (Загородникова 2009. 265)

Другой исследователь, специалист по русскому зарубежью, Марина Сорокина выражает сомнения в том, что офицер Андрей Балакин был приставлен к Инаят Хану с целью наблюдения за ним. «Кто вы, офицер Балакин?» − так называется статья Марины Сорокиной, в которой она пытается воссоздать его биографию (Сорокина 2018. 658).

Не мене загадочной представляется и другой персонаж, который сопровождал Некрасова в Персии. Это Давид Абелов. После возвращения Некрасова в Россию, Абелов выступает в качестве миссионера. «Дорогой Константин Федорович, − пишет Абелов из Тегерана 1 мая 1914 года. − После Вашего отъезда не было прямо отбою от продавцов антиков, которые ловили меня на улице, в банке, ломбарде и даже у меня в спальной. Приносили и ерунду и прелестные вещи. Между прочим, один из моих сослуживцев принес 5 миниатюр. Одна из них заслуживает наибольшего внимания. Это индийская миниатюра, размерами немного меньше той, что Вы торговали … За нее ручается сам владелец. Это тот самый, что продал вам книгу за 50 тум...» (Ваганова 2022. 15).

В Тегеране Абелов служил, но на какой должности, не очень понятно: «Дело о моем переводе пока заглохло, т.к. из Питера не отвечают. Им не выгодно отвечать, ну и молчат. Чтобы меня очень тянуло из Тегерана не скажу. Здесь очень интересно» (ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 1. Л. 4). В письме от 27 ноября 1914 г. Абелов пишет Некрасову: «... и еще просьба, не пишите мне Абелову-Андроникову, я терпеть не могу ее, лучше прямо Абелову» (Ваганова 2022.15). Но даже двойная фамилия не помогла прояснить ни личность, ни судьбу этого человека, так страстно увлеченного Персией, удалось лишь установить, что родился он в России в 1873 году, а скончался в США в 1962 г.

Вернувшись в Россию, Некрасов вместе с Павлом Муратовым планирует поездку во Францию и Италию, чтобы пополнить свою восточную коллекцию, но поехать не смог, так как затеял строительство типографии. В Европу отправился один Муратов, где на деньги Некрасова вел «покупательную» кампанию и подробно описывал ее в письмах Некрасову: «Поехали в галерею на rue de Berri, в шикарном квартале, где объявлена выставка *персидского* искусства. Приезжаем. Элеганс чрезвычайный, автомобили у подъезда, внутренний лифт и все прочее. Несколько зал. По стенам – миниатюры (по каталогу – 300 номеров), в середине – витрины с керамикой вроде Вашей, только Paru совсем нет, и они признаются, что это большая редкость. <…> Вообще, с Персией такое сумасшествие, какое я не мог себе даже представить», − писал Муратов из Парижа 18/5 июня 1914 г. (Ваганова 1993. 240)

В Париже Муратов встречается с коллекционером и искусствоведом Виктором Голубевым: «Установили твердо, что декабрьский номер будет при всяческом его содействии посвящен персидской миниатюре. Он любезно взялся устроить нам и все снимки. <…>. На дому у него ничего нет. «Китайцы» есть в музее Чернуски, куда мы с ним поедем в субботу. А персидские миниатюры − увы! − месяц тому назад он продал свое собрание Бостонскому музею... Как жаль, что такой человек не работает в России и на Россию. Всегда у нас так! <…>

С Голубевым о Персии говорить нелегко, он уже успел ею “разинтересоваться”. Но номер все-таки у нас будет». (Ваганова 1993. 242).

После Парижа Муратов отправился в любимую в Италии, а в Россию вернулся за несколько дней до начала Первой Мировой войны, которая круто изменила его жизнь. Муратов как офицер запаса сразу же был призван на фронт, и Некрасов вынужден был прекратить издание журнала «София». Третий номер «Софии» открывался статьей «Ars Asiatica», где Муратов пишет

о «поистине плачевной роли, которую Россия играла и продолжает еще играть в деле изучения и собирания восточного искусства. Петербург и Москва остаются сейчас единственными европейскими столицами (в Италии хоть Генуя заменяет в этом смысле Рим), лишенными сколько-нибудь значительного и ценного собрания искусств Востока. Нелепость такого положения вещей при существовании столь давних и тесных отношений России с восточными странами сама по себе очевидна. Мы строим дворцы для гипсовых копий, в то время как на наших глазах возникают грандиозные музеи (Бостонский Fine Arts Museum), наполненные подлинными и редкими сокровищами искусства, процветавшего некогда в самом близком соседстве с границами нынешней Российской империи. По-видимому, мы опомнимся только тогда, когда будет слишком поздно» (Муратов 1914. 3).

Муратов мечтал о музее Восточного искусства в России, и его мечта сбылась: в 1918 г. в Москве: при его участии открывается музей Ars Asiatica. Павел Павлович Муратов занимает должность председателя Комиссии музеев восточного искусства, и при его содействии иранская коллекция К. Ф. Некрасова − 328 единиц хранения персидского фарфора, посуды, изразцов, рукописей и миниатюры, приобретается только что созданным музеем за 50 тысяч рублей (Войтов 1997. 27). На заседании подотдела Национального музейного фонда Отдела по делам музеев и охране памятников искусства и старины Главнауки Наркомпроса Муратов настоял, чтобы специальная комиссия как можно быстрее осмотрела коллекцию иранских фаянсов К. Ф. Некрасова с целью ее приобретения для музея. Решить вопрос о приобретении коллекции Некрасова музеем Ars Asiatic, Муратову, вероятно, было, не так уж сложно. В комиссию входил Игорь Грабарь, с которым Муратов тесно сотрудничал до революции: для истории искусства Грабаря Муратов написал целый том по древнерусскому искусству. Игорь Грабарь ценил Некрасова как издателя, потому что его издательство не относилось к

«идейным» (ГАЯО. Ф. 952. Оп. 1. Д. 82. Л. 1.). Среди первых сотрудников нового музея Ars Asiatica были ближайшие родственники Павла Павловича Муратова: его сестра Раиса Павловна и ее муж Федор Владимирович Гогель, первый заведующий музеем Ars Asiatica (Муратова 2008. 184). И самое главное, Муратов прекрасно знал восточную коллекцию Некрасова, представлял ее ценность. Почему же тогда почти 80 лет личность владельца коллекция персидского фарфора, посуды, изразцов, рукописей и миниатюры, которая и сегодня является гордостью собрания отдела Ближнего Востока музея, считалась неизвестной? В музейных документах и изданиях значились только фамилия и инициалы коллекционера − К. Ф. Некрасов? Причина «неизестности» очень проста: Павел Муратов в 1922 г. был отправлен в годичную командировку Берлин, и решил не возвращаться в Советскую Россию. Он не был лоялен к советской власти, и его архивы фактически были не доступны до перестройки, даже его печатные издания находились в спецхранах главных библиотек страны. Константин Федорович Некрасов скончался неожиданно, от сердечного приступа, в поезде, 22 октября 1940 г., по дороге из Туапсе в Москву, и потому даже сыну не успел передать никакие семейные тайны. А дневник путешествия по Персии К. Ф. Некрасова попал, как мы уже говорили, в РГАЛИ в фонд его дяди, русского поэта Николая Алексеевича Некрасова, куда востоковеды, по понятным причинам не заглядывают. Но к 100-летию Государственного музея Востока, которое отмечалось в 2018 г., вопрос атрибуции коллекции удалось решить. Была подготовлена специальная выставка, посвященная собирателям восточных древностей дореволюционной России, чьи коллекции легли в основу музея Ars Asiatica, и Константину Федоровичу Некрасову на этой выставке было отведено достойное место.

Заключение

На протяжении многовековой истории русские путешественники, поэты, художники не раз попадали под очарование Востока, но в начале XX в. интерес к Востоку, его истории, искусству, культуре проявляли самые разные слои населения. Политический деятель, издатель, коллекционер, племянник известного русского поэта, Константин Федорович Некрасов, начав с издания книг восточной тематики, настолько серьезно увлекся Востоком, что начал собирать коллекцию восточного искусства и совершил путешествие по Персии, во время которого посетил археологические раскопки. Вернувшись из Тегерана, Некрасов писал авторам своего издательства, в том числе известному поэту Валерию Брюсову, что его путешествие в Персию было чрезвычайно удачными. И это действительно так: коллекция иранских артефактов, собранная Некрасовым время путешествия по Персии весной 1914 г., и попавшая в 1918 г. в музей Востока в Москве, уже более ста лет приносит радость людям, восхищая и сегодня посетителей музея утонченной красотой Востока.

Литературы

1- Бекфорд Уильям (1992). *Ватек: Арабская сказка* / Перевод с фр.Б. Зайцева. Вст. статья “Бекфорд, автор Ватека” Павла Муратова. 1992. Москва: издательство МГУ. 95 с.

2- Ваганова Ирина (1993). *Из истории сотрудничества П.П. Муратова с книгоиздательством К.Ф.Некрасова. Лица: биографический альманах*. 1993. Вып.3. Москва; Санкт-Петербург: Феникс; Atheneum, С. 155-265. 495 с.

3- Ваганова И.В. (2018). *Неоконченный роман в письмах. Книгоиздательство Константина Федоровича Некрасова, 1911 – 1916 годы*. Рыбинск: Цитата Плюс. 192 с.

4- Ваганов Ирина (2019). *Константин Федорович Некрасов – издатель и коллекционер. / Научные сообщения Государственного музея Востока. Проблемы изучения восточных коллекций: материалы научной конференции.* 2019. Выпуск XXVII. Москва. Государственный музей Востока. С.32-41. 160 с.

5- Ваганова Ирина (2021). *Павел Муратов – вдохновитель и главный идеолог издательства К.Ф. Некрасова (1911-1916). Третьи Муратовские чтения. Сборник научных статей памяти К.М.Муратовой.* 2021. Рим: Международный Научно-исследовательский центр Павла Муратова. Lithos. *С.225-232. 324 с*.

6- Ваганова Ирина (2022). *Между Западом и Востоком. К вопросу Восточной коллекции К.Ф.Некрасова*. Научные сообщения Государственного музея Востока. Проблемы изучения восточных коллекций: материалы научной конференции. 2022. Выпуск XXIX. Москва. Государственный музей Востока. С.12-21. 288 с.

7- Войтов Владимир (2003). *Музей-Подкидыш*. *Материалы по истории государственного музея Востока, 1918-1950: люди, вещи, дела*. В.Е. Войтов; под общ. ред. В.А. Набатчикова. 2003. Москва: Сканрус; Гос. Музей Востока. С.13-59. 494 с.

8- ГАЯО (Государственный архив Ярославской области – далее ГАЯО) *Ф.178.Оп.1.Д.1. Л.4*

9- ГАЯО. *Ф.178.Оп.1.Д.82. Л.1*

10- Жерар де Нерваль. (1912). *Сильвия. Октавия. Аврелия*. Изида. Пер. с франц.; Ред. и вступ. статья Павла Муратова. Москва: издательство К.Ф. Некрасова. 340 с.

11- Загороднова Татьяна (2009). *Серебряный век и Индия* // Иностранная литература. 2009. № 11. Москва. С. 258–266.

12- *Коллекция К.Ф.Некрасова* (1997). Московские коллекционеры произведений искусства Востока. (1997). Москва. Государственный музей Востока. С.26-41. 124 с.

13- Муратов Павел (1911). *Бекфорд, автор Ватека. Бекфорд У. Ватек: Арабская сказка*, перевод с фр .Б. Зайцева. Вст. статья “Бекфорд, автор Ватека” Павла Муратова. (1992). Москва: издательство МГУ. С 3-20. 95 с.

14- Муратова Ксенния (2008). *Семейное окружение // Возвращение Муратова. От «Образов Италии» до «Истории кавказских войн»*. По материалам выставки «Павел Муратов - человек Серебряного века» в Государственном музее изобразительных искусств имени. А.С. Пушкина 3-марта-20 апреля 2008 года. 2008. Москва: Издательство «Индрик». С.112-114. 184 с.

15- РГАЛИ. *Ф. 338. Оп.1. Ед.хр.174. Дневник путешествия К.Ф. Некрасова*.

16- РГАЛИ. *Ф. 338. Оп.3. Ед.хр.2* .

17- *Тути-Намэ. Сказки Попугая.* (1915). Пер. А.А.Балакина. Москва: Издательство К.Ф.Некрасова. 142 с.

18- Сорокина Марина (2018). *Кто Вы, «офицер Балакин»?: Новые данные к биографии* // Митрасампраданам: сборник научных статей к 75-летию Ярослава Владимировича Василькова. СПб: МАЭ РАН. 2018, С. 658–670.

19- Муратов Павел (1914). *Ars Asiatica* // София. Журнал искусства и литературы // ред. П.П.Муратов: изд. К.Ф.Некрасов. 1914. №3. Москва: Книгоиздательство К.Ф. Некрасова. С.3-8.

Bibliography

1- Bekford Uil'iam (1992). *Vatek: Arabskaia skazka* / Perevod s fr.B. Zaitseva. Vst. stat'ia "Bekford, avtor Vateka" Pavla Muratova. 1992. Moskva: izdatel'stvo MGU. 95 s.

2- Vaganova Irina (1993). *Iz istorii sotrudnichestva P.P. Muratova s knigoizdatel'stvom K.F.Nekrasova. Litsa: biograficheskii al'manakh*. 1993. Vyp.3. Moskva; Sankt-Peterburg: Feniks; Atheneum, S. 155-265. 495 s.

3- Vaganova I.V. (2018). *Neokonchennyi roman v pis'makh. Knigoizdatel'stvo Konstantina Fedorovicha Nekrasova, 1911 – 1916 gody*. Rybinsk: Tsitata Plius. 192 s.

4- Vaganov Irina (2019). *Konstantin Fedorovich Nekrasov – izdatel' i kollektsioner. / Nauchnye soobshcheniia Gosudarstvennogo muzeia Vostoka. Problemy izucheniia vostochnykh kollektsii: materialy nauchnoi konferentsii*. 2019. Vypusk XXVII. Moskva. Gosudarstvennyi muzei Vostoka. S.32-41. 160 s.

5- Vaganova Irina (2021). *Pavel Muratov – vdokhnovitel' i glavnyi ideolog izdatel'stva K.F. Nekrasova (1911-1916). Tret'i Muratovskie chteniia. Sbornik nauchnykh statei pamiati K.M.Muratovoi.* 2021. Rim: Mezhdunarodnyi Nauchno-issledovatel'skii tsentr Pavla Muratova. Lithos. S.225-232. 324 s.

6- Vaganova Irina (2022). *Mezhdu Zapadom i Vostokom. K voprosu Vostochnoi kollektsii K.F.Nekrasova.* Nauchnye soobshcheniia Gosudarstvennogo muzeia Vostoka. Problemy izucheniia vostochnykh kollektsii: materialy nauchnoi konferentsii. 2022. Vypusk XXIX. Moskva. Gosudarstvennyi muzei Vostoka. S.12-21. 288 s.

7- Voitov Vladimir (2003). *Muzei-Podkidysh. Materialy po istorii gosudarstvennogo muzeia Vostoka, 1918-1950: liudi, veshchi, dela.* V.E. Voitov; pod obshch. red. V.A. Nabatchikova. 2003. Moskva: Skanrus; Gos. Muzei Vostoka. S.13-59. 494 s.

8- GAIaO (Gosudarstvennyi arkhiv Iaroslavskoi oblasti – dalee GAIaO) *F.178. Op.1.D.1. L.4*

9- GAIaO. *F.178.Op.1.D.82. L.1*

10- Zherar de Nerval'. (1912). *Sil'viia. Oktaviia. Avreliia*. Izida. Per. s frants.; Red. i vstup. stat'ia Pavla Muratova. Moskva: izdatel'stvo K.F. Nekrasova. 340 s.

11- Zagorodnova Tat'iana (2009). *Serebrianyi vek i Indiia* // Inostrannaia literatura. 2009. № 11. Moskva. S. 258–266.

12- *Kollektsiia K.F.Nekrasova* (1997). Moskovskie kollektsionery proizvedenii iskusstva Vostoka. (1997). Moskva. Gosudarstvennyi muzei Vostoka. S.26-41. 124 s.

13- Muratov Pavel (1911). *Bekford, avtor Vateka. Bekford U. Vatek: Arabskaia skazka*, perevod s fr .B. Zaitseva. Vst. stat'ia "Bekford, avtor Vateka" Pavla Muratova. (1992). Moskva: izdatel'stvo MGU. S 3-20. 95 s.

14- Muratova Ksenniia (2008). *Semeinoe okruzhenie // Vozvrashchenie Muratova. Ot «Obrazov Italii» do «Istorii kavkazskikh voin»*. Po materialam vystavki «Pavel Muratov - chelovek Serebrianogo veka» v Gosudarstvennom muzee izobrazitel'nykh iskusstv imeni. A.S. Pushkina 3-marta-20 aprelia 2008 goda. 2008. Moskva: Izdatel'stvo «Indrik». S.112-114. 184 s.

15- RGALI. *F. 338. Op.1. Ed.khr.174. Dnevnik puteshestviia K.F. Nekrasova*.

16- RGALI. *F. 338. Op.3. Ed.khr.2* .

17- *Tuti-Name. Skazki Popugaia*. (1915). Per. A.A.Balakina. Moskva: Izdatel'stvo K.F.Nekrasova. 142 s.

18- Sorokina Marina (2018). *Kto Vy, «ofitser Balakin»?: Novye dannye k biografii* // Mitrasampradanam: sbornik nauchnykh statei k 75-letiiu Iaroslava Vladimirovicha Vasil'kova. SPb: MAE RAN. 2018, S. 658–670.

19- Muratov Pavel (1914). *Ars Asiatica* // Sofiia. Zhurnal iskusstva i literatury // red. P.P.Muratov: izd. K.F.Nekrasov. 1914. №3. Moskva: Knigoizdatel'stvo K.F. Nekrasova. S.3-8.

HOW TO CITE THIS ARTICLE
Vaganova Irina Veniaminovna (2025). K.F. NEKRASOV: "MY WALK THROUGH PERSIA WAS EXTREMELY SUCCESSFUL AND INTERESTING". *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, 13*(1), 29-46.
DOI: 10.66224/iarll.25.2
URL: https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/339

ک.ف. نکراسِف: «گشت‌وگذارم در ایران بسیار موفقیت‌آمیز و جالب بود»

ایرینا ونیامینونا واگانوا[1*]

دانشیار، آکادمی اقتصاد ملی و مدیریت عمومی وابسته به ریاست جمهوری روسیه، سن‌پیتربورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: سپتامبر ۲۰۲٤؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۵)

چکیده

بسیاری از شاعران و هنرمندان عصر سیمین به افسون شرق گرفتار شدند. ناشر و گردآورندهٔ کتاب کانستانتین فیودورویچ نکراسِف (۱۸۷۳–۱۹٤۰)، برادرزادهٔ شاعر روس ن.آ. نکراسف نیز برای گریز از این سرنوشت راهیَ نیافت. مجموعهٔ وی شامل انواع چینی، ظروف، کاشیَ، دست‌نوشته‌ها و مینیاتورهای ایرانی بود که اساس موزه‌ای را تشکیل داد که در سال ۱۹۱۸ در مسکو Ars Asiatica توسط دولت جوان شوروی شکل گرفت که امروزه در سراسر جهان به‌عنوان موزهٔ دولتی شرق شناخته می‌شود. اما تنها در صدمین سالگرد موزهٔ شرق، در سال ۲۰۱۸، امکان اثبات نویسندگی این مجموعه و تعلق آن به ک.ف. نکراسف تحقق یافت. این امر به لطف اسناد بایگانی، مانند نامه‌های ک.ف. نکراسف، و پس از آن «دفَتر یادداشت‌های روزانه سفر به ایران» امکان‌پذیر شد، که نکراسف در آن چگَونگی رفتن از تهران به اصفهان و همچنین بازدید از حفاری‌ها در ری و چگونگیَ استقبال از آنها در کنسولگری‌ها را شرح می‌دهد.

این دفتر یادداشت در بایگانی دولتی ادبیات و هنر روسیه در بنیاد شاعر روس ن.آ. نکراسف، عموی ناشر نگهداری می‌شود و به احتمال زیاد به‌همین سبب برای پژوهشگران شرقَ ناشناخته بود. این دفتر یادداشت‌های روزانه حاوی اسامی بسیاری از کسانی است که نکراسف با آنها در ایران هم‌سفر بوده است. از آندری آندریویچ بالاکین، مترجم و کارشناس بزرگَ شرق و دیوید آبلوف که در تهران خدمت می‌کرد، یاد می‌شود. «دفتر یادداشت‌های روزانه سفر به ایران» ک.ف. نکراسف دیدگاهی صادقانه از یک مسافر روسی به سرزمینِ پارس، تاریخ، فرهنگ و مردم بی‌نظَیر آن. در اوایل سدهٔ بیستم است.

واژگان کلیدی: ایران، مینیاتور ایرانی، گرد/جمع‌آورنده، ک.ف. نکراسِف، تهران، اصفهان، موزهٔ شرق.

---

* نویسنده مسئول 1. E-mail: vaganova1512@gmail.com; https://orcid.org/0000-0001-6923-3601

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka i Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 47-68
DOI: 10.66224/iarll.25.3
Article No.: 25.33.202502.4768 *Scientific Article*

WORK ON STABLE VOCABULARY IN THE NATIONAL SCHOOL

Nagzibekova Mekhrinisso Bozorovna[1*]
Doctor of Philological Sciences, Professor, Tajik National University Dushanbe, Dushanbe, Tajikistan

Ruzieva Lola Tolibovna[2]
Doctor of Pedagogical Sciences, Professor, Tajik National University Dushanbe, Tajikistan

Andamova Humayun Ismoilovna[3]
PhD student, Tajik National University Dushanbe, Dushanbe, Tajikistan

(date of receiving: October, 2024; date of acceptance: January, 2025)

Abstract

The article talks about stable free phrases studied in the national school. It is proposed that work on phraseological units should be carried out together with vocabulary work. It is very useful to compile a special dictionary, where the student gradually introduces learned phraseological expressions, arranging phraseological units associated with a verb by verb, phrases with a definition and a defined word - by the initial word, as well as interjection and adverbial phrases. By showing the types of connections in free phrases, the teacher must ensure that students can easily handle them, form them (find some adjective definition for a given noun, an addition for a verb, etc.), change them (put these phrases a noun with a plural adjective, put a verb in the form of the present tense, past tense, etc. in combinations of a verb with a noun), use them in coherent speech (make sentences with these phrases). Work on phraseological units should be carried out all the time and go from easy to difficult. When reading a text, the teacher should always draw students' attention to stable phrases. The teacher's explanations at this stage come down mainly to explaining the concept itself, expressed by a set phrase, and drawing students' attention to the use of certain words in a particular phraseological unit that are usually understandable to them. Practical mastery of this material is also extremely important, because such phraseological units will appear quite often. When mastering a particular phraseological unit, it is important to point out the ability of component words to change the grammatical form. When working on phraseological units and set sayings in a national school, the question may arise about their translation and compliance with phraseological units of the native language.

Keywords: Set Phrases, Students, Teacher, National School, Russian Language, Russian Literature, Assignments, Exercises.

---

1. E-mail: mnagzibekova@mail.ru; https://orcid.org/0009-0007-5610-6655
* Corresponding author
2. E-mail: akila.ru@mail.ru; https://orcid.org/0009-0004-0561-5722
3. E-mail: aismoil@inbox.ru; https://orcid.org/0009-0003-3183-5940

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 47-68
DOI: 10.66224/iarll.25.3
Article No.: 25.33.202502.4768 *Статья научная*

РАБОТА НАД УСТОЙЧИВЫМИ СЛОВОСОЧЕТАНИЯМИ В НАЦИОНАЛЬНОЙ ШКОЛЕ

Нагзибекова Мехриниссо Бозоровна[1*]
Профессор, Таджикский национальный университет,
Душанбе, Таджикистан

Рузиева Лола Толибовна[2]
Профессор, Таджикский национальный университет,
Душанбе, Таджикистан

Андамова Хумаюн Исмоиловна[3]
Докторант, Таджикский национальный университет,
Душанбе, Таджикистан

(дата получения: октябрь 2024 г.; дата принятия: январь 2025 г.)

Аннотация

В статье говорится об устойчивых свободных словосочетаниях, изучаемых в национальной школе. Предлагается, что работа над фразеологизмами должна вестись совместно со словарной работой. Весьма полезно составлять особый словарь, куда учащийся постепенно вносит усвоенные фразеологические выражения, располагая фразеологизмы, связанные с глаголом, по глаголам, словосочетания с определением и определяемым − по начальному слову, как и междометные, и наречные словосочетания. Показывая типы связи в свободных словосочетаниях, преподаватель должен добиться, чтобы учащиеся легко могли обращаться с ними, образовывать их (подыскать к данному существительному какое-нибудь определение-прилагательное, к глаголу − дополнение и т.п.), изменять их (поставить данные словосочетания существительного с прилагательным во множественном числе, поставить в сочетаниях глагола с существительным глагол в форме настоящего времени, прошедшего времени и т.п.), употреблять их в связной речи (составить предложения с данными словосочетаниями). Работа над фразеологизмами должна вестись все время и идти от легкого к трудному. При чтении текста преподаватель должен всегда обращать внимание учащихся на устойчивые словосочетания. Объяснения преподавателя на этой стадии сводятся главным образом к объяснению самого понятия, выраженного устойчивым словосочетанием, и привлечению внимания учащихся к употреблению в том или ином фразеологизме определенных слов, обычно им понятных. Практическое усвоение этого материала также чрезвычайно существенно, потому что такие фразеологизмы будут встречаться весьма часто. При усвоении того или иного фразеологизма важно указать на возможность слов-компонентов изменять грамматическую форму. При работе над фразеологизмами и устойчивыми речениями в национальной школе может стать вопрос об их переводе и соответствии фразеологизмам родного языка.

Ключевые слова: устойчивые словосочетания, учащиеся, преподаватель, национальная школа, русский язык, русская литература, задания, упражнения.

---

1. E-mail: mnagzibekova@mail.ru; https://orcid.org/0009-0007-5610-6655
* Ответственный автор
2. E-mail: akila.ru@mail.ru; https://orcid.org/0009-0004-0561-5722
3. E-mail: aismoil@inbox.ru; https://orcid.org/0009-0003-3183-5940

Введение

Устойчивые словосочетания, или фразеологические единицы, представляют собой важную составляющую любого языка. Они несут в себе не только лексическое значение, но и отражают культурные особенности, менталитет и историческое наследие народа. Фразеологизмы делают речь яркой, выразительной и эмоционально насыщенной. В связи с этим их изучение и правильное использование в речи является важным элементом преподавания родного языка в национальной школе. Национальная школа выполняет важную роль в сохранении и передаче культурных ценностей. В условиях глобализации, когда влияние иностранных языков и культур становится всё сильнее, задача сохранения уникальности родного языка становится особенно актуальной. Фразеологизмы в данном контексте играют ключевую роль, так как они часто не имеют прямых аналогов в других языках и передают уникальные черты мировосприятия народа.

Изучение фразеологических единиц позволяет учащимся глубже понять не только язык, но и культуру своего народа. Это способствует формированию национальной идентичности и укреплению связи с историческим прошлым. В то же время, правильное использование устойчивых словосочетаний повышает речевую культуру, что крайне важно для успешной коммуникации в современном обществе. Работа с устойчивыми словосочетаниями, или фразеологизмами, в национальной школе является важным аспектом обучения, способствующим обогащению речи учащихся и их приобщению к культурным ценностям языка. Ниже представлены некоторые исследования, посвященные этой теме, с указанием авторов и рассматриваемой проблематики:

Диссертация О. П. Гаврильевой "Способы активизации фразеологизмов русского языка в речи учащихся национальной школы Республики Саха (Якутия)" посвящена методам активизации использования русских

фразеологизмов в речи учащихся национальных школ Республики Саха (Якутия). Рассматриваются способы обогащения словарного запаса и развития речевой культуры школьников через освоение фразеологических единиц (Гаврильева 2001.198)

В статье Н. В. Вершининой "Обучение фразеологии в контексте формирования российской идентичности младших школьников" обсуждается роль фразеологизмов в формировании российской идентичности у младших школьников. Особое внимание уделяется подбору устойчивых выражений из детской литературы и их влиянию на развитие языковой компетенции учащихся (Вершинина 2023.59)

Методическая разработка "Работа с фразеологизмами на уроках в начальной школе как средство овладения национальной спецификой языка" Г. Х. Валеевой направлена на приобщение младших школьников к употреблению фразеологизмов с целью обогащения их речи и понимания национальной специфики языка. Предлагаются практические рекомендации по организации занятий и подбору фразеологического материала для начальных классов (Валеева 2015. https://botana.biz/prepod/nachalnye_klassy/).

Диссертация А. А. Сейткужиной "Обучение русской фразеологии в 6−8 классах национальной школы на основе значений опорных компонентов" посвящена методике обучения русской фразеологии в средних классах национальной школы. Рассматривается подход, основанный на значениях опорных компонентов фразеологизмов, и его эффективность в обучении школьников (Сейткужина 2005. 295).

Эти работы освещают различные аспекты преподавания фразеологии в национальных школах, предлагая методические подходы и решения для эффективного обучения учащихся устойчивым словосочетаниям русского языка.

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

1. Цель исследования − определить влияние работы с устойчивыми словосочетаниями на развитие речевой компетенции учащихся в национальной школе; разработать и внедрить методики, способствующие эффективному усвоению фразеологических единиц.

2. Объект и предмет исследования

Объект: Процесс обучения устойчивым словосочетаниям в национальной школе.

Предмет: Методики и подходы к обучению фразеологии в контексте национальной культуры и языковой среды учащихся.

3. Методы исследования

Теоретический анализ: Изучение существующих подходов и методических материалов по фразеологии.

Эмпирические методы:

Педагогический эксперимент: Проведение уроков с использованием новых методик и последующая оценка их эффективности.

Опросы и анкетирование: Сбор данных о восприятии учащимися устойчивых словосочетаний и их уровне использования в речи.

Наблюдение: Осуществление систематического наблюдения за активностью учащихся на уроках, связанным с изучением фразеологизмов.

Контент-анализ: Анализ учебных текстов для выявления наиболее подходящих фразеологических единиц, которые можно использовать для обучения.

4. Этапы исследования

Подготовительный этап:

Определение проблематики и формулирование гипотез.

Отбор учебных материалов и подготовка методических рекомендаций.

Основной этап:

Реализация разработанных методик на практике.

Проведение уроков и фиксирование наблюдений.

Заключительный этап:

Анализ полученных данных, обобщение результатов эксперимента.

Формулирование выводов и рекомендаций по улучшению методик.

5. Инструментарий

Разработанные методические пособия.

Анкеты для учащихся и учителей.

Шкалы оценок для измерения успеваемости и уровня понимания фразеологических единиц.

6. Анализ данных

Количественный анализ: Сравнение успеваемости и использования фразеологических единиц до и после внедрения методик.

Качественный анализ: Оценка глубины понимания и адекватности использования фразеологизмов в речи учащихся.

7. Ожидаемые результаты

Повышение уровня владения фразеологизмами.

Обогащение словарного запаса учащихся и развитие их способности использовать устойчивые словосочетания в речи.

Повышение мотивации учащихся к изучению языка через знакомство с культурными особенностями фразеологии.

8. Практическая значимость

Разработанные методики могут быть использованы в образовательных учреждениях для улучшения качества преподавания русского языка в национальных школах. Результаты исследования могут быть полезны для учителей и методистов в процессе разработки учебных программ и пособий.

Такая методология обеспечивает системный подход к изучению фразеологизмов, учитывая особенности национальной школы, и направлена на комплексное развитие языковых навыков учащихся.

Основная часть

Устойчивые словосочетания, являющиеся эквивалентами слова, составляют специфику каждого языка, и поэтому ознакомление с ними в практике преподавания русского языка в национальной школе вызывает у преподавателя особые затруднения. С вопросом о свободных словосочетаниях учащиеся практически знакомятся с первых дней работы над русским языком. Такие свободные словосочетания, как *русская книга, читаю книгу, работаю быстро* усваиваются учащимися на самых первых порах обучения.

Показывая типы связи в свободных словосочетаниях, преподаватель должен добиться, чтобы учащиеся легко могли обращаться с ними, образовывать их (подыскать к данному существительному какое-нибудь определение-прилагательное, к глаголу − дополнение и т.п.), изменять их (поставить данные словосочетания существительного с прилагательным во множественном числе, поставить в сочетаниях глагола с существительным глагол в форме настоящего времени, прошедшего времени и т.п.), употреблять их в связной речи (составить предложения с данными словосочетаниями).

Кроме того, преподаватель должен показать, что каждое слово в свободном словосочетании имеет свое особое значение; например, в словосочетании *деревянный дом* первое (*деревянный*) означает «сделанный из дерева», второе же означает жилище человека. В других приведенных словосочетаниях мы также имеем столько отдельных значений, сколько слов входит в данное словосочетание. Вывод должен быть таким: в свободном словосочетании каждое слово, входящее в его состав, имеет свое особое значение. Это общие положения о работе со свободными словосочетаниями, которые должен иметь в виду преподаватель, переходя к работе над устойчивыми словосочетаниями.

При работе над фразеологизмами в нерусской школе возникает ряд задач:

1) показать допустимую сочетаемость слов в выражениях, смысл которых легко раскрыть, например: *одержать победу, принять участие*;

2) провести смысловую грань между омонимичными свободными и устойчивыми словосочетаниями, например: *намылить голову* − в буквальном смысле и *намылить голову* в значении «сделать строгий выговор»;

3) дать понятие о метафоричности некоторых фразеологизмов, например *мертвый час* (в доме отдыха);

4) объяснить некоторые фразеологизмы-идиомы, например: *бить баклуши − бездельничать* (буквально «грубо обтесывать деревянные чурбачки для посуды»);

5) указать на фразеологизмы-термины, например: *железная дорога, белый гриб;*

6) дать стилистическую характеристику фразеологизмам;

7) научить употреблять их в предложении.

Только разрешив эти вопросы, преподаватель может быть уверен, что учащиеся обогатят свою русскую речь фразеологическими выражениями, без которых знание русского языка будет неполным.Работа над фразеологизмами должна вестись совместно со словарной работой. Весьма полезно составлять особый словарь, куда учащийся постепенно вносит усвоенные фразеологические выражения, располагая фразеологизмы, связанные с глаголом, по глаголам, словосочетания с определением и определяемым - по начальному слову, как и междометные, и наречные словосочетания. Например:

1) *бить тревогу, брать препятствия, выносить сор из избы, выплыть на поверхность, глядеть в оба, довести до белого каления, ждать у моря погоды* и т. д.;

2) *адамово яблоко, белый гриб, детский сад, дом отдыха, железная дорога* и т. д.;

3) *вот тебе на, держи карман шире*;

4) *спустя рукава, то и дело*.

Работа над фразеологизмами должна вестись все время и идти от легкого к трудному. При чтении текста преподаватель должен всегда обращать внимание учащихся на устойчивые словосочетания. Прежде всего он должен остановиться на тех из них, которые характерны для письменной (деловой, газетной, публицистической) речи, например: *одержать победу, оказать помощь, принять участие, потерпеть поражение, играть роль, иметь значение, произвести впечатление, доставить удовольствие, принять меры, прийти в восторг, пустить в ход, задать вопрос, предоставить слово, дать слово (пообещать), довести до конца, взять в свои руки, привлечь внимание, привести пример* и т.п. (Бирих 2007.126). В стилистическом отношении они одинаково могут встречаться и в письменной, и в устной речи учащихся и не имеют образного значения. Преподаватель, указывая эти фразеологизмы, должен по мере возможности подобрать к ним односложные синонимы. Например: *одержать победу − победить, задать вопрос − спросить, принять участие − участвовать, довести до конца – кончить* и т. п.

Надо объяснить учащимся, что слагаемые в этих фразеологизмах устойчивы. Нельзя, например, вместо *одержать победу* сказать **взять победу*, вместо *принять участие − *иметь участие*, вместо *оказать помощь − *сделать помощь* и т. д.

Говоря о фразеологизмах, надо указать учащимся на те русские глаголы, которые наиболее склонны образовывать фразеологизмы. Например: *бить (бить тревогу, бить в цель, бить ключом, бить баклуши, бить наверняка, бить по рукам, бить отбой), вступать (вступить в законную силу, вступить в свои права, вступить в брак), давать (давать слово, давать клятву, давать подписку, давать представление, давать урок, давать начало), идти (идти навстречу, идти вразрез, идти впрок, идти в гору), оказать (оказать помощь, оказать содействие), отдать, отдавать (отдавать должное, отдать справедливость, отдать последний долг, отдавать честь), принести*

(принести благодарность, принести жалобу, принести в дар, принести в жертву) (Бирих 2007.129).

Наряду с подобными фразеологизмами на первых же порах обучения надо накапливать фразеологические единицы, необходимые в обычной литературной разговорной речи. В связи с прохождением различных школьных дисциплин будут запоминаться фразеологические единицы, относящиеся к грамматике, пунктуации (*восклицательный знак, вопросительный знак, имя существительное, совершенный вид, простое предложение*), к математике (*равнобедренный треугольник, прямой угол*), к естественным наукам (*белый гриб, целинные земли*) и т. п. Сюда же следует отнести географические термины: *Белое море, Нижнее Поволжье, Дальний Восток*, а также ряд единиц, обозначающих понятия, связанные с нашим государством: *Маджлиси Милли (Национальный совет), Маджлиси намояндагон (Палата представителей).*

Объяснения преподавателя на этой стадии сводятся главным образом к объяснению самого понятия, выраженного устойчивым словосочетанием, и привлечению внимания учащихся к употреблению в том или ином фразеологизме определенных слов, обычно им понятных. Практическое усвоение этого материала также чрезвычайно существенно, потому что такие фразеологизмы будут встречаться весьма часто. При усвоении того или иного фразеологизма важно указать на возможность слов-компонентов изменять грамматическую форму.

Например, полезно также указать, что при включении фразеологизма в предложение его компоненты изменяются по-разному: в словосочетаниях, скрепленных глаголом (управление), изменяется только глагол, в словосочетаниях прилагательное плюс существительное − оба компонента, в словосочетаниях, играющих роль обстоятельств, компоненты не изменяются.

Объяснения следует закрепить рядом упражнений такого типа:

а) подобрать к выражениям *принять участие, одержать победу* и т.п. однословные синонимы;

б) употребить в предложении следующие фразеологизмы: *отдать честь, принести пользу* и т.п.;

в) в следующих предложениях поставить в нужной форме данные в скобках фразеологизмы: *Наш преподаватель недавно вернулся из (дом отдыха). В нашем кружке жизнь (бить ключом)* и т. п.;

г) написать географические названия, в состав которых входят прилагательное + существительное *(Белое море, Черное море, Нижнее Поволжье, Дальний Восток)*;

д) написать предложения, в которых в одном случае данные словосочетания употреблялись бы как устойчивые, в других − как свободные (*идти навстречу, идти в гору* и др.).

Образец: *Какой-то высокий человек медленно шел мне навстречу* и *Наш директор идет навстречу каждому предложению родительского собрания;*

е) написать ряд фразеологизмов с глаголом типа *принять меры, пустить в ход* и т. п. и употребить их в предложениях.

Особую трудность в национальной школе представляют фразеологизмы метафорического характера. В этом случае перед преподавателем стоит важная проблема − раскрыть их смысл, а иногда и объяснить их происхождение. Встречаться с фразеологизмами учащиеся будут, изучая русскую литературу, в первую очередь басни Крылова. Например, в басне «Волк и Журавль» имеются строки: «*Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть − пришло хоть ноги протянуть*». Фразеологизм «*протянуть ноги» − синоним «умереть*». Это выражение родилось благодаря переносному значению, употребляется в разговорно-фамильярной речи и свидетельствует о сниженности стиля. Его надо отличать от свободного словосочетания «протянуть ноги», где оба члена имеют самостоятельное значение. Например,

«*Он лег и с наслаждением протянул ноги, уставшие от долгой ходьбы*». Так как слово-понятие *умереть* имеет чрезвычайно много синонимов (фразеологизмов), то можно дать учащимся некоторые из наиболее употребительных, например, *отправиться на тот свет, скончаться* и т. п.

В каждом языке найдется подобная эвфемистическая замена глагола *умереть*, и поэтому преподаватель может привлечь в качестве иллюстрации родной язык учащихся фразеологизмы родного языка. Например, в таджикском языке в значении «умереть» есть такие фразеологизмы*: аз олам даргузаштан (покинуть мир), аз байн рафтан, аз катор рафтан (выбыть из строя)* и др.

Метафоричность устойчивых словосочетаний, состоящих из прилагательного с существительным типа *золотые руки, белый свет, черный ход, мертвый час* и т.п., объясняется переносным значением прилагательного. Особо надо обратить внимание на переносы из мира животных, например, *медвежья услуга, мокрая курица* и т. п. Метафорические фразеологизмы (идиомы) трудны для объяснения, потому что смысл их нельзя вывести из компонентов. Преподаватель должен подобрать перечень таких идиом, например:

1. Фразеологизмы, употребляющиеся в междометном значении: *Вот тебе на! Ну и ну! Час от часу не легче!* Следует объяснить, в каких случаях они употребляются. Как междометия они не могут быть членами предложения, то есть они всегда стоят вне предложения, не изменяются и означают восклицания.

2. Фразеологизмы, употребляющиеся в предложении наравне со свободными словосочетаниями, состоящими из прилагательного с существительным. В этой группе могут быть выражения, происхождение которых связано с античной культурой, с историей, литературой и другими источниками: *ахиллесова пята* (из древнегреческого мифа − единственное

уязвимое место), *мамаево побоище* (разгром [от имени татарского хана Мамая, разбитого Дмитрием Донским на Куликовом поле]); выражения, где прилагательное изменило свое корневое значение, метафоризовалось: *бабье лето* (последние солнечные дни конца лета и начинающейся осени), *звездный пробег* (пробег, при котором участники из разных мест направляются к одному центру), *мертвая точка* (неподвижное, бездеятельное состояние), *львиная доля* (самая большая доля), *желтая пресса* (продажная пресса), *девятый вал* (решительный, грозный момент). Говоря об этой группе, преподаватель может обратить внимание учащихся на ряд фразеологизмов с прилагательными, обозначающими цвет (*белая ночь, красная строка, черная работа, зеленая улица* и т.п.). Эти фразеологизмы могут быть любыми членами предложения и изменяться как любое свободное словосочетание, например: *Стояли последние прозрачно-золотые дни бабьего лета. Далеко позади остались белые ночи.*

3. Фразеологические сочетания с несогласованными определениями: *человек в футляре* (из рассказа Чехова), *камень преткновения* (помеха), *секрет полишинеля* (секрет, всем известный), *точка зрения* (мнение) и др. При включении в предложение этих фразеологизмов надо указать, что несогласованные определения остаются неизменными, например: *Я не могу согласиться с вашей точкой зрения.*

4. Фразеологические сочетания глагола с существительными: *лезть из кожи вон* (стараться), *вставлять палки в колеса* (мешать), *пустить корни* (прочно обосноваться), *поставить крест* (считать конченным, потерянным), *откладывать в долгий ящик* (откладывать надолго) и т.п. Их следует включать в предложения, изменяя только глагольные формы, например: *Он лез из кожи вон, чтобы доказать свою правоту.*

5. Фразеологические сочетания, употребляющиеся в роли обстоятельств: *с грехом пополам* (кое-как, с трудом), *в первую голову* (сначала), *с места в карьер* (сразу, без разгона), *на живую нитку (наспех)* и т. п. При включении в

предложение они совсем не изменяются и могут употребляться в различных сочетаниях с другими словами, например, *Ученик ответил с грехом пополам*.

Упражнения, связанные с фразеологизмами, надо строить особо, не усложняя их каждый раз заданиями на придумывание предложений с ними. Полезно дать следующие задания:

1) выучить наизусть строчки басен Крылова, заключающие в себе фразеологизмы;

2) объяснить значение следующих фразеологизмов: *пожинать лавры, работать не покладая рук:*

3) указать, какое из двух словосочетаний является устойчивым, какое свободным: *точить зубы − точить бритву, попасть в тон − попасть в яму, намотать на ус − намотать на шею, плясать под чужую дудку – плясать под гармонь* (задание дается на знакомом материале).

Очень важно подчеркнуть стилистический характер идиом и указать, что они часто встречаются в разговорной речи и употребляются с фамильярным оттенком. Можно сказать, обращаясь к товарищу: «*Завтра у нас лыжная вылазка, заруби это себе на носу*», но на собрании об этом же будет сказано по-иному: «*Завтра у нас лыжная вылазка, запомните это*».

Помимо устойчивых словосочетаний, в языке имеются устойчивые предложения-речения. Они отличаются от словосочетаний тем, что обозначают более или менее законченную мысль, причем компоненты их имеют свое предметное значение и не представляют своеобразного сплава, как это отмечается в устойчивых словосочетаниях. К таким речениям относятся пословицы, загадки, поговорки, а также «крылатые слова», т. е. слова, произнесенные историческими деятелями или вошедшие в язык как литературные цитаты. Например, пословицы: *Куй железо, пока горячо; Делу − время, потехе - час; Семеро одного не ждут; цитаты из литературных произведений: «Свежо предание, а верится с трудом»* (Грибоедов); «*Сильнее*

кошки зверя нет» (Крылов); «*Что день грядущий мне готовит*» (Пушкин); известные изречения из фильмов: “*Да пребудет с тобой сила*” (Звездные войны), “*В бесконечность и дальше*!” (История игрушек) “*Ты не можешь изменить прошлое, но ты можешь извлечь из него урок*” (Король Лев) (Мокиенко 2012.167).

Такие речения заучиваются в связи с уроками литературного чтения. литературы и истории. Их роль в языке иная, чем у фразеологизмов, так как они не обозначают единого понятия, и сходство их с фразеологизмами заключается только в том, что слова-слагаемые в них нельзя менять. Как и фразеологизмы, они могут использоваться в разных стилистических целях. Употребление пословиц характерно для разговорной речи.

При работе над фразеологизмами и устойчивыми речениями в национальной школе может стать вопрос об их переводе и соответствии фразеологизмам родного языка. Существует три возможности перевода русских фразеологизмов на родной язык учащихся:

1. Передается только общий смысл фразеологизма. Например: *тянуть лямку* − «делать длительную и неприятную работу». Чаще всего приходится становиться на этот путь, потому что трудно подыскать аналогичное выражение в родном языке.

2. Подыскивается аналогичное выражение в родном языке учащихся.

Например: *Видеть на три аршина под землей*. Отличаться большой проницательностью – *дар таги бурё љунбидани морро фаљмидан, бисёр зирак будан*

Как будто аршин проглотил. Держаться неестественно прямо – *хода хурдагї барин*

Без сучка, без задоринки – бе хеч мушкили, бе хеч монеа – как по маслу – *бе айбу нукс, бекаму кос;*

Была не была (попытаться, надо рискнуть) – *њарчи бодо бод;*

Не было печали (восклицание, выражающее огорчение, досаду) – *бе дарди саре нишаста будан, пул додаму дарди сар харидам;*

Где раки зимуют. Узнать, что значит настоящие трудности – *онаи зори касеро нишон додан;*

Зарубить (себе) на носу (на лбу). Запомнить крепко-накрепко, навсегда − *наѓзакак дар хотир доштан, ба гуш овехтан.*

За тридевять земель. Жить, уехать, находиться − *ба пушти кухи коф рафтан*

Заблудиться в трех соснах. Не уметь разбираться в чем-нибудь простом, несложном − *гаранг шуда мондан, сари калоба гум кардан;*

Яблоку негде упасть. Очень много, в огромном количестве – *сӯзан партоед – рост меистад.* (Маджидов 2006.46).

Образный характер делает их стилистически различными. Поэтому такая передача русских фразеологизмов очень относительна, но при объяснении может быть полезна.

3. Идиома переводится дословно, даются пояснения. Это весьма громоздкий прием, но в тех случаях, когда надо сохранить самобытность образа, следует прибегать к нему. Образ, скрытый в фразеологизме, может быть более и менее доступен. Например, в выражении *гора родила мышь* ясно, что речь идет о размерах. Но фразеологизм *сел на своего конька* в значении «стал говорить на излюбленную тему» может быть переведен дословно только с пояснением.

Все эти приемы должны дифференцироваться в зависимости от контекста: в газетно-публицистических текстах можно передавать общий смысл идиомы, в художественных же желательно передать его образность.

Заключение

В заключение представлены ключевые результаты исследования и сформулированы основные выводы:

1. Значимость работы с устойчивыми словосочетаниями

Устойчивые словосочетания (фразеологизмы) играют важную роль в развитии речевой культуры учащихся. Они способствуют не только обогащению словарного запаса, но и глубокому пониманию культурных и языковых особенностей, что особенно актуально в национальных школах, где учащиеся сталкиваются с необходимостью овладения русским языком как вторым.

2. Эффективность предложенных методик

Введение новых методических подходов, включающих активное использование фразеологизмов на уроках, показало положительные результаты. Учащиеся стали лучше понимать смысл устойчивых словосочетаний и правильно использовать их в устной и письменной речи.

Разнообразие форм работы с фразеологизмами (игры, анализ текстов, самостоятельное составление предложений) увеличило интерес учащихся к изучению русского языка.

3. Усиление мотивации учащихся

Использование фразеологизмов, тесно связанных с культурными аспектами, вызвало у учащихся интерес к изучению русского языка и культуры. Это способствовало повышению мотивации к обучению и лучшему усвоению учебного материала.

4. Влияние на межкультурную коммуникацию

Работа с фразеологизмами помогает учащимся лучше понимать культурные коды русского языка, что способствует улучшению навыков межкультурной коммуникации. Это особенно важно для национальных школ, где учащиеся могут использовать русский язык как средство общения с представителями других культур.

5. Практическое применение

Разработанные методики и подходы могут быть успешно использованы в практике преподавания не только в национальных школах, но и в любых

образовательных учреждениях, где русский язык изучается как второй. Они способствуют развитию лингвистической и культурной компетенции учащихся.

6. Рекомендации для дальнейших исследований

Для дальнейшего повышения эффективности работы с фразеологизмами рекомендуется проводить углубленные исследования, направленные на адаптацию методик для различных возрастных групп и уровней владения языком.

Также целесообразно изучение влияния межпредметных связей (литература, история) на усвоение устойчивых словосочетаний.

Работа над фразеологизмами в национальной школе является значимым компонентом языкового образования, способствующим формированию языковой и культурной идентичности учащихся. Внедрение методик, акцентирующих внимание на устойчивых словосочетаниях, положительно сказывается на качестве образования и обогащает учебный процесс.

Литературы

1- Бабкин А.М. *Русская фразеология, ее развитие и источники*. – М.: Либроком, 2009. – 264 с.

2- Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. *Русская фразеология. Историко-этимологический словарь*. – М.: АСТ, Астрель, 2007. – 704 с.

3- Бирих А.К., Мокиенко В.М., Степанова Л.И. *Словарь русской фразеологии: историко-этимологический справочник*. – СПб.: Фолио-пресс,2001. – 704 с.

4- Валеева Г. Х. *Работа с фразеологизмами на уроках в начальной школе как средство овладения национальной спецификой языка*. https://botana.biz/prepod/nachalnye_klassy/

5- Вершинина, Н. В. *Обучение фразеологии в контексте формирования российской идентичности младших школьников* / Н. В. Вершинина, К. В. Малюкова. – текст: непосредственный // Проблемы современного педагогического образования. – Сборник научных трудов. – Ялта: РИО ГПА, 2023. – ВЫП. 80. – Ч. 2. – С. 59–62.

6- Виноградов В.В. *Основные типы фразеологических единиц в русском языке*/ В кн.: Виноградов В.В. Русский язык. Грамматическое учение о слове/Под ред. Г.А. Золотовой. Изд. 4-е. – М.: Русский язык, 2001.–С. 27-33.–720 с.

7- Винокур Г.О. *Избранные труды по языкознанию и культуре речи*. – М.: ЛКИ, 2010. – 232 с.

8- Гаврильева Оксана Павловна. *Способы активизации фразеологизмов русского языка в речи учащихся национальной школы Республики Саха*, Якутия: Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02: Москва, 2001 198 с.

9- Гвоздарев Ю.А. *Рассказы о русской фразеологии: Книга для внеклассного чтения уч-ся старших классов*. – М.: Просвещение, 1988. – 192с.

10- Джалилов, Х. *Структурно-семантические особенности и синтаксические функции фразеологических единиц в современном таджикском литературном языке: авторефер. дисс.канд.филол.наук*/ Х. Джалилов.-Душанбе,1976.-21с.

11- Маджидов, Х. *К вопросу об определении содержания фразеологической семантики в таджикском языке* /Х.Маджидов //Паёми донишгоҳ (забоншиносӣ) -1990. - №1.- С.48-59.

12- Маджидов, Х. *Фразеологическая система современного таджикского литературного языка* [Текст] / Хамид Маджидов; Таджикский национальный университет. - Душанбе: Деваштич, 2006. - 406 с

13- Мокиенко В.М. *Образы русской речи: Историко-этимологические очерки фразеологии*. – М.: Флинта, 2012. – 465 с.

14- Молотков А.И. *Основы фразеологии русского языка*. – Л.: Наука, 1977. – 284 с.

15- Ожегов С.И. *О структуре фразеологии* / В кн.: Ожегов С.И. Лексикология. лексикография. Культура речи. – М.: Высшая школа, 1974. – 352 с.

16- Сейткужина Алма Акпаровна. *Обучение русской фразеологии в 6-8 классах национальной школы*: 13.00.02 Сейткужина, Алма Акпаровна Обучение русской фразеологии в 6-8 классах национальной школы (На основе значений опорных компонентов фразеологических единиц): Дис. ... канд. пед. наук: 13.00.02 Москва, 2005 295 с.

Bibliography

1- Babkin A.M. *Russkaia frazeologiia, ee razvitie i istochniki*. – M.: Librokom, 2009. – 264 s.

2- Birikh A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.I. *Russkaia frazeologiia. Istoriko-etimologicheskii slovar'*. – M.: AST, Astrel', 2007. – 704 s.

3- Birikh A.K., Mokienko V.M., Stepanova L.I. *Slovar' russkoi frazeologii: istoriko-etimologicheskii spravochnik*. – SPb.: Folio-press,2001. – 704 s.

4- Valeeva G. Kh. *Rabota s frazeologizmami na urokakh v nachal'noi shkole kak sredstvo ovladeniia natsional'noi spetsifikoi iazyka*. https://botana.biz/prepod/nachalnye_klassy/

5- Vershinina, N. V. *Obuchenie frazeologii v kontekste formirovaniia rossiiskoi identichnosti mladshikh shkol'nikov* / N. V. Vershinina, K. V. Maliukova. – tekst: neposredstvennyi // Problemy sovremennogo pedagogicheskogo obrazovaniia. – Sbornik nauchnykh trudov. – Ialta: RIO GPA, 2023. – VYP. 80. – Ch. 2. – S. 59–62.

6- Vinogradov V.V. *Osnovnye tipy frazeologicheskikh edinits v russkom iazyke*/ V kn.: Vinogradov V.V. Russkii iazyk. Grammaticheskoe uchenie o slove/Pod red. G.A. Zolotovoi. Izd. 4-e. – M.: Russkii iazyk, 2001.–S. 27-33.–720 s.

7- Vinokur G.O. *Izbrannye trudy po iazykoznaniiu i kul'ture rechi*. – M.: LKI, 2010. – 232 s.

8- Gavril'eva Oksana Pavlovna. *Sposoby aktivizatsii frazeologizmov russkogo iazyka v rechi uchashchikhsia natsional'noi shkoly Respubliki Sakha*, Iakutiia: Dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.02: Moskva, 2001 198 c.

9- Gvozdarev Iu.A. *Rasskazy o russkoi frazeologii: Kniga dlia vneklassnogo chteniia uch-sia starshikh klassov*. – M.: Prosveshchenie, 1988. – 192s.

10- Dzhalilov, Kh. *Strukturno-semanticheskie osobennosti i sintaksicheskie funktsii frazeologicheskikh edinits v sovremennom tadzhikskom literaturnom iazyke: avtorefer. diss.kand.filol.nauk*/ Kh. Dzhalilov.-Dushanbe,1976.-21s.

11- Madzhidov, X. *K voprosu ob opredelenii soderzhaniia frazeologicheskoi semantiki v tadzhikskom iazyke* /Kh.Madzhidov //Paemi donishgox (zabonshinosi) -1990. -№1.- S.48-59.

12- Madzhidov, X. *Frazeologicheskaia sistema sovremennogo tadzhikskogo literaturnogo iazyka* [Tekst] / Khamid Madzhidov; Tadzhikskii natsional'nyi universitet. - Dushanbe: Devashtich, 2006. - 406 s

13- Mokienko V.M. *Obrazy russkoi rechi: Istoriko-etimologicheskie ocherki frazeologii*. – M.: Flinta, 2012. – 465 s.

14- Molotkov A.I. *Osnovy frazeologii russkogo iazyka*. – L.: Nauka, 1977. – 284 s.

15- Ozhegov S.I. *O strukture frazeologii* / V kn.: Ozhegov S.I. Leksikologiia. leksikografiia. Kul'tura rechi. – M.: Vysshaia shkola, 1974. – 352 s.

16- Seitkuzhina Alma Akparovna. *Obuchenie russkoi frazeologii v 6-8 klassakh natsional'noi shkoly*: 13.00.02 Seitkuzhina, Alma Akparovna Obuchenie russkoi frazeologii v 6-8 klassakh natsional'noi shkoly (Na osnove znachenii opornykh komponentov frazeologicheskikh edinits): Dis. ... kand. ped. nauk: 13.00.02 Moskva, 2005 295 s.

HOW TO CITE THIS ARTICLE
Nagzibekova M. B./ Ruzieva L. T./ Andamova H. I. (2025). WORK ON STABLE VOCABULARY IN THE NATIONAL SCHOOL. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, 13*(1), 47-68.
DOI: 10.66224/iarll.25.3
URL: https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/338

بررسی اصطلاحات ثابت در مدارس ملی

مهرالنساء بازارونا نغزیبکوا[1*]
پروفسور، دانشگاه ملی تاجیکستان،
دوشنبه، تاجیکستان

لاله طالیبونا روزیوا[2]
پروفسور، دانشگاه ملی تاجیکستان،
دوشنبه، تاجیکستان

همایون اسماعیلونا اندماوا[3]
دکترا، دانشگاه ملی تاجیکستان،
دوشنبه، تاجیکستان

(تاریخ دریافت: اکتبر ۲۰۲٤؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۵)

چکیده

این مقاله به بررسی اصطلاحات و عبارات ثابت و آزاد که در مدارس ملی تدریس می‌شوند، می‌پردازد. پیشنهاد می‌شود که کار بر روی اینگونه عبارات به همراه کار واژگانی انجام شود. تهیه یک فرهنگ لغت ویژه که در آن دانش‌آموزان به تدریج عبارات اصطلاحی یادگرفته‌شده را ثبت کنند، بسیار مفید است. در این فرهنگ لغت، اصطلاحات مرتبط با فعل بر اساس فعل‌ها، عبارات مرتبط با صفت و موصوف بر اساس کلمه ابتدایی، و همچنین عبارات حاوی حروف ندا و قیدها سازماندهی می‌شوند. معلم با نشان دادن انواع ارتباط در عبارات آزاد، باید تلاش کند تا دانش‌آموزان بتوانند به راحتی با این عبارات کار کنند، آنها را بسازند (مثلاً برای یک اسم، صفت مناسب پیدا کنند یا برای یک فعل، مفعول مناسب انتخاب کنند)، آنها را تغییر دهند (مثلاً عبارات اسم و صفت را به صورت جمع بکار ببرند یا فعل را در زمان‌های مختلف قرار دهند) و از آنها در گفتار منسجم استفاده کنند (جملاتی با استفاده از این عبارات بسازند). کار بر روی اصطلاحات باید به طور مداوم انجام شود و از ساده به سخت پیش برود. هنگام خواندن متن، معلم باید همیشه توجه دانش‌آموزان را به اصطلاحات ثابت جلب کند. توضیحات معلم در این مرحله عمدتاً به توضیح مفهوم بیان‌شده توسط عبارت پایدار و جلب توجه دانش‌آموزان به استفاده از کلمات خاص در هر اصطلاح معطوف می‌شود. یادگیری عملی این مطالب نیز بسیار مهم است، زیرا چنین اصطلاحاتی بسیار رایج هستند. هنگام یادگیری هر اصطلاح، مهم است که به امکان تغییر شکل دستوری کلمات تشکیل‌دهنده آن اشاره شود. در کار بر روی اصطلاحات و عبارات پایدار در مدارس ملی، ممکن است مسئله ترجمه و تطابق آنها با اصطلاحات زبان مادری مطرح شود.

واژگان کلیدی: عبارات ثابت، دانش‌آموزان، معلم، مدرسه ملی، زبان روسی، ادبیات روسی، تکالیف، تمرینات.

---

* نویسنده مسئول
1. E-mail: mnagzibekova@mail.ru; https://orcid.org/0009-0007-5610-6655
نوع مقاله: علمی- پژوهشی
2. E-mail: akila.ru@mail.ru; https://orcid.org/0009-0004-0561-5722
3. E-mail: aismoil@inbox.ru; https://orcid.org/0009-0003-3183-5940

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 69-88
DOI: 10.66224/iarll.25.4
Article No.: 25.41.202502.6988 *Scientific Article*

HISTORICAL TOPONYMS IN LITERARY TRANSLATIONS OF ANCIENT TEXTS

Modebadze Irine Igorevna[1*]
Senior Scientific Researcher of Shota Rustaveli Institute of Georgian Literature,
Ivane Javakhishvili Tbilisi State University.
Tbilisi, Georgia

(date of receiving: November, 2024; date of acceptance: January, 2025)

Abstract

In ancient literary texts encounters the names of countries and cities corresponding to those that actually existed in the era of creation of the works, but was artistically reinterpreted by the author. In Shota Rustaveli's poem "The Knight in the Panter's Skin" (12th century) these are the countries on whose territory the main plot takes place: Indoeti, Arabeti, Khataeti. The article examines the Russian translations of *Arabeti* and *Khataeti* in the context of the cultural and political situation of the region during the Rustaveli era. The comparative analysis showed that, in contrast to translations of the 20th century, translations created at the turn of the 20th-21st centuries provide a greater opportunity to understand the geographical space of the text. Domestication is fixed from two main positions: hermeneutical translation and correction with the modern geo-political map.

Keywords: Historical Toponyms, Translation, Rustaveli, Arabeti, Khataeti.

1. E-mail: irinamodeb@gmail.com; https://orcid.org/0000-0001-5432-0243

* Corresponding author

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 69-88
DOI: 10.66224/iarll.25.4
Article No.: 25.41.202502.6988 *Статья научная*

ИСТОРИЧЕСКИЕ ТОПОНИМЫ В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ПЕРЕВОДАХ ДРЕВНИХ ТЕКСТОВ

Модебадзе Иринэ Игоревна[1*]
Старший научный сотрудник Института грузинской литературы
им. Шота Руставели ТСУ им. Ив. Джавахишвили,
Тбилиси, Грузия.

(дата получения: ноябрь 2024 г.; дата принятия: январь 2025г.)

Аннотация

В древних художественных текстах нередко встречаются названия стран и городов, которые хотя и соотносятся с реально существовавшими в эпоху создания произведений, но художественно переосмысленные, являются плодом авторского вымысла. Именно такими предстают перед читателем названия сран, на территории которых разворачивается основной сюжет созданной в XII веке поэмы Шота Руставели «Вепхисткаосани» («Витязь в тигровой шкуре»): არაბეთი (Арабэти), ინდოეთი (Индоэти) и ხატაეთი (Хатаэти). Проведенный с учетом контекста реальной культурно-политической ситуации региона эпохи Руставели, сравнительный анализ восьми полных поэтических переводов поэмы на русский язык доказал, что, в отличие от переводов XX в., созданные на рубеже XX−XXI вв. переводы поэмы на русский язык дают читателю возможность непосредственного восприятия пространственной структуры текста. Фиксируется тенденция доместикации исторических топонимов по двум ракурсам: герменевтический перевод и коррекция с современной геополитической картой мира.

Ключевые слова: исторические топонимы, перевод, Руставели, Арабэти, Хатаэти.

1. E-mail: irinamodeb@gmail.com; https://orcid.org/0000-0001-5432-0243

* Ответственный автор

Введение

В статье «*Восток* Шота Руставели и *восточный колорит* русскоязычных переводов поэмы» (Модебадзе 2021. 67−88) были опубликованы результаты исследования маркеров художественного *Востока* (интертекстуальных отсылок, культурных концептов и реалий) в полных поэтических переводах на русский язык поэмы XII в. «Вепхисткаосани» («Витязь в тигровой шкуре»). На исходе 2023 г. был опубликован новый полный поэтический перевод (переводчик Коте Гулисашвили). Отличающийся от всех предыдущих вариантов текст заставил обратить внимание на такой немаловажный аспект вариативности переводческих стратегий, как перевод исторических топонимов, анализу которого и посвящено данное исследование, задуманное как продолжение вышеупомянутой статьи.

При переводе текста топонимы передаются путём транслитерации (буквенной имитации), транскрипции (фонетической имитации) или кальки (замены составных частей, морфем или слов их лексическими соответствиями). Исторические топонимы способствуют воссозданию национального и хронологического колорита эпохи создания переводимого текста. Проблема их рецепции решается практически однозначно: издание сопровождается *Примечаниями* и *Словарем*, которые предоставляют читателю необходимую информацию.

В древних текстах встречаются названия стран и городов, которые хотя и соотносятся с реально существовавшими в эпоху создания произведений, но художественно переосмысленные, предстают плодом поэтического вымысла. Переводчики нередко принимают их за вымышленные территории и используют различные стратегии перевода. Неоднозначно транслируются и основные геополитические маркеры художественного пространства поэмы Шота Руставели.

Глубинные смысловые пласты «Вепхисткаосани» базируются на религиозно-богословских и философских воззрениях эпохи, когда «даже

карты, часто были скорее увиденной с религиозных позиций историей, чем реальной картографической картиной» (Тварадзе 2004. 183)[1]. Специалисты отмечают, что «страноведение в поэме не совпадает с конкретно-географической картиной мира, но имеет мировоззренческую значимость» (Церетели 2016. 256). Соответственно, страны, на территории которых разворачивается сюжет (არაბეთი (*Арабэти*), ინდოეთი (*Индоэти*) и ხატაეთი (*Хатаэти*), являются знаковыми символами мироустройства, что осложняет их перевод.

На сегодняшний день известно восемь полных поэтических переводов поэмы на русский язык. Большинство из них датируются советским периодом: К. Бальмонта (1933), Г. Цагарели (1937), П. Петренко при участии К. Чичинадзе (1938), Ш. Нуцубидзе (1941), Н. Заболоцкого (1957). В XXI в. к ним добавилось еще три: Г. Девдариани (2004); А. Халваши (2015) и К. Гулисашвили (2023). Нельзя также игнорировать и прозаический перевод С. Иорданишвили (1933), который часто называют подстрочным (по нему работали переводчики поэмы Руставели на языки народов СССР: М. Бажан, Н. Заболоцкий и многие другие). В исследовании, целью которого было определение основных инноваций переводческих стратегий трансфера *Арабэти* и *Хатаэти* в русскоязычное культурное поле, были учтены тексты всех вышеназванных переводов. Поскольку одним из главных условий выбора переводческой стратегии является *понимание* переводимого текста, полагаем, что соотносимость вариативности переводческих интерпретаций с научным осмыслением поэмы заслуживает особого внимания.

Основная часть

«В поэме Руставели Индия, Аравия, Персия и т. д. осмыслены в соответствии со средневековыми представлениями, что не имеет ничего

---

1. Здесь и в дальнейшем перевод с грузинского – *И.М.*

общего с современной географией» (Церетели 2015. 206). Руставелевская *Индоэти* (страна индов) условна и несет знаковую символическую нагрузку, тем не менее, во всех переводах название этой страны транслируется однозначно – «Индия», реже «Индостан». В этом смысле трансфер *Арабэти* и *Хатаэти* кардинально иной.

Арабэти → Арабия → Аравия → край арабов

Первая же глава поэмы отсылает читателя в *Арабэти* (стрф. 32, 1; нумерацию строф приводим по Руставели 2007)*: «Был в Аравии Ростеван, царь от Бога...» (пер. С. Иорданишвили)*. В грузинском языке постфикс *-ти* указывет на заселенные определенным этносом или этнической группой земли / страны. При калькировании получаем *Арабия*. Именно так, в качестве исторического топонима, упомянута эта страна в переводе К. Бальмонта (1937): «*Был в Арабии певучей царь от бога»* (Руставели 1936. 6). Однако при наличии слов «араб», «арабский» и т.д. в русском языке никогда не было топонима «Арабия». Объяснение этому находим в «Этимологическом словаре русского языка» Макса Фасмера, где сказано, что слово «араб» проникло в русский язык «вероятно, из франц. Arabe», в то время как слово «Аравия» имеет более древние корни, обнаруживаемые в старославянском и древнерусском языках» (Фасмер 1986а. 82). Соответственно, *Арабия* Бальмонта воспринимается русскоязычным читателем как никогда не существовавшая страна. Это влияет на интонационную значимость повествования: от эпического нарратива вектор смещается к сказочному дискурсу, что не соответствует авторскому замыслу строгого равновесия всех элементов повествовательной структуры.

Все грузино-русские словари переводят *Арабети* как *Аравия,* поэтому большинство переводов транслируют *Арабия* как *Аравия*:

> Был в *Аравии* Ростеван, царь от бога... – пер. С. Иорданишвили (Руставели 1966-а. 11)

Был в *Аравии* властитель Ростеван – пер. Ш. Нуцубидзе (Руставели 1979. 19)

Жил в *Аравии* когда-то царь от бога... – пер. Н. Заболоцкий (Руставели1966-б. 12)

К сожалению, у современных читателей этот, вполне адекватный перевод ассоциируется с Аравийским полуостровом и с современными Арабскими государствами. В поэме повествуется как Тариэл (один из главных героев поэмы), покинув *Индоэти,* длительное время странствовал по морским просторам (579,1; 580, 1; 581, 1 и 641, 2) и гостил в Мульгазанзаре (приморском городе-царстве). Упоминание «плавания по морям», наличие в некоторых переводах эпитета «царь аравийский» лишь усиливает ассоциацию с современной географией. В результате переводчики оказываются между Сциллой и Харибдой хронологического и культурного барьеров.

В «Еврейском и халдейском этимологическом словаре к книгам Ветхого Завета» О. Н. Штейнберга (1878) имеется указание, что слово «Аравия» происходит от древнееврейского слова «арава» (ערב) – «степь» (Штейнберг 1878. 367). Ландшафт описанной в поэме богатой живностью лесистой местности не похож ни на степные просторы, ни на природу Аравийского полуострова (даже при учете изменений климата планеты за прошедшие века). Переводчики, зная, что речь идет не об Аравии в современном понимании, но о арабском государстве XII в. пытались найти способ, не нарушая законов словообразования русского языка, преодолеть утвердившийся штамп. В частности, П. Петренко решил в первой строке не упоминать неоднозначно трактуемый топоним: *«Ростеван был царь арабский»* (Руставели 1984. 41), аналогично поступил и А. Халваши: *«Был арабский царь Ростеван»*, а в следующей строфе уточняется *«Правил <...> арабским царством тех времен»* (Руставели 2015. 55). Встречаем также *«в стране арабов»* (Руствели 2004. 30)

и «краю арабов» (Руставели 2023. 9). Избежать упоминания *Аравии* в самом тексте не смог ни один переводчик (за исключением К. Бальмонта).

Передача смысла, настроя и интонации переводимого произведения представляют немаловажный аспект переводческой деятельности. Какой же смысл вкладывал Шота Руставели в понятие *Арабэти*? Рассмотрим, что говорится об этой стране в поэме. Прежде всего, это «объединенное мечом» сильное арабское государство, население которого исповедует ислам. Благодаря справедливому правлению страна процветает, а народ живет в довольстве. После того как Автандил покинул ее пределы, он попадает в «суровую и весьма бесплодную местность», где «за целый месяц не видел ни одного человека» (стрф. 181,1-2). Резкий контраст подчеркивает царящую в *Арабэти* благодать. Все это дает возможность считать *Арабэти* художественным воплощением феодального идеала государственного устройства. «Отражение в тексте действительности предполагает наличие затекста − фрагмента действительности, описанного в тексте. Затекст присутствует в тексте неявно, как отсылка к реальным событиям или явлениям. По сути, целью текста является описание затекста в том ракурсе, в каком он видится его автору» (Белянин 2016. 172). Грузия, как один из древних перевалочных пунктов Великого Шелкового пути была прекрасно осведомлена о жизни азиатских государств, и поэт XII в. разбирался не только в географии, но и в политике современных ему азиатских стран (доказательств представлены в тексте поэмы), поэтому для выявления возможного затекста обратимся к истории.

К эпохе Руставели (конец XII в.) расцвет Арабского халифата (в старорусских источниках «царство Агарянское / Измаильтянское») остался в прошлом. В XII−XIII вв. значительная часть исторической Аравии находилась в вассальной зависимости от Султаната курдской династии Айюбидов. И хотя в культурной памяти хранились сведения о прошлой славе аравийские страны

уже не могли служить поэту прообразом сильного арабского государства. В то же время на севере Индостана и прилегающих территориях происходили не менее значимые культурно-исторические перемены. И в этом смысле привлекает внимание история Делийского султаната.

Победив раджпутов, султан Мухаммад Гури в 1192 г. захватил Север Индии и основал новое государство, столицей которого стал г. Дели («столица семи империй», что перекликается с объединением «семи царств» руставелевской *Индоэти*), а государственным языком − персидский, Хотя набеги северо-западных соседей (персоязычных тюрков), создание на этой территории временных государств, распространение персидского языка и процесс мусульманизации населения начались гораздо раньше, однако постоянно расширявшее свои границы за счет сопредельных стран реально сильное мусульманское государство сформировалось лишь в начале XII в. Среди завоевателей арабы отнюдь не были этническим меньшинством, и при создании *Арабэти* воображение поэта вполне могло использовать информацию о происходящих на севере Индостана событиях в общем контексте «арабского» (*мусульманского*) государства. В таком случае и неоднократно вызывавшие острые научные полемики слова поэта о «персидской истории», изложенной им по-грузински (напомним, что в персидской литературе подобный сюжет не обнаружен), вполне могли бы оказаться аллюзией на персоязычие завоевателей.

Поскольку *Арабэти* не какая-либо конкретная страна, но сложный художественный конструкт глубокой символической значимости, переводы «*край арабов*» и *«страна арабов»* представляются наиболее близкими оригиналу.

Хатаэти → Хатай → Китай

Что касается *Хатаэти*, перевод названия этой далекой от Грузии азиатской страны вопрос не менее сложный. В художественном пространстве поэмы

Хатаэти – граничащая с *Индоэти* (стрф. 407; стрф. 414) густонаселенная богатая страна, правитель которой имеет два титула: *მეფე* [мэпэ] (в переводах «царь») и *Хан* (стрф. 414,2). Попытки *Хатаэти* освободиться от вассальной зависимости периодически приводят к войнам с *Индоэти*. Так же, как и *Индоэти* и *Арабэти*, это художественный конструкт, несущий глубокую символическую и смысловую нагрузку, тем не менее за руставелевским *Хатаэти,* казалось бы, несложно угадать древнее государство Хатай.

Создание поэмы Руставели датируется концом XII в. Сложность заключается в том, что на протяжении XI−XII вв. существовало несколько государств под названием Хатай, история которых вполне могла служить поэту источником творческого вдохновения. Прежде всего, это древнее государство *Великое Ляо* (*Железная Империя*) на северо-востоке территории современного Китая. Его основали родственные монголам племена, которых называли *кидань-монголами / киданями / китанами / китаями* ***/ хатаями***. В X–XI вв. это было самое могущественное государство Восточной Азии. Соседние народы использовали этноним *Кидани / Китаи / Хатаи*, как название страны. В разных языках оно обрело форму *Китайа / Кэтай / Хитай* ***/ Хатай*** */ Хитан / Хидан /Сатай* (в английский язык слово вошло как *Cathay*). Югом современного Китая в то время правила династия Южная Сун, которую называли ***Чин /*** *Цинь/ Син / Чжина / Манзи / Манци.* В начале XII в. Империя Сун захватила Великое Ляо. В разных языках объединенная страна получила названия, близкие или к слову *Китай,* или к слову *Чин.*

Ушедшая на Запад часть киданей создала в Центральной Азии новое государство (1140−1218), за которым закрепился прежний топоним Катай / **Хатай**. Правитель этого государства (так же, как и правитель *Хатаэти* в поэме Руставели) носил два титула − Император и Гурхан. Китайцы называли эту страну Си-Ляо (Западное Ляо), а мусульмане Кара-китайским / Кара-киданьским ханством. Несмотря на то, что в результате завоеваний Чингиз-

хана оно исчезло с лица земли, страна Kara-Kithay еще несколько веков присутствовала на европейских картах (хранятся в Музее Ватикана). Аналогично и память о могуществе Великого Ляо могла долго сохраняться на ментальной карте наших предков. Поэтому в прошлом веке, несмотря на то, что к эпохе Руставели Великое Ляо уже исчезло с политической карты мира, прообразом руставелевского *Хатаэти* считалось это древнее государство. Сформировался устойчивый штамп: «Хатай – государство на севере Китая», который иногда встречается и в современных исследованиях. Сомнения в его истинности возникли лишь к концу XX века.

В общем контексте рассуждений о возможном местонахождении реального Хатая эпохи Руставели небезынтересна высказанная в одном из интервью 2017 г. гипотеза востоковеда-ираниста Ал. Элэрдашвили, по мнению которого, эта страна «находилась на северо-западе современной Индии, а с юго-востока граничила с современным Ираном» (Элэрдашвили 2017), что ближе к Центральной Азии, чем Китаю. Говоря об историческом Хатае нельзя не упомянуть еще один *Хатай*. Речь *идет* о граничащей с Сирией южной провинции Турции (турецк.: *Hatay* / Хатай [ˈ hataj]). Топоним восходит к этнониму тюркского народа, когда-то населявшего исторический регион северной Месопотамии. Там по-прежнему смешанное население (турки / арабы) и широко распространен арабский язык.

Суммируя все вышесказанное, считаем возможным причислить топоним *Хатаэти* к топонимам-мигрантам («перенесенным названиям»), появившимся в результате древних миграций. Соответственно, по аналогии с *Арабэти* и *Индоэти*, *Хатаэти* может быть осмыслена как производное от этнонима, и перевод «Хатай» в значении «страна хатайцев / киданей / китаев» представляется наиболее близким оригиналу.

До последнего времени издания поэмы сопровождал краткий *Словарь*, где можно было прочесть, что:

«*Хатаэтия – Хатайя, Хатай, Хатан – Северный Китай. Хатавы – монгольское племя, населявшее Северный Китай*» – к переводу Г. Цагарели (Руставели 1953. 244)

«*Хатаэти – Северный Китай. Хатавы – монгольское племя, обитавшее в Северном Китае*» – к переводу Н. Заболоцкого (Руставели 1966-б. 300)

«*Хатай – по мнению некоторых исследователей, – северный Китай*» – к переводу С. Иорданишвили (Руставели 1966-а. 328)

«*Хатайцы – обитатели Хатайской страны, Хатаэти*» – к переводу Ш. Нуцубидзе (Руставели 1979. 239).

«*Хатайя (Хатаэти) – здесь, видимо, подразумевается страна, расположенная к северу от Китая и населенная турками. В поэме хатайцы – турки*» – к переводу П. Петренко / редактор С. Цаишвили/) (Руставели 1984. 240);

«*Хатай – страна хатайцев – Северный Китай*» – к переводу Г. Девдариани (Руствели 2004. 240).

Как видим, комментаторы поэмы считали реальным Хатаем эпохи Руставели «Северный Китай» (Великое Ляо). Обращает на себя внимание примечание С. Цаишвили к изданию перевода П. Петренко (1984), в котором указано, что *Хатаэти* населяют «турки». Поскольку в грузинском языке (как и в турецком) этноним [туркни] охватывает и более широкое понятие «тюрки», неточность при переводе приводит к искажению смысла.

Словарь отсутствует в изданиях переводов К. Бальмонта и К. Гулисашвили, в которых трансфер *Хатаэти* кардинально отличается от всех остальных вариантов. К. Бальмонт работал над первым полным поэтическим переводом поэмы на русский язык в 30−40-ые годы XX в. В то время *Хатаэти* воспринимался исключительно как исторический топоним, и в переводе имеем

транскрибирование: *Хатаэти* → «Кхатаэти» (жители страны названы «кхатавы»). Созданный в наши дни (2023 г.) перевод К. Гулисашвили также ориентирован на традиционное осмысление, но содержит прямую замену: *Хатаэти* / Хатай превратился в *Китай*, а *хатайцы* стали *китайцами*.

В поэме, как и в других древнегрузинских текстах, Хатай (*Хатаэти*) и Китай *(Чин*) четко дифференциированы. Китайцам, а не хатайцам, приписывается известный афоризм «Кто себе друзей не ищет, самому себе он враг!» (Руставели 1966-b. 129). Прибегнуть к замене К. Гулисашвили, по-видимому, подтолкнуло стремление к максимальной доместикации текста и специфика русского языка. По сведениям «Этимологического словаря русского языка» Макса Фасмера, в русский язык слово *Китай* перешло из древнерусского (впервые зафиксировано в сочинении Афанасия Никитина «Хождение за три моря», XV в., и утвердилось как общее название страны» (Фасмер 1986 b. 240-241). К XV в. уже не существовало ни Великого Ляо, ни Кара-киданьского ханства, поэтому сведений об этих государствах в живом русском языке нет, а краткие разъяснения *Словарей* не способны пролить свет на историю древних государств. С другой стороны, благодаря средствам массовой информации, читатель может быть наслышан о наиболее пострадавшей в результате разрушительного землетрясения февраля 2023г. турецкой провинции Хатай. Не исключено, что прямая замена обусловлена желанием переводчика избежать вариативности интерпретаций, возможных при отсутствии комментария. Конкретизация приводит к упрощению смысла оригинала, однако следует особо оговорить, что упрощение, равно как и приоритет универсализации переводимого текста, вполне соответствует духу нашего времени. По словам Х.Г. Гадамера, «каждая эпоха понимает дошедший до нее текст по-своему», и «всякий перевод <....> яснее и примитивнее оригинала» (Еремишин 2006).

***

Художественное пространство поэмы чрезвычайно обширно. Кроме *Арабэти, Индоэти* и *Хатаэти* оно включает в себя маркеры вымышленных и реально существовавших (Хваразм / Хорезм, Балахшан / Бадахшан, Багдад, Египет и др.) городов и стран. Геополитическая реальность той эпохи – это сложная история завоеваний, падений и образования новых государств, которую невозможно охватить в кратком обзоре, однако проведенный анализ свидетельствует, что художественная симуляция мира Востока вполне достоверна и близка к реальности. Отношения *Индоэти* и *Хатаэти*, равно как и сам факт размещения идеального государства *Арабэти* в художественном пространстве культурного региона, представляется творческим переосмыслением имевшейся у наших предков информации.

Сложная система художественно-изобразительных средств (метафоры, эпитеты, гиперболизация, аллитерация, эвфонии и т.д.) затрудняет перевод поэмы на иностранные языки. Переводчики сталкиваются с основанной на аллегорической функции языка «проблемой множественности смыслов», когда поэт, «говоря одно, говорит и другое» (Рикер 1995. 97). Поскольку «воспринимая текст, мы <....> анализируем его в поисках рациональной адаптации для системы своих понятий, для собственной базы знаний» (Семенов 2008. 9-10), переводы дают лишь частичную интерпретацию оригинала. Большинство переводов поэмы Шота Руставели на русский язык создавались в советскую эпоху, когда «определенное воздействие на переводчиков оказывали <....> определенные государственной идеологией идейно-художественные нормативы, что отразилось и на вариативности понимания / интерпретации текста оригинала» (Элбакидзе, Модебадзе 2022. 78). Сопоставительный анализ переводов *Арабети* и *Хатаэти* подтвердил наш прежний вывод: «в процессе доместикации частично, а в ряде случаев полностью теряется связь с реальным Востоком. <....> Все более дистанциируясь от культурного поля своей эпохи, поэма постепенно обретала

светско-развлекательный характер, а художественный *Восток* Руставели, отдаляясь от реального, все более сближался со сказочным миром восточных сказаний» (Модебадзе 2021. 71). Это вполне соответствовало советской парадигме рецепции текста как героического эпического сказания со сказочными элементами (поэтического гимна дружбе, в советской интерпретации − дружбе народов). К сожалению, ставший устойчивым стереотипом, этот ракурс сохраняется и в переводах нашего времени.

«Само понятие правильного метода, верного перевода, не является устойчивым: на протяжении длительного времени существования переводческой деятельности оно неоднократно видоизменялось» (Хуцишвили 1989. 10). Корней Чуковский был уверен: «Вы никак не можете предугадать, что будет считаться точным переводом в 1980 году, или в 2003 году. Каждая эпоха создает свое представление о том, что такое точный перевод» (Чуковский 1970. 11). Выбор верного эквивалента при переводе во многом зависит от уяснения переводчиком содержания оригинала. Согласно имеющимся сведениям, в процессе работы почти все переводчики поэмы консультировались с руставелологами, и хронология трансформации интерпретаций *Хатаэти* в переводах совпадает с развитием научной мысли (исторический топоним → религиозно-философский концепт), соответственно, лингвистический перевод → герменевтический.

Заключение

Проведенный с учетом контекста реальной культурно-политической ситуации эпохи Руставели сравнительный анализ показал, что фиксируется тенденция к доместикации исторических топонимов по двум ракурсам: герменевтический перевод (*Арабэти → Арабия → Аравия → край арабов*) и коррекция с современной геополитической картой мира (*Хатаэти → Хатай → Китай*).

В древних текстах встречаются художественные конструкты (названия стран и городов), за которыми можно полагать наличие творчески переосмысленных исторических топонимов. Переводить их как имена собственные, как культурно-исторические понятия, религиозно-философские концепты или как продукт художественного вымысла? Решение остается за переводчиком.

Литература

1- Белянин В. П. (2016). *Психолингвистика: Учебник*. Москва : Изд-во ФЛИНТА. 415 с. [Электронный ресурс]. URL: http://lib.ysu.am/open_books/413123.pdf). (Дата обращения: июнь 2024).

2- Еремишин О. (2006). *Афоризмы. Золотой фонд мудрости*. (Ханс Георг Гадамер). М: Просвещение. [Электронный ресурс]. URL: http://rus-yaz.niv.ru/doc/aphorisms-eremishin/fc/slovar-213.htm#zag-1150 (Дата обращения: май 2024)

3- Модебадзе И. (2021). *«Восток Шота Руставели и восточный колорит русскоязычных переводов поэмы»*. Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, 9(1). 67-88 DOI: 10.52547/iarll.17.67 URL: https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/145

4- Рикер, Поль (1995). *Конфликт интерпретаций. Очерки о герменевтике*. Москва: Изд-во «Academia-Центр».

5- Руставели (2023). *Витязь в тигровой шкуре.* Перевод с грузинского Константина Гулисашвили. Тбилиси: Изд-во CARPE DIEM.

6- Руставели (2015). *Витязь в тигровой шкуре.* Полная редакция. Критический текст оригинала и русский перевод Арчила Халваши. Тбилиси: Изд-во «Картули цигни».

7- Руставели, Шота (2007). *Витязь в тигровой шкуре*, двуязычное издание. СПб.: Изд-во «Вита-Нова».

8- Руставели, Шота (1984). *Витязь в тигровой шкуре*. Грузинская поэма. Перевод с грузинского Пантелеймона Петренко при участии и под редакцией Константина Чичинадзе. Тбилиси: Изд-во «Мерани».

9- Руставели, Шота (1979). *Витязь в тигровой шкуре*. Перевод с грузинского Шалвы Нуцубидзе. Тбилиси: Изд-во «Мерани».

10- Руставели, Шота (1966-а). *Витязь в тигровой шкуре*. Построчный перевод с грузинского С.Иорданишвили. Тбилиси: Изд-во «Литература да хеловнеба».

11- Руставели, Шота (1966-b). *Витязь в тигровой шкуре*. Перевод с грузинского Н.Заболоцкого. Москва: Изд-во «Художественная литература».

12- Руставели, Шота (1953). *Витязь в тигровой шкуре*. Поэма. Перевод с грузинского Георгия Цагарели. Второе, переработанное издание. Москва: Изд-во «Художественная литература».

13- Руставели, Шота (1936). *Витязь в тигровой шкуре*. Поэма. Перевод с грузинского К.Д.Бальмонта. Москва: Изд-во ACADEMIA.

14- Руствели (2004). *Вепхис ткаосани*. Перевод с грузинского Георгия Девдариани. Тбилиси: Изд-во «Полиграфист».

15- Семенов (2008). Семенов, А.Л. *Основы общей теории перевода и переводческой деятельности.* Москва: Изд-во Академия, 159 с.

16- Тварадзе, Александр (2004). *«Грузия и Кавказ в европейских источниках: на основе историографических и картографических материалов XII- XVI веков».* Тбилиси: Изд-во „Сезани“, 355 стр. ISBN: LIB005710, на грузинском языке: თვარაძე, ალექსანდრე. *„საქართველო და კავკასია ევროპულ წყაროებში: XII- XVI საუკუნეთა ისტორიოგრაფიული და კარტოგრაფიული მასალის საფუძველზე“*

17- Фасмер, Макс (1986a). *Этимологический словарь русского языка.* Перевод с немецкого и дополнения члена-корреспондента АН СССР О.Н Трубачева. Под редакцией и с предисловием проф. Б.А. Ларина. Издание второе, стереотипное. В четырех томах. Том 1 (А – Д). Москва: Изд-во «Прогресс». [Электронныйресурс]. URL: https://archive.org/details/Vasmer_RU/Vasmer_RU_1/page/n1/mode/2up (Дата обращения: май 2024).

18- Фасмер, Макс (1986 b). *Этимологический словарь русского языка.* Перевод с немецкого и дополнения члена-корреспондента АН СССР О.Н Трубачева. Издание второе, стереотипное. В четырех томах. Том II (Е – Муж). Москва: Изд-во «Прогресс». [Электронныйресурс]. URL: Free Download, Borrow, and Streaming: Internet Archive (Дата обращения: май 2024).

19- Хуцишвили, М. (1989). *Проблемы перевода грузинской поэзии на русский язык*. Тбилиси: Изд-во «Мецниереба».

20- Чуковский, К. (1970). *Мастерство перевода*. Москва: Изд-во «Советский писатель».

21- Штейнберг, О.Н. (1878). *Еврейский и халдейский этимологический словарь к книгам Ветхого Завета* /сост. О. Н. Штейнберг/ Том 1. Вильна: типография Л. Л. Маца, 532 с. [Электронный ресурс]. URL:https://upload.wikimedia.org/ wikipedia/commons/ (Дата обращения: июнь 2024).

22- Церетели, Лия (2016). *Символика средневековой географии «Витязя в тигровой шкуре». Термин, понятие и парадигма в «Витязе в тигровой шкуре»*. Тбилиси: Изд-во «Мцигнобари», стр. 256-268, на груз. яз. წერეთელი, ლია. წერეთელი, ლია. „ვეფხისტყაოსნის“ გეოგრაფიის შუასაუკუნეობრივი სიმბოლიკა

23- Церетели, Лия (2015). *Индия «Вепхисткаосани». Руставелология, VI.* Тбилиси: Изд-во «ТГУ», стр. 206-224, на грузинском языке: წერეთელი, ლია. „ვეფხისტყაოსნის“ ინდოეთი.

24- Элбакидзе, Мака; Модебадзе, Иринэ (2022). *„ვეფხისტყაოსანი“ - «ВИТЯЗЬ У ТИГРОВІЙ ШКУРІ»: Шота Руставели — Микола Бажан*. «Україна-Грузія: діалог культур та цивілізацій». Київ: Національний педагогічний університет імені М. П. Драгоманова, (укр., рос., англ. мовами). стр. 70-80.

25- Элэрдашвили, Александр (2017). *Какую сенсационную информацию таит «Витязь в тигровой шкуре»?!,* на грузинском языке**: ელერდაშვილი,** ალექსანდრე. *რა სენსაციური ინფორმაცია დევს „ვეფხისტყაოსანში“?!* [Электронныйресурс]. URL: https://geworld.ge/ge (Дата обращения: июнь 2024).

Bibliography

1- Belyanin V. P. (2016). *Psikholingvistika: Uchebnik.* Moskva: Izd-vo FLINTA. 415 s. [Elektronnyy resurs]. URL: http://lib.ysu.am/open_books/413123.pdf). (Data obrashhenija: ijun' 2024).

2- Yeremishin O. (2006). *Aforizmy. Zolotoy fond mudrosti*. (Khans Georg Gadamer). M: Prosveshcheniye. [Elektronnyy resurs]. URL: http://rus-yaz.niv.ru/doc/aphorisms-eremishin/fc/slovar-213.htm#zag-1150 (Data obrashcheniya: may 2024)

3- Modebadze И. И. (2021*). East of Shota Rustaveli and Oriental Flavor Russian-language Translations of the Poem*. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, 9*(1), 67–88. DOI: 10.52547/iarll.17.67 URL: https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/145

4- Riker, Pol' (1995). *Konflikt interpretatsij. Ocherki o germenevtike*. Moskva: Izd-vo «Academia-Centr».

5- Rustaveli (2023). *Vityaz' v tigrovoy shkure.* Perevod s gruzinskogo Konstantina Gulisashvili. Tbilisi: Izd-vo CARPE DIEM.

6- Rustaveli (2015). *Vityaz' v tigrovoy shkure.* Polnaya redaktsiya. Kriticheskiy tekst originala i russkiy perevod Archila Khalvashi. Tbilisi: Izd-vo «Kartuli tsigni».

7- Rustaveli, Shota (2007). *Vityaz' v tigrovoy shkure*, dvuyazychnoe izdanie. S-Pb.: Izd-vo «Vita-Nova».

8- Rustaveli, Shota (1984). *Vityaz' v tigrovoy shkure*. Gruzinskaya pojema. Perevod s gruzinskogo Pantelejmona Petrenko pri uchastii i pod redakciej Konstantina Chichinadze. Tbilisi: Izd-vo «Merani».

9- Rustaveli, Shota (1979). *Vitjaz' v tigrovoy shkure*. Perevod s gruzinskogo Shalvy Nucubidze. Tbilisi: Izd-vo «Merani».

10- Rustaveli, Shota (1966-a). *Vitjaz' v tigrovoy shkure*. Postrochnyj perevod s gruzinskogo S.Iordanishvili. Tbilisi: Izd-vo «Literatura da helovneba».

11- Rustaveli, Shota (1966-b). *Vitjaz' v tigrovoy shkure.* Perevod s gruzinskogo N.Zabolotskogo. Moskva: Izd-vo «Khudozhestvennaja literatura».

12- Rustaveli, Shota (1953). *Vityaz' v tigrovoy shkure. Poema.* Perevod s gruzinskogo Georgiya Tsagareli. Vtoroye, pererabotannoye izdaniye. Moskva: Izd-vo «Khudozhestvennaya literatura».

13- Rustaveli, Shota (1936). *Vityaz' v tigrovoy shkure. Poema*. Perevod s gruzinskogo K. D. Bal'monta. Moskva: Izd-vo ACADEMIA.

14- Rustveli (2004). *Veppkhis tkaosani*. Perevod s gruzinskogo Georgiya Devdariani. Tbilisi: Izd-vo «Poligrafist»

15- Semenov (2008). Semenov A.L. *Osnovy obshchey teorii perevoda i perevodcheskoy deyatel'nosti.* Moskva: Izdatel'stvo Akademiya, 159 s.

16- Tvaradze, Aleksandr (2004). *Gruziya i Kavkaz v yevropeyskikh istochnikakh: po istoriograficheskim i kartograficheskim materialam XII-XVI vekov*. Tbilisi: Izdatel'stvo «Sezani», 355 str. ISBN: LIB005710, na gruzinskom yazyke: თვარაძე, ალექსანდრე. *„საქართველო და კავკასია ევროპულ წყაროებში: XII- XVI საუკუნეთა ისტორიოგრაფიული და კარტოგრაფიული მასალის საფუძველზე“*

17- Fasmer, Maks (1986a). *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka*. Perevod s nemetskogo i dopolneniya chlena-korrespondenta AN SSSR O.N Trubacheva. Pod redaktsiyey i s predisloviyem prof. B.A. Larina. Izdaniye vtoroye, stereotipnoye. V chetyrekh tomakh. Tom 1 (A – D). Moskva: Izd-vo «Progress». [Elektronnyy resurs]. URL: https://archive.org/details/Vasmer_RU/Vasmer_RU_1/page/n1/mode/2up (Data obrashhenija: may 2024).

18- Fasmer, Maks (1986 b). *Etimologicheskiy slovar' russkogo yazyka*. Perevod s nemetskogo i dopolneniya chlena-korrespondenta AN SSSR O.N Trubacheva. Izdaniye vtoroye, stereotipnoye. V chetyrekh tomakh. Tom II (Ye – Muzh). Moskva: Izd-vo «Progress» [Elektronnyy resurs]. URL: Free Download, Borrow, and Streaming : Internet Archive (Data obrashhenija: may 2024).

19- Khutsishvili, M. (1989). *Problemy perevoda gruzinskoy poezii na russkiy yazyk.* Tbilisi: Izd-vo «Metsniyereba».

20- Chukovskiy, K. (1970). *Masterstvo perevoda.* Moskva: Izd-vo «Sovetskiy pisatel'».

21- Shteynberg, O.N. (1878). *Yevreyskiy i khaldeyskiy etimologicheskiy slovar' k knigam Vetkhogo Zaveta* /sost. O. N. Shteynberg/ Tom 1. Vil'na: tipografiya L. L. Matsa, 532 s. [Elektronnyy resurs]. URL: URL:https://upload.wikimedia.org/wikipedia/commons/ (Data obrashhenija: iyun' 2024).

22- Tsereteli, Lija (2016). *Simvolika srednevekovoy geografii «Vityazya v tigrovoy shkure». Termin, ponyatiye i paradigma v «Vityaze v tigrovoy shkure»*. Tbilisi: Izd-vo «Mtsignobari», str. 256-268, na gruz. jaz: წერეთელი, ლია. „ვეფხისტყაოსნის“ გეოგრაფიის შუასაუკუნეობრივი სიმბოლიკა

23- Tsereteli, Lija (2015). *Indija «Vephistkaosani». Rustvelologija, VI*. Tbilisi: Izd-vo «TGU», str. 206-224, na gruzinskom jazyke: წერეთელი, ლია. „ვეფხისტყაოსნის“ ინდოეთი.

24- Elbakidze, Maka; Modebadze, Irine (2022). *«vepkhist' q' aosani» - «VITYAZ' V TIGROVOY SHKURE»: Shota Rustaveli - Mikola Bazhan*. *«Ukraina-Gruziya: dialog kul'tur i tsivilizatsiy»*. Kiyev: Natsional'nyy pedagogicheskiy universitet imeni M. P. Dragomanova, (ukrainskiy, russkiy, angliyskiy yazyki). str. 70-80.

25- Elerdashvili, Aleksandr (2017). *Kakuyu sensatsionnuyu informatsiyu tait «Vityaz' v tigrovoy shkure»?!*, na gruzinskom yazyke: ელერდაშვილი, ალექსანდრე. *რა სენსაციური ინფორმაცია დევს „ვეფხისტყაოსანში“?!* [Elektronnyy resurs]. URL: https://geworld.ge/ge (Data obrashhenija: iyun' 2024).

HOW TO CITE THIS ARTICLE
Modebadze Irine Igorevna (2025). ISTORICAL TOPONYMS IN LITERARY TRANSLATIONS OF ANCIENT TEXTS. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, 13*(1), 69-88.
DOI: 10.66224/iarll.25.4
URL: https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/340

جای‌نام‌های تاریخی در ترجمه‌های ادبی متون کهن

ایرین یگورونا مادابادزه[1*]
استاد پژوهشی، انستیتو ادبیات شوتا روستاولی جواخیشویلی گرجستان،
تفلیس، گرجستان.

(تاریخ دریافت: نوامبر ۲۰۲٤؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۵)

چکیده

در متون ادبی کهن، اغلب نام کشورها و شهرهایی دیده می‌شود که اگرچه با مکان‌های واقعی موجود در دوران خلق اثر مرتبط هستند، اما به شکلی هنرمندانه بازآفرینی شده و ثمرهٔ تخیل نویسنده هستند. نام‌های کشورهایی که وقایع اصلی منظومهٔ «وپخیستکائوسانی» («پلنگینه‌پوش») اثر شوتا روستاولی، سروده شده در سدهٔ دوازدهم، در آنها رخ می‌دهد، دقیقاً به‌همین صورت به خواننده ارائه می‌شود: არაბეთი (آرابتی)، ინდოეთი (ایندواتی) و ხატაეთი (خاتااتی). تحلیل تطبیقی هشت ترجمهٔ کامل شاعرانهٔ منظومه به زبان روسی، با در نظر گرفتن بافت واقعی فرهنگی- سیاسی منطقه در عصر روستاولی، نشان داد که بر خلاف ترجمه‌های سدهٔ بیستم، ترجمه‌های روسی این منظومه که در اوخر سدهٔ بیستم و اوایل سدهٔ بیست و یکم انجام شده‌اند، به خواننده امکان درک مستقیم ساختار فضایی متن را می‌دهند. گرایش به بومی‌سازی جای‌نام‌های تاریخی از دو منظر مشاهده می‌شود: ترجمهٔ تفسیری و تطبیق با نقشهٔ ژئوپلتیک معاصر جهان.

واژگان کلیدی: جای‌نام‌های تاریخی، ترجمه، روستاولی، آرابتی، خاتااتی.

---

* نویسنده مسئول 1. E-mail: irinamodeb@gmail.com; https://orcid.org/0000-0001-5432-0243

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 89-109
DOI: 10.66224/iarll.25.5
Article No.: 25.51.202502.89109 *Scientific Article*

TRANSLATION OF "RUSTAM AND ZOHRAB" BY VASILY ZHUKOVSKY AS A PHENOMENON OF TRANSCULTURAL COMMUNICATION

Poplavskaya Irina Anatolyevna[1*]
Professor, Tomsk State University,
Tomsk, Russia

(date of receiving: August, 2024; date of acceptance: January, 2025)

Abstract

The concept of transcultural communication implies going beyond the boundaries of one culture and forming a special "transitional" space, in which different national cultures, different types of art, and texts in different languages meet. As a result, there emerges a special multicultural field, in which the individual, while preserving a national identity, is open to the influence of diverse cultural practices. Zhukovsky translated the piece "Rustam and Zohrab" from Firdausi's epic *Shah-nameh* in 1846–1847 in the process of transcultural communication. The work on the translation went in several stages. Zhukovsky first read the Persian epic in a German retelling by the critic and publicist Johann Joseph Görres (Gorres, J. J. (1820). *Das Heldenbuch von Iran aus dem Schah Nameh des Firdussi*. Berlin: Reimer). Zhukovsky further read another German version of "Rustam and Zohrab" translated in verse by Friedrich Rückert (Rückert, F. (1838). *Rostem und Suhrab. Eine Heldengeschichte in 12 Buchern*. Erlangen: Th. Biasing). This book has been preserved in the poet's book collection with his numerous notes in it. Zhukovsky's translation of "Rustam and Zohrab" is a free imitation of Rückert. Its central episode is the duel between father and son. Zhukovsky enhanced the ethical pathos of Rückert's poem in the translation, depicting a live human in the supreme ruler. Zhukovsky also introduced new episodes into the translation: the appearance of the maiden Gurdaferid before the dying Zohrab and presentation of the horse with the Zohrab. In these fragments, Zhukovsky largely relies on the leading images and motifs of his romantic lyrics and the tradition of Russian folk tales. Thus, Zhukovsky's version of "Rustam and Zohrab" as a transcultural translation is based on an episode from Firdausi's Persian epic written in Farsi, which the Russian poet perceived through the German language. The German source was the basis for the Russian translation.

Keywords: Persian Poetry, Zhukovsky, Transcultural Communication, Translation.

---

1. E-mail: lady-plvs@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0002-1918-2866 * Corresponding author

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 89-109
DOI: 10.66224/iarll.25.5
Article No.: 25.51.202502.89109 *Статья научная*

ПЕРЕВОД В.А. ЖУКОВСКОГО «РУСТЕМ И ЗОРАБ» КАК ЯВЛЕНИЕ ТРАНСКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Поплавская Ирина Анатольевна[1*]
Профессор, кафедра русской и зарубежной литературы Томского государственного университета,
Томск, Россия

(дата получения: август 2024 г.; дата принятия: январь 2025 г.)

Аннотация

Понятие транскультурной коммуникации подразумевает выход за пределы одной культуры и формирование особого «переходного» пространства, в котором встречаются разные национальные культуры, разные виды искусств, тексты на разных иностранных языках. В результате формируется особое поликультурное поле, в котором личность, не утрачивая своей национальной идентичности, оказывается открыта воздействию многообразных культурных практик. Перевод Жуковским отрывка «Рустем и Зораб» из эпоса Фирдоуси «Шах-наме», выполненный в 1846−1847 гг., рождается в процессе транскультурной коммуникации. Работа над переводом включает в себя несколько этапов. Общее знакомство русского поэта с содержанием персидского эпоса в пересказе на немецкий язык критика и публициста Йозефа Гёрреса (Gö rres J.J. Das Heldenbuch von Iran aus dem Schah Nameh des Firdussi. Berlin. Reimer, 1820). Чтение на немецком языке отрывка «Ростем и Сохраб», переведенного стихами Фридрихом Рюккертом (Rostem und Suhrab. Eine Heldengeschichte in 12 Büchern von Friedrich Riickert. Erlangen, Th. Biasing, 1838). Эта книга сохранилась в библиотеке поэта с его многочисленными пометами. Перевод Жуковского «Рустем и Зораб» является вольным подражанием Рюккерту. В нем центральным оказывается эпизод поединка отца с сыном. Жуковский усилил в переводе этический пафос поэмы Рюккерта, показав живое лицо эпического героя, изобразив человека в верховном правителе. Русский поэт внес новые эпизоды в перевод – это явление девы Гурдаферид умирающему Зорабу и прощание коня Зораба с ним. В этих фрагментах Жуковский во многом опирается на ведущие образы и мотивы своей романтической лирики и традицию русских народных сказок. «Рустем и Зораб» Жуковского как транскультурный перевод основывается на эпизоде из персидской эпопеи Фирдоуси, воспринятой им через посредство немецкого языка. Немецкий же источник послужил основой для русского перевода.

Ключевые слова: персидская поэзия, Жуковский, транскультурная коммуникация, перевод.

---

1. E-mail: lady-plvs@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0002-1918-2866 * Ответственный автор

Введение

Понятие транскультурной коммуникации подразумевает выход за пределы одной культуры и формирование особого «переходного пространства», в котором встречаются разные национальные культуры, разные виды искусств, художественные тексты на разных иностранных языках. В процессе транскультурного взаимодействия акцент делается не на взаимном культурном обмене ценностями, а «на «переходе» одного культурного опыта в другой, переформатировании существующих культурных ценностей и реалий» (Пучковская, Третьяков 2018. 33). В результате возникает особая поликультурная сфера общения, в которой личность, не утрачивая своей национальной идентичности, оказывается открыта по существу всей мировой культуре. В этом смысле перевод Жуковским (1783−1852) фрагмента «Рустем и Зораб» из эпопеи Абуль Касима Фирдоуси «Шах-наме» через посредничество западноевропейской культуры и ее ценностного «переформатирования» рассматривается как характерное явление транскультурной коммуникации.

Основной текст

В середине 1840-х гг. Жуковский задумал осуществить широкий культурный проект – создать собрание повестей для юношества из произведений мировой литературы, которое могло бы служить образцом действенной гуманистической проповеди. В это собрание должна была войти и «персидская повесть» «Рустем и Зораб», взятая из эпопеи Фирдоуси «Шах-наме». В ней «в форме сказаний о последовательно сменяющих друг друга династиях, о царях и богатырях, изложена история иранских народов» (Гликман, Измайлов 1980. 567). Подготовка Жуковского к переводу фрагмента «Рустем и Зораб» (1846−1847) включает в себя несколько этапов.

В 1810-е гг. в журнале «Вестник Европы» были опубликованы отдельные отрывки переводов в прозе из «Шах-наме», выполненные с французского

языка (Отрывки персидской поэзии 1815. 89–99). Жуковский, будучи редактором «Вестника Европы» в 1808–1810-х гг. и продолжая следить за публикациями этого периодического издания, по всей видимости, был знаком с ними. В 1820 г. немецкий критик и публицист Йозеф Гёррес (1776–1848) издает готовившийся им много лет прозаический пересказ «Шах-наме». Для этого немецкий автор специально изучил персидский язык (Михайлов 2000. 226). Этот пересказ спустя некоторое время стал широко известен в России. Современник Жуковского, поэт и прозаик А. А. Бестужев-Марлинский (1797–1837) писал о творчестве Фирдоуси: «… сладкозвучный Фердуси плавит в радугу предания Персии и связывает ею истину с вымыслами. Говорю о «Шах-наме» (повесть царей)… <…> Фердуси – о, это водопад Державина!» (Бестужев-Марлинский 1983. 74). Поэт-декабрист В. К. Кюхельбекер (1797–1846) в статье «О направлении нашей поэзии, особенно лирической, в последнее десятилетие» (1824) отмечал: «… Россия по самому своему географическому положению могла бы присвоить себе все сокровища ума Европы и Азии. Фердоуси, Гафис, Саади, Джами ждут русских читателей» (Кюхельбекер 1979. 458). В письме к А.С. Пушкину (1799–1837) от 3 августа 1836 г. Кюхельбекер просит поэта: «Книг пришли мне: <…> Ша-Наме на немецком («Гёрреса») (Переписка Пушкина 1982. 249). Книга Гёрреса на немецком языке имелась и в библиотеке Жуковского (Библиотека Жуковского 1981. 167).

Следующий этап связан с обращением Жуковского к вольному стихотворному переводу отрывка из поэмы Фирдоуси, выполненному немецким поэтом и ученым-востоковедом Фридрихом Рюккертом (1788–1847). Перевод Рюккерта под названием «Ростем и Сохраб» вышел в свет в 1838 г. (Rückert, F. 1838). Данное издание с многочисленными пометами Жуковского сохранилось в его библиотеке (Библиотека Жуковского 1981. 273). Именно с него русский поэт сделал свой перевод. Выбрав для перевода

эпизод поединка отца с сыном, немецкий автор пытался таким образом познакомить современного европейского читателя с поэмой Фирдоуси в стихотворном переводе, раскрыть ее героическое, мифологическое и драматическое содержание. Жуковский же в большей мере стремился «приблизить древний героический эпос к эстетике романтизма, «одушевить» этот эпос, наполнить его нравственной проблематикой» (Рахманов 2018. 19).

При первой публикации произведения в 1849 г. оно имело следующее заглавие: «Рустем и Зораб. Персидская повесть, заимствованная из царственной книги Ирана (Шах-Наме). Вольное подражание Рюккерту». Основным в переводе Жуковского оказывается мотив странствия героев, а также описание человеческого лица эпических персонажей, их внутренних переживаний, преломляющихся через тему отца и сына и столкновение Ирана с Тураном. Поэтому изображение «внутреннего человека», психологическое описание страстей, драматизм национальных, социальных и этических отношений активно включаются русским поэтом в эпическое повествование (Янушкевич 2010. 309).

Важно отметить, что Жуковский при переводе изменяет само условие встречи Рустема с Зорабом, рожденным от туранки. Его сын перед встречей с отцом должен прославиться: «Нас породнит одна лишь только слава» (Жуковский 2010. 171). Этого условия нет в тексте Фирдоуси. В поэме «Шах-наме» Рустам говорит Тахмине в случае, если у нее родится сын:

«Пусть будет в Сама ростом и дородством,
В Нейрама мужеством и благородством,

Пусть будет мил он солнцу, пусть орла
Средь облаков пронзит его стрела.

Пусть он игрою битву львов считает,
Лица от битв слонов не отвращает» (Фирдоуси 1980. 141).

Здесь внимание акцентируется на родословной Рустама, восходящей к его деду, богатырю Саму. Героические подвиги Сама, его сына Заля, отца Рустама, и самого Рустама и должен продолжить Сохраб.

Русский же переводчик говорит об испытании героев славой. Как пишет современный исследователь, «в поэме Жуковского желание Рустема увидеть сына прославленным определяет трагическую судьбу Зораба, а также и трагедию самого Рустема, принесшего сына в жертву славе» (Матяш 1978. 126). Это условие затем трижды повторяется в «персидской повести» Жуковского. Вначале о нем говорит Рустем, затем Темина, обращаясь к сыну:

«Но ведай наперед, Зораб,
Что на глаза ему явиться
Не иначе ты можешь, как прославясь
Великим делом богатырства;
<…> Вас породнит одна лишь только слава…» (Жуковский 2010. 173),

потом сам Зораб в разговоре с Хеджиром в книге третьей:

«… Узнай же: я Зораб,
Сын царской дочери Темины
И многославного Рустема;
Пришел в Иран знакомиться с отцом;
По славе дел Рустем узнает сына» (Жуковский 2010. 183)

и в диалоге с Баруманом в книге восьмой:

«… Если он
Рустем, то я еще ему в глаза
Сказать не смею: я твой сын!

То им самим запрещено;

Лишь слава даст на то мне право» (Жуковский 2010. 260).

Как пишет современный исследователь эпопеи Фирдоуси, в ней главной философской идеей оказывается борьба добра и зла: «Силам добра, возглавляемым верховным божеством Ахурамаздой, противостоят полчища злых сил, главой которых является Ахриман. Иранцы в «Шах-наме» олицетворяют доброе начало, их враги – злое» (Гафуров 1980. 9). В эпопее данный эпизод связан с тем, что Иран побеждает в борьбе с Тураном, благодаря Рустаму. Пытаясь погубить его, Ахриман готовит гибель Рустаму от руки его сына Сохраба. Однако Рустам, убив сына и «готовый в безумном порыве убить себя», остается жить и вновь «разрушает все надежды туранцев» на победу (Стариков 1957. 566). Основная же идея отрывка, переведенного Жуковским, видится в примирении Ирана с Тураном через глубокое страдание Рустема после убийства Зораба. В книге десятой, главе V Рустем, обращаясь к брату Зевару, говорит:

«Иди, Зевар, и от меня

Турану мир с Ираном объяви» (Жуковский 2010. 287).

Философская проблематика произведения Жуковского во многом связана с трактовкой образа судьбы. С одной стороны, судьба осмысляется здесь как высшее предопределение, как воля небес, которую никто изменить не в силах. Об этом говорят звезды, с «благоволеньем» смотрящие на Зораба:

«Как жаль, что этот цвет

Так скоро, скоро должен

Увянуть! <…>

Его, быть может, завтра

Придет схватить судьбина» (Жуковский 2010. 227).

Об этом же, обращаясь к Рустему, говорит умирающий Зораб:

«Не ты, не ты меня убил;
В утробе матери на то
Я был звездами предназначен» (Жуковский 2010. 277).

Ему вторит и шах Кйкавус:

«… Но мог ли кто из нас
Подумать и во сне,
Что б был он сын Рустема,
Судьбой назначенный погибнуть
В Иране от руки отца?» (Жуковский 2010. 285).

С другой стороны, судьба получает здесь и экзистенциальное осмысление как осознаваемое Рустемом возмездие за его гордость. В переводе Жуковского в словах этого героя о себе раскрывается его личное духовное прозрение:

«Я возмечтал до неба вознестися –
И было мне, в урок смиренья, небом
Ниспослано сыноубийство» (Жуковский 2010. 281).

Исключительную роль и в оригинальном тексте, и в текстах-посредниках, и в переводе Жуковского играет диалог героев. Диалог воспринимается здесь и как структурный элемент сюжетной и нарративной динамики текста, и как средство характеристики персонажей, и как возможность раскрытия их внутреннего состояния, и как способ осознания ими своей личностной, социальной, культурной и национальной идентичности. Перевод Жуковского отличается повышенным вниманием автора к изображению «внутреннего человека», который описывается не только через диалоги, но и монологи, психологические портреты и рефлексию главных персонажей. Например, таким предстает описание внешнего облика Зораба во второй книге:

… все блистало
В нем мужеством и красотою:
Глубокотемные глаза,
Румянец пламенный на свежих
Щеках, широкие плеча, крутая грудь,
Железножилистые руки,
И ноги крепкие, как кедры (Жуковский 2010. 172).

В этом отрывке дается идеальный облик героя, который представлен через соединение в нем «мужества и красоты». В словосочетании «румянец пламенный» эпитет «пламенный» привносит в текст признак удвоения цвета, сложные эпитеты («глубокотемные», «железножилистые») передают глубину души и одновременно физической мощи Зораба, на его внешнюю силу указывает и встречающееся здесь сравнение: «ноги крепкие, как кедры».

Ярким образцом внутренней речи в переводе Жуковского могут служить мысли Барумана, который, по приказу туранского царя Афразиаба должен был посеять вражду между отцом и сыном и не дать им воссоединиться. Передавая Зорабу письмо Афразиаба, Баруман про себя думает о нем:

«О ты, прекрасная звезда,
Тебе сиять бы в чистом небе,
Не заходя, не померкая;
Достоин ты, мой светлый воин,
Чтоб был орлиный твой полет
Советом мудрости направлен,
А не предательством змеиным» (Жуковский 2010. 181).

Здесь сравнение героя со звездой имеет принципиальное значение. В иранской мифологии звезды играют важную роль в космологических

представлениях. Находясь среди всех небесных светил ближе всего к земле, звезды уподоблялись благим мыслям, луна же соотносилась с благими словами, солнце – с благими делами, а «высшая сфера принадлежала бесконечному свету – Ахурамазде» (Брагинский 1997. 562).

Поэтика данного перевода включает в себя также повторы как выражение нарративных стратегий эпического повествования, передающих его ритм и динамику, раскрывающих основные сюжетные линии произведения, формирующих семантико-композиционные центры повествования. Таковы, например, функции повтора эпизода, предшествующего похищению коня Рустема и соединяющего главы I и II первой книги. Ср.:

А конь его, могучий Гром,
Тем временем, гуляя
По бархатному полю,
Травой медвяною питался;

Но вот, покуда спал
Глубоким сном Рустем,
А Гром по бархатному полю
Гулял, травой медвяною питаясь… (Жуковский 2010. 163).

В переводе важна и система нанизываемых метафор, характеризующих главных героев, она же является и знаком принадлежности эпического стиля. Например, в письме Кейкавуса присутствует целый ряд таких метафор, относящихся к Рустему:

«Итак, зову тебя, Рустем,
Венец, убранство, щит царя,
Спасительная пристань царства,

Твердыня трона, войска слава,

Ирана жизнь, Турана смерть» (Жуковский 2010. 202).

Зораб же описывается через такие сравнения и метафоры: «прекрасный, как месяц», «могуч, как лев», «дивное созданье», «достойный сын Рустема», «дедов знаменитый внук», «прекрасный воин», «милая праздника звезда», «пальма красоты», «невольник любви». Данные определения передают всестороннюю характеристику персонажей, указывают их место в системе действующих лиц, раскрывают точку зрения автора на героя, формируют ценностное ядро героического эпоса.

Конструктивную роль в переводе играет параллелизм отдельных сюжетных мотивов и ситуаций, раскрывающий общие законы мироздания, действующие в истории, в социуме, в человеческой жизни и в природе, а также акцентирующий внимание на эпической природе данного художественного текста. Так, в нем основной оказывается тема отцов и детей, которая представлена прежде всего через отношения отца и сына, в частности, Рустема и Зораба, персидского царя Кейкавуса и его сына Ферабора, приближенного Кейкавуса Гудерса, отца восьмидесяти сыновей, в числе которых был и Хеджир, находившийся в плену у Зораба. Также в поэме важна и тема отца и дочери, связанная с шахом Семенгама и его дочерью Теминой, женой Рустема и матерью Зораба, Гездехемом, правителем Белого замка, и его дочерью Гурдаферид, в которую влюблен Зораб. В природном мире эти отношения преломляются через изображение коня Рустема Грома и рожденного от него сына, которым владеет Зораб. В этой связи значимым оказывается мотив узнавания конями друг друга перед первой битвой Рустема с Зорабом и симметричный ему мотив неузнавания отцом сына и сыном отца. Жуковский пишет:

Завидевши один другого, оба

Заржали громко пламенные кони,

Рустемов Гром и конь Зорабов,
Сын Грома… <…>
… как родные
Они приветственным друг друга ржаньем
Окликнули… О горе! Неразумным
Зверям был внятен голос крови,
А в глубину души отца и сына
Он не проник… (Жуковский 2010. 246-247).

Параллельными оказываются в переводе три поединка отца с сыном; три письма: письмо туранского царя Афразиаба к Зорабу о походе на Иран, письмо Гездехема к иранскому царю Кейкавусу об осаде войском Зораба Белого замка, письмо Кейкавуса к Рустему с призывом сразиться с туранцами; три пира: брачный пир Рустема в Семенгаме, пир Рустема с его зятем Гефом в Сабулстане, пир Зораба в Белом замке перед сражением; три сна: сон Темины, в котором она видит сына на пиру в Белом замке и Рустема, переодетого туранцем и присутствующего там, сон Рустема о сыне, о котором он рассказывает Гефу, сон Зораба о встрече с отцом. Важно отметить, что в этих снах в скрытом виде присутствуют альтернативные сюжетные линии, одна из которых связана с узнаванием отцом и сыном друг друга и мирным воссоединением их. Эта линия присутствует в сне Темины, о котором говорится следующее:

И матери привиделся прекрасный,
Как утро, светлый сон; <…>
Ей стало весело, что к сыну
Отец так близко и что он,
Свою узнав повязку,
Из мрака выйдет и ему
С любовию протянет руку (Жуковский 2010. 228, 229).

Другая альтернативная сюжетная линия присутствует в сне Зораба перед вторым поединком с отцом. Она предполагает отказ сына от боя с Рустемом и примирение их. Зораб рассказывает Баруману об этом сне:

«… но в эту ночь
Я видел сон… я видел, что лежу
В его объятиях, так нежно,
Так весело, с такой любовью детской……
Нет! Не могу и не хочу с ним биться. <…>
… Баруман, спаси
Меня; не дай мне быть отцеубийцей
На ужас всей земле» (Жуковский 2010. 260).

Для текста Жуковского характерно использование сложных эпитетов как отражение эпической природы переводимого произведения и как явление индивидуального стиля переводчика. Среди них встречаются такие эпитеты, как «широкотенная чинара», «глубокотемные глаза», «многославный Рустем», «душеусладное вино», «речь приветнонежная», «всеоживляющая весна». Русский поэт, работая в это время над переводом «Одиссеи» Гомера, тоже часто использует такого рода эпитеты.

Можно сказать, что в целом Жуковский в своем переводе следует тексту Рюккерта, а Рюккерт, в свою очередь, переводит этот эпизод близко к оригиналу. Следует однако отметить, что Жуковский несколько сократил текст Рюккерта. В поэме Фирдоуси данный эпизод включает в себя вступление и повествование, в котором содержится 21 книга. В переводе Рюккерта имеется 12 книг и 118 глав, в переводе Жуковского – 10 книг и 97 глав. Текст на немецком языке, с которого Жуковский делал перевод, содержит его многочисленные пометы, сделанные карандашом: отчеркивания на полях прямой и волнистой линией, выделение шести стихов в 101 главе,

использование крестообразного знака в 14 главах, надпись на немецком языке после 116 главы. Русский поэт вначале перевел, в затем вычеркнул в тексте белового автографа шесть фрагментов: письмо туранского царя Афразиаба Зорабу, доставленное ему Баруманом, из второй книги; речь Барумана, обращенная к Зорабу накануне осады Белого замка, разговор Зораба с Хеджиром и наставление Барумана Зорабу после взятия Белого замка из третьей книги; внутренний монолог Рустема и разговоры вельмож после ссоры Рустема с Кейкавусом из четвертой книги. Все вычеркнутые Жуковским отрывки – это «чужая» речь героев, которая несколько замедляет повествование. Он убрал эти эпизоды для того, чтобы динамизировать текст, сделать его более событийным (Матяш 1978. 127).

У Фирдоуси Ростем после убийства Сохраба продолжает свои подвиги во славу Ирана, для Рюккерта же и Жуковского этот эпизод «имеет самостоятельное значение, гибель Зораба знаменует собою и конец Рустема» (Гликман, Измайлов 1980. 569). Жуковский говорит о внутренней драме этого героя:

> «В пустыне, самого себя
> Хочу размыкать я и змéя —
> Грызущее мне душу горе —
> Убить. То будет мой последний,
> Мой самый трудный подвиг…» (Жуковский 2010. 295).

Также русский поэт ввел в «персидскую повесть» новые эпизоды: это появление Гурдаферид перед телом умершего Зораба и прощание коня Зораба со своим хозяином в книге десятой. Явление Гурдаферид, «белого образа», возникшего из «бледной пустоты», вызывает аллюзии на такие известные стихотворения Жуковского, как «К мимопролетевшему знакомому гению» (1819), «Лалла Рук» (1821), «Привидение» (1823), «Таинственный посетитель»

(1824). Прощание же коня с Зорабом вписывается в контекст русских народных сказок («Сивка-Бурка») и былин (былины об Илье Муромце), в которых конь выполняет роль волшебного помощника героя, соотносится с описаниями богатырского коня в сказках самого Жуковского: в «Сказке о царе Берендее, о сыне его Иване-царевиче, о хитростях Кощея Бессмертного и о премудрости Марьи-царевны, Кощеевой дочери» (1831) и в «Сказке о Иване-царевиче и Сером Волке» (1845), порождает ассоциации со стихотворением Жуковского «Песнь араба над могилою коня» (1810) и с балладой Пушкина «Песнь о вещем Олеге» (1822). В поэме Фирдоуси с конем Сухраба прощается его мать Тахмина:

> К коню Сухраба подошла она,
> Коня за шею обняла она
> И в грудь его, и в морду целовала (Фирдоуси 1980. 229),

у Жуковского – конь прощается со своим хозяином. Рустем

> … заплакал взрыд,
> Когда коня без седока
> Перед собой увидел. Полы
> Шатра отдернув,
> На господина мертвого коню
> Он указал. В шатер взглянувши быстро,
> Могучий конь оторопел,
> Его поникла голова
> И до земли упала грива.
> Обеими руками
> Обнявши голову его, Рустем
> Ее поцеловал, потом

Коню, сложив с него узду,
Сказал: «Отныне никому
Ты не служи, Зорабов конь;
Ты волен» (Жуковский 2010. 291).

Важно также отметить, что в переводе Жуковский изменяет и имя коня Рустема. Русский поэт дает ему Гром, у Фердоуси он носит имя Рахш, у Рюккерта – Rachs.

Данный эпизод в поэме «Шах-наме» оканчивается книгой под названием: «Мать Сухроба Тахмина узнает о смерти своего сына». У Фирдоуси мать героя умирает через год после смерти сына. Рюккерт в переводе сокращает этот эпизод, а Жуковский, используя прием умолчания, дает понять читателю через привезенную обратно повязку его братом Зеваром, что героини уже нет в живых.

Новаторство Жуковского также видится и в том, что его перевод-переложение выполнен белым (нерифмованным) разностопным ямбом, приближающим его к ритмизованной прозе. В оригинале же используется широко распространенный в персидской поэзии размер мутакариб, героико-эпическое двустишие с парной рифмовкой. Рюккерт же обращается в переводе к двустишиям (реже к трехстишиям), написанным шестистопном ямбом (александрийским стихом) с парной (иногда тройной) рифмовкой со свободным чередованием мужских и женских двустиший (Гликман, Измайлов 1980. 568). В этом немецкий переводчик оказывается близок к стиху поэмы Фирдоуси. Появление «Рустема и Зораба» Жуковского стало «большим литературным событием» в отечественной литературе, этот перевод «был в течение почти целого века главным источником знакомства русского читателя с «Шах-наме» (Брагинский 1972. 266).

Заключение

Итак, созданное в результате транскультурной коммуникации, это произведение участвует в формировании особого «переходного» пространства, которое создается через персидско-немецкие и персидско-немецко-русские литературные взаимосвязи. Это пространство рождается в результате «множественного» перевода: прозаического перевода поэмы Фирдоуси с языка фарси на немецкий язык Гёрресем, стихотворного перевода фрагмента «Рустам и Сухраб» на немецкий язык Рюккертом, стихотворного перевода Жуковским того же фрагмента под названием «Рустем и Зораб» с немецкого перевода Рюккерта на русский язык. При транскультурном диалоге происходит не просто удвоение компонентов коммуникации, как в случае двустороннего перевода, а их кратное увеличение в зависимости от количества текстов-посредников. В данном случае перед нами четыре текста: оригинальный текст Фирдоуси на языке фарси, два текста-посредника на немецком языке: Гёрреса и Рюккерта и переводной текст Жуковского на русском языке. Соответственно можно говорить о продуктивном взаимодействии четырех авторов, трех читателей-переводчиков, трех языков и трех культур: ирано-таджикской, немецкой и русской.

Литературы

1- *Библиотека Жуковского. Описание.* (1981). Томск: Изд-во Томского университета, 416 с.

2- Бестужев-Марлинский А.А. (1983). *«Клятва при гробе Господнем. Русская быль XV века» //* «*Их вечен с вольностью союз»: Литературная критика и публицистика декабристов*, Москва: «Современник», С. 67-111.

3- Брагинский И.С. (1972). *Из истории персидской и таджикской литератур,* Москва: «Наука», 524 с.

4- Брагинский И.С. (1997). *Иранская мифология, Мифы народов мира: в 2 томах, Том 1,* Москва: «Большая Российская энциклопедия», С. 560-565.

5- Гафуров Б.Г. (1980). *Фирдоуси – слава и гордость мировой культуры*, *Фирдоуси. Шах-наме; Сказание о Рустаме / Пер. с фарси-тадж. В.В. Державина*, Москва: «Художественная литература», С. 5-14.

6- Гликман И.Д., Измайлов Н.В. (1980). *Комментарии, Жуковский В.А., Сочинения: в 3 томах. Том 3.* Москва: «Художественная литература», С. 567-569.

7- Жуковский В.А. (2010). *Полное собрание сочинений и писем: в 20 томах, Том 5,* Москва: «Языки славянских культур», 432 с.

8- Кюхельбекер В.К. (1979). *Путешествие. Дневник. Статьи,* Ленинград: «Наука», 793 с.

9- Матяш С.А. (1978). *Неопубликованные главы поэмы В.А. Жуковского «Рустем и Зораб», Русская литература, № 3*, С. 125-131.

10- Михайлов А.В. (2000). *Йозеф Гёррес. Эстетические и литературно-критические опыты романтического мыслителя, Обратный перевод*, Москва: «Языки русской культуры», С. 222-246.

11- *Переписка А.С. Пушкина*: *в 2 томах* (1982). *Том 2,* Москва: «Художественная литература», 575 с.

12- Пучковская А.А., Третьяков А.О. (2018). *Транскультурные коммуникативные практики: переосмысление понятия «переходность», Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств*, 2018, № 1 (34), Санкт-Петербург: СПГУКИ, С. 30-34.

13- *Отрывки персидской поэзии* (1815). *Вестник Европы,* 1815, № 10, Москва: Университетская типография, С.89-99.

14- Рахманов Б.Р. (2018). *Персидско-таджикская литература в контексте русско-восточных литературных связей первой трети XIX века. Автореферат ... д-ра филол. наук*, Душанбе: Российско-таджикского (славянского) университета, 50 с.

15- Стариков А.А. (1957). *Фирдоуси и его поэма «Шахнаме», Фирдоуси, Шахнаме, Том 1*. Москва: «АН СССР», С. 479-592.

16- Фирдоуси А.К. (1980). *Шах-наме; Сказание о Рустаме / Пер. с фарси-тадж. В.В. Державина*, Москва: «Художественная литература», 477 с.

17- Янушкевич А.С. (2010). *Путь Жуковского к «Эпическим стихотворениям»*, *Жуковский В.А. Полное собрание сочинений и писем: в 20 томах, Том 5*, Москва: «Языки славянских культур», С. 297-310.

18- Rückert, F. (1838). *Rostem und Suhrab. Eine Heldengeschichte in 12 Buchern*. Erlangen: Th. Biasing («Ростем и Сухраб, героическое повествование в двенадцати книгах»).

Bibliography

1- *Biblioteka Zhukovskogo. Opisanie*. (1981). Tomsk: Izd-vo Tomskogo universiteta, 416 s.

2- Bestuzhev-Marlinskii A.A. (1983). *«Kliatva pri grobe Gospodnem. Russkaia byl' XV veka» // «Ikh vechen s vol'nost'iu soiuz»: Literaturnaia kritika i publitsistika dekabristov*, Moskva: «Sovremennik», S. 67-111.

3- Braginskii I.S. (1972). *Iz istorii persidskoi i tadzhikskoi literatur*, Moskva: «Nauka», 524 s.

4- Braginskii I.S. (1997). *Iranskaia mifologiia, Mify narodov mira: v 2 tomakh, Tom 1*, Moskva: «Bol'shaia Rossiiskaia entsiklopediia», S. 560-565.

5- Gafurov B.G. (1980). *Firdousi – slava i gordost' mirovoi kul'tury, Firdousi. Shakh-name; Skazanie o Rustame / Per. s farsi-tadzh. V.V. Derzhavina*, Moskva: «Khudozhestvennaia literatura», S. 5-14.

6- Glikman I.D., Izmailov N.V. (1980). *Kommentarii, Zhukovskii V.A., Sochineniia: v 3 tomakh. Tom 3*. Moskva: «Khudozhestvennaia literatura», S. 567-569.

7- Zhukovskii V.A. (2010). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 tomakh, Tom 5*, Moskva: «Iazyki slavianskikh kul'tur», 432 s.

8- Kiukhel'beker V.K. (1979). *Puteshestvie. Dnevnik. Stat'i*, Leningrad: «Nauka», 793 s.

9- Matiash S.A. (1978). *Neopublikovannye glavy poemy V.A. Zhukovskogo «Rustem i Zorab», Russkaia literatura*, № 3, S. 125-131.

10- Mikhailov A.V. (2000). *Iozef Gerres. Esteticheskie i literaturno-kriticheskie opyty romanticheskogo myslitelia, Obratnyi perevod*, Moskva: «Iazyki russkoi kul'tury», S. 222-246.

11- *Perepiska A.S. Pushkina: v 2 tomakh* (1982). Tom 2, Moskva: «Khudozhestvennaia literatura», 575 s.

12- Puchkovskaia A.A., Tret'iakov A.O. (2018). *Transkul'turnye kommunikativnye praktiki: pereosmyslenie poniatiia «perekhodnost'», Vestnik Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv*, 2018, № 1 (34), Sankt-Peterburg: SPGUKI, S. 30-34.

13- *Otryvki persidskoi poezii* (1815). Vestnik Evropy, 1815, № 10, Moskva: Universitetskaia tipografiia, S.89-99.

14- Rakhmanov B.R. (2018). *Persidsko-tadzhikskaia literatura v kontekste russko-vostochnykh literaturnykh sviazei pervoi treti XIX veka. Avtoreferat ... d-ra filol. nauk*, Dushanbe: Rossiisko-tadzhikskogo (slavianskogo) universiteta, 50 s.

15- Starikov A.A. (1957). *Firdousi i ego poema «Shakhname», Firdousi, Shakhname, Tom 1*. Moskva: «AN SSSR», S. 479-592.

16- Firdousi A.K. (1980). *Shakh-name; Skazanie o Rustame / Per. s farsi-tadzh. V.V. Derzhavina*, Moskva: «Khudozhestvennaia literatura», 477 s.

17- Ianushkevich A.S. (2010). *Put' Zhukovskogo k «Epicheskim stikhotvoreniiam», Zhukovskii V.A. Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 20 tomakh, Tom 5*, Moskva: «Iazyki slavianskikh kul'tur», S. 297-310.

18- Rückert, F. (1838). *Rostem und Suhrab. Eine Heldengeschichte in 12 Buchern.* Erlangen: Th. Biasing («Rostem i Sukhrab, geroicheskoe povestvovanie v dvenadtsati knigakh»).

HOW TO CITE THIS ARTICLE
Poplavskaya Irina Anatolyevna (2025). TRANSLATION OF "RUSTAM AND ZOHRAB" BY VASILY ZHUKOVSKY AS A PHENOMENON OF TRANSCULTURAL COMMUNICATION. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, 13*(1), 89-109.
DOI: 10.66224/iarll.25.5
URL: https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/336

ترجمهٔ «رستم و سهراب» از ژوکوفسکی، پدیده‌ای از ارتباطات فرافرهنگی

ایرینا آناتولی‌یونا پاپروفسکایا[1]*
استاد دانشگاه دولتی تومسک،
تومسک، روسیه

(تاریخ دریافت: اوت ۲۰۲٤؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۵)

چکیده

مفهوم ارتباطات فرافرهنگی در مفهوم خارج گشتن از مرزهای یک فرهنگ و شکل‌گیری فضایی «انتقالی» ویژه است که در آن فرهنگ‌های ملی مختلف، انواع هنر گوناگون و متن به زبان‌های خارجی مشاهده می‌شوند. در نتیجه، میدانی چند فرهنگی شکل می‌گیرد که در آن شخصیت ضمن اینکه خودویژگی خود را از دست نمی‌دهد، برای تأثیر شیوه‌های فرهنگی متنوع در دسترس و آشکار است. ترجمه «رستم و سهراب» حماسهٔ «شاهنامه» فردوسی از ژوکوفسکی که در سال‌های ۱۸٤۷–۱۸٤٦ انجام گرفته است، در روند ارتباطات فرافرهنگی متولد می‌گردد. کار بر روی این ترجمه شامل چندین مرحله بوده است. آشناشدن کلی شاعر روس با مضمون حماسه پارسی در نقل داستان به زبان آلمانی که توسط منتقد و روزنامه نگار یوزف گورس (Gorres J.J. Das Heldenbuch von Iran aus dem Schah Nameh des Firdussi. Berlin. Reimer, 1820) صورت گرفته است. خوانش قطعه «رستم و سهراب» به زبان آلمانی که به صورت شعر توسط فریدریش روکرت (Rostem und Suhrab. Eine Heldengeschichte in 12 Buchern von Friedrich Riickert. Erlangen, Th. Biasing, 1838) انجام گرفته است. این کتاب همراه با یادداشت‌های متعدد شاعر، در کتابخانهٔ وی نگاهداری می‌شده است. ترجمه ژوکوفسکی از «رستم و سهراب» تقلیدی آزاد از روکرت محسوب می‌شود. در این ترجمه، صحنه مرکزی، تصویر رویارویی پدر و پسر است. ژوکوفسکی در این ترجمه، به الهام پرشور حماسی منظومه روکرت شدت بخشیده و در آن شخصیتی زنده از قهرمان حماسی با تصویرسازی مردی در فرمانروایی عالی را نمایش داده است. شاعر روس صحنه‌های جدیدی را وارد ترجمه کرده است که عبارتند از: ظهور دوشیزه گردآفرید بر سهراب در حال مرگ و وداع اسب سهراب با او. در این بخش‌ها، ژوکوفسکی با شدت بسیار بر نمونه‌ها و پی‌رنگ‌های پیشرو در غزل رمانتیک خود و سنت داستان‌های مردمی روسیه تکیه دارد. ترجمهٔ «رستم و سهراب» از ژوکوفسکی، ترجمه‌ای فرافرهنگی است که بر پایه حماسه پارسی فردوسی و از طریق زبان آلمانی توسط وی درک گردیده است. منبع آلمانی این حماسه، مبنا و اساسی برای ترجمه روسی گردیده است.

واژگان کلیدی: شعر فارسی، ژوکوفسکی، ارتباطات فرافرهنگی، ترجمه، رستم و سهراب.

---

* نویسنده مسئول
1. E-mail: lady-plvs@yandex.ru; https://orcid.org/0000-0002-1918-2866

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 111-128
DOI: 10.66224/iarll.25.6
Article No.: 25.61.202502.111128 *Scientific Article*

ON THE WAY TO THE GREAT EASTERN UNION: PERSIAN MOTIFS IN THE WORKS OF K.N. LEONTIEV

Fetisenko Olga Leonidovna[1*]
Leading scientific worker, Institute of the Russian Literature (Pushkinskij Dom) of The Russian Academy of Sciences,
Saint-Petersburg, Russia.

(date of receiving: September, 2024; date of acceptance: January, 2025)

Abstract

Outstanding Russian writer, philosopher and diplomat K.N. Leontiev (1831–1891) is now one of the most quoted conservative publicists. However, there are still many unexplored aspects of his legacy. Thus, the topics "Leontiev and Turkey", "Leontiev about the Greeks and South Slavs" overshadowed the topic indicated in the title of this report. Like N.Ya. Danilevsky and at the same time Leontiev spoke about the historical need for the formation of a union of states that could resist the destructive tendencies of Western civilization. But unlike Danilevsky, Leontiev included in his Great Eastern Union not only countries professing Orthodox Christianity, but also Turkey, Persia, India and China. He looked at ancient history not from a European point of view. For example, in the history of the Greco-Persian wars, he was rather on the side of Persia, noting the discipline and sacrifice of the Persians. Already in the first years of diplomatic service in the Turkish Empire, through educated Turks, he became acquainted with examples of Persian poetry and even intended to study Farsi. This interest was reflected in his artistic work: in the cycle of "oriental stories" and especially in the novel "Odysseus Polychroniades". In his historiosophical work "Byzantism and Slavism", when considering the "historical age" of cultures and civilizations, Leontiev pays great attention to Persia. A deeper understanding of the Eastern Union project dates back to the 1880s, so we can say that the Persian theme occupied the philosopher throughout his life. The report is intended for the first time to summarize all cases of Leontiev's contact with Iranian studies.

Keywords: Russian Literature, Conservatism, K.N. Leontiev, Eastern Question, Persia

---

1. E-mail: betsy98@mail.ru; https://orcid.org/0000-002-5670-2656 * Corresponding author

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 111-128
DOI: 10.66224/iarll.25.6
Article No.: 25.61.202502.111128 *Статья научная*

НА ПУТИ К ВЕЛИКОМУ ВОСТОЧНОМУ СОЮЗУ: ПЕРСИДСКИЕ МОТИВЫ В ТВОРЧЕСТВЕ К. Н. ЛЕОНТЬЕВА

Фетисенко Ольга Леонидовна[1*]
Ведущий научный сотрудник, Институт русской литературы (Пушкинский Дом) Российской академии наук,
Санкт-Петербург, Россия.

(дата получения: сентябр 2024 г.; дата принятия: январь 2025 г.)

Аннотация

Выдающийся русский писатель, мыслитель и дипломат Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891) является одним из наиболее цитируемых авторов, принадлежащих к консервативному направлению. Однако в его наследии имеется много неизученных тем, сюжетов, эпизодов. Так, темы «Леонтьев и Турция», «Леонтьев о греках и южных славянах» заслонили собой тему, обозначенную в названии этой статьи. Подобно Н.Я. Данилевскому и одновременно с ним Леонтьев говорил об исторической необходимости образования союза государств, который сможет противостоять разрушительным тенденциям западной цивилизации. Но в отличие от Данилевского в свой Великий Восточный союз он включал не только страны, исповедующие Православие, но также Турцию и Персию; пророчески говорил об Индии и Китае. Он был одним из первых, кто взглянул на древнюю историю не с точки зрения европейца (вспоминая греко-персидские войны, любовался отнюдь не греками, учась у восточных воинов дисциплине и жертвенности). В годы службы в Турецкой империи Леонтьев от образованных турок узнавал в подлиннике (оценивая звучание) и в переводе образцы персидской поэзии, собирался учиться персидскому языку. Это нашло отражение в его художественном творчестве – в цикле «восточных повестей» и романе «Одиссей Полихрониадес» (1872–1878). В повести «Пембе» (1869) персидским языком владеет молодой албанский бей, которому автор придал собственные черты. В своем историософском сочинении «Византизм и Славянство» (1872–1874), анализируя «исторический возраст» культур и цивилизаций, Леонтьев уделяет большое внимание Персии. Разработка проекта Восточного союза относится к 1880-м гг., поэтому можно сказать, что персидская тема занимала философа на протяжении всей жизни. Статья призвана впервые выделить все случаи соприкосновения Леонтьева с иранистикой.

Ключевые слова: русская литература, консерватизм, Творчество К.Н. леонтьева, восточный вопрос, персия.

---

1. E-mail: betsy98@mail.ru; https://orcid.org/0000-002-5670-2656 * Ответственный автор

Введение

Выдающийся русский писатель, мыслитель и дипломат Константин Николаевич Леонтьев (1831–1891), в монашестве Климент, при жизни мало читаемый «одинокий мыслитель», который удивлял своими «парадоксами» и шел всегда «против течения», в настоящее время является одним из наиболее цитируемых авторов, принадлежащих к консервативному направлению, и «самым популярным сегодня представителем русской общественно-политической мысли XIX в.» (Котов 2010, 104). Количество посвященных Леонтьеву работ постоянно растет (возможно, стимулом для этого послужил выход академического собрания сочинений; Леонтьев 2000–2021), к его творчеству обращаются специалисты всех гуманитарных специальностей, однако – при множестве разнообразных подступов – до сих пор не создано ни его научной биографии, ни образцовой обобщающей работы о нем, и вообще в его наследии имеется много неизученных тем, сюжетов, эпизодов. Так, обращаясь к обширной проблеме «Леонтьев и Восток»[1], можно заметить, что темы «Леонтьев и Турция», «Леонтьев о греках и южных славянах» заслонили собой тему, обозначенную в названии этой статьи. Ее рассмотрение позволяет в очередной раз поразиться дару политического и культурного предвидения, которым обладал философ, ведь его проект Великого Восточного союза, пусть и не в полной форме, находит неожиданное воплощение в наши дни.

Творческое наследие Леонтьева позволяет говорить о нем как о мыслителе, внесшем вклад в постижение Восточного вопроса (см.: Котельников 2004, Жуков 2006), о практическом деятеле на этой почве (см.: Косик 1997, Жуков 2006, Фетисенко 2017, Kosik 2022), а также о художнике-«ориенталисте». Его

1. Леонтьев провел 10 лет в Турецкой империи, приобщился там, особенно во время своих пребываний в Константинополе, к турецкой и персидской культуре. Жизнь на Востоке «дала огромные импульсы для его творчества», сформировала «его духовную личность» (Бердяев 1995. 58).

ориентализм – это не просто любование чем-то необычным, но плод углубленного интереса и выразившаяся в художественных образах мечта о своеобразной культуре, которую он в 1880-е годы определял как «новую восточную». Русская культура стоит на византийском основании, но желательно к этому древу сделать и другие прививки, познакомиться не только с «братьями по истории» (греками; Леонтьев 2000–2021, т. 3. 10), но и с соседями или соперниками.

Как ни странно, на периферии исследовательского внимания находятся и сама «восточная тема» у Леонтьева, и вопрос о формировании и содержании его концепции Великого Восточного союза. Тема затрагивалась в моих комментариях к письмам Леонтьева и в монографии Юлии Златковой (Златкова 2020. 244–261). В. И. Косик сосредоточен на славянских сюжетах, К. А. Жуков и В. А. Котельников – на истории Восточного вопроса в целом. У самого Леонтьева нет статей, специально посвященных Восточному союзу, его мысли на эту тему нуждаются в систематизации.

Основная часть

В 1869 г. журнал «Заря», участвовать в котором был приглашен и Леонтьев, напечатал книгу Н. Я. Данилевского «Россия и Европа». Ее появление Леонтьев приветствовал как выражение мыслей, к которым сам пришел к этому времени, но еще не успел обнародовать. Пятнадцатая глава этой книги называлась «Всеславянский союз», далее этого панславист не шел. Подобно Данилевскому Леонтьев заговорил об исторической необходимости образования союза государств, который сможет противостоять разрушительным тенденциям западной цивилизации. Оба мыслителя столицей союза избирали Константинополь, следуя в этом за Ш. Фурье, у которого именно там проектировалось местопребывание «вселенского омниарха». Но в отличие от Данилевского в свой союз Леонтьев включал не только страны,

исповедующие Православие, но также Турцию (границы которой «сдвигал» на азиатский берег Босфора[1]) и Персию; пророчески говорил об Индии[2] и Китае, не видел в этом союзе Японию, поскольку там развернулись европеизирующие реформы.

Начал Леонтьев с осторожного упоминания, вполне в духе Данилевского, о союзе всеславянском с участием греков, венгров и молдо-валахов (молдаван и румын), с трудно определимой политической связью с Россией: «Смысл этого союза был бы, конечно, оборонительный против Западной Европы, коммерческий вместе с тем, таможенный и т. п.» (Леонтьев 2000–2021, т. 7, кн. 1. 181). В этой же статье («Панславизм и греки», 1872) он предостерегал от опасности «слияния славян в одно государство», подчеркивая, что «Россия чисто славянскою Державой никогда не была...» (там же. 184). Здесь впервые появляется формула: «восточная федерация независимых государств» (там же. 185). Мусульманские страны в этой федерации не представлены.

Идея могущественного таможенного союза обнаруживается в художественной прозе Леонтьева. Беседуя с турецким беем, юный рассудительный грек, герой одного из романов, заявляет: «...чтобы Восток мог противостать коммерческому влиянию Европы – необходим союз Турецкой Империи, Персии, Румынии, Сербии, Греции и Египта с Россией против Запада; тогда можно было бы изменить тариф и уничтожить весь этот ввоз» (Леонтьев 2000–2021, т. 4. 512–513). Собеседник опасается такого союза и вспоминает басню о льве и трех быках, которых тот, разобщив, съел. Последним был желтый бык (Сары-Окюс). «Кто там ни остался бы последний из этих: Турция или Персия, или кто другой, а все будет Сары-Окюс...» (там же. 514). Написано это во время русско-турецкой войны.

---

1. Сравните: Леонтьев 2000–2021, т. 7, кн. 1. 181.

2. См., например: Леонтьев 2000–2021, т. 12, кн. 3. 299.

В цикле «Письма о Восточных делах» (1882–1883) Леонтьев приходит к идее союза разноплеменных и разноверных государств, об «оригинальной Славяно-Азиятской цивилизации»: «...не изгнание *только* турок из Европы и *не эмансипацию только* славян, и *даже не образование во что бы то ни стало из всех славян, и только из славян, племенной конфедерации* должны мы иметь в виду, а нечто более широкое и по мысли более независимое»; «...нам, русским, надо *совершенно сорваться с европейских рельсов и, выбрав совсем новый путь, – стать, наконец, во главе умственной и социальной жизни всечеловечества*» (Леонтьев 2000–2021, т. 8, кн. 1. 83, 104)[1]. Мыслитель предлагает «конфедерацию» «*Христианских* Царств и Княжеств Востока (с Россией во главе», в которую может войти и «особая *Цареградская республика*, не принадлежащая непосредственно ни России, ни Греции, ни Болгарии, ни Сербии, но равно нужная всем им, как культурно-исторический центр, как центр религиозный, торговый, национальный и военный» (там же. 113). Когда позднее Леонтьев упоминал о «восточно-славянской конфедерации на развалинах Турции и Австрии» (Леонтьев 2000–2021, т. 12, кн. 2. 312), он подразумевал не конфедерацию восточных славян, а объединение славянских и восточных государств.

Но не все мысли (особенно такие, опережающие свое время) Леонтьев считал возможным предавать печати. Более открыто о Великом Восточном союзе он говорит в частных письмах. Само название впервые встречается в письме к К.А. Губастову от 2 августа 1877 года, в разгар русско-турецкой войны (Леонтьев 2000–2021, т. 11, кн. 2. 84). Своему бывшему начальнику графу Н. П. Игнатьеву 29 октября 1878 года Леонтьев пишет: «Славянский или, лучше сказать, Восточный великий союз Государств с Царьградом во главе, сложился сам собою, и никакие Плевны или Берлинские Трактаты

1. Здесь и далее курсив в цитатах передает авторские подчеркивания.

потока не задержат надолго» (там же. 248). Как о чем-то давно обсуждавшемся он упоминает о Великом восточном союзе и церковных аспектах его устройства в письме к Т. И. Филиппову от 10–14 февраля 1883 года (Леонтьев 2000–2021, т. 12, кн. 1. 25–26). И только в письме от 29 марта 1891 года к тому же адресату Леонтьев дает подробное объяснение своего «геополитического» плана. Перед нами фактически программа несозданной итоговой статьи Леонтьева о Восточном вопросе:

> «Мечтаю еще написать и другое: “*Союз Восточный* и Союз *Славянский*” (*Антитеза*: первый – величие и крепость, второй – гибель; первый – *естественное* своеобразие, второй – подражание Италии и Германии; первый – новый период созидания, 2-й – обыкновенная либеральная революция). Членами Союза *Восточного под рукой* России должны состоять: 4 православные королевства: Греция, Румыния, Пансербия[1], Болгария; 2 мусульманских: Персия и Турция (состоящая из *остатков* Азиатской Турции, Сирии, Палестины, Аравии и *Египта* с изгнанием англичан и международной нейтрализацией Суэзского канала). Царьград с надлежащим округом – Русское наместничество (*Византийское*); *Соборная* централизация Восточных Церквей; в этом союзе – единоверные (все 4) государства конституционные и эгалитарные <…>, а 2 *иноверных* – *самодержавные* и по-своему, так сказать – *церковные*. <…> из этого грубого абриса видно – то *равновесие* влияний взаимных (и враждебных, и дружественных – *все равно!*), которое я имею в виду. *Разумеется, что это возможно только после счастливой и кровопролитной войны,* которой, конечно, не миновать – рано или поздно.

1. Пророческое предвидение Югославии. Ниже автор почти безошибочно угадывает расстановку сил во время Первой и Второй мировых войн.

> Предполагаю, что противниками нашими будут: Австрия, Германия, Италия, Турция и Англия, союзниками: Франция, Сербия, Черногория и, может быть, Греция <…>.
>
> При таком сочетании сил – я в победе нашей уверен <…> а чехи, хорваты и даже несносные *либеральные* хамы галицийские хохлы – как знают... <…>
>
> Вот что нужно! <…> А такая конфедерация, в которую войдут *миллионами* либеральные, конституционные и католические – мадьяры, хорваты, чехи, поляки и т. д. ... – это *революция*. Это гибель России! <…> Не в *однородности* же славянских языков искать *истинного* единства? Не в *численном* же перевесе славянского *племени* видеть силу и спасение? <…> В союзе же Восточном – с одной стороны (с *европейской*) будет *единство Веры с различием* в политическом строе (4 конституции), с другой – *Единство монархических принципов* при различии Веры. <…> *Печатать* – этого не следует. Но можно подать через Вас секретную записку Государю» (Леонтьев 2000–2021, т. 12, кн. 3. 85–87).

Путь мыслителя к его проекту хорошо виден на примере персидской темы. Леонтьев был одним из первых, кто взглянул на древнюю историю не с точки зрения европейца. Вспоминая греко-персидские войны, – а думал он о них не раз: «...сколько раз приходилось с детства и до зрелого возраста вспоминать о классической греко-персидской борьбе!» (Леонтьев 2000–2021, т. 7, кн. 1, 309), – он любовался персами, учась у них дисциплине и жертвенности. Этому посвящен фрагмент из книги «Византизм и Славянство» (1872–1874) с отсылкой к статье А. И. Герцена «Несколько замечаний об историческом развитии чести» (1848), вошедшей в третий том книги «Былое и думы» (1862):

> «Я помню, как я сам, прочтя случайно (и у кого же? – у Герцена!) о

том, как во время бури персидские вельможи бросались сами в море, чтобы облегчить корабль и спасти Ксеркса, как они поочередно подходили к Царю и склонялись перед ним, прежде чем кинуться за борт... <…> прочтя это, я задумался и сказал себе в первый раз <…>: “Герцен справедливо зовет это персидскими Фермопилами. Это страшнее и гораздо величественнее Фермопил! Это доказывает силу идеи, силу убеждения, большую, чем у самих сподвижников Леонида; ибо гораздо легче положить свою голову в пылу битвы, чем обдуманно и холодно, без всякого принуждения, решаться на самоубийство из-за религиозно-государственной идеи!”

С этой минуты я, сознаюсь, стал на древнюю Персию смотреть уже не так, как приучили меня школа 40 и 50 годов, поэзия и большинство исторических попадавшихся мне сочинений» (там же).

В годы службы в Турецкой империи Леонтьев от образованных турок узнавал в подлиннике (оценивая звучание) и в переводе на французский язык образцы персидской поэзии[1], собирался учиться фарси. Этот мотив отражен в цикле «восточных повестей» (1867–1877) и романе «Одиссей Полихрониадес» (1872–1878). Леонтьевская проза автобиографична, в ней нет случайных деталей.

В повести «Хризо» (1867) упомянут «Фазиль-бей, поэт из Дамаска» (не ясно, турок он, сириец или перс; окружают его сирийские дервиши). Повествователь, молодой грек, получивший образование в России, рассказывает о нем:

«Я любил его за его вежливость, за величавые приемы и за

1. С русскими переводами из Саади он мог познакомиться и в России. Кроме того, Леонтьев любил поэзию Гёте. Излишне говорить о влиянии на нее персов.

> благородство, которым дышала вся его особа. Он часто беседовал со мной и хотел учить меня по-персидски.
>
> – Если вы хотите узнать великую сладость, то изучите язык персидский; это язык истинных поэтов; а турецкий язык – язык военный...» (Леонтьев 2000–2021, т. 3. 71).

Почти то же самое слышит от старого турка герой-рассказчик «Одиссея Полихрониадеса». «Арабский язык – древность, персидский – сахар, а турецкий – великий труд!» (Леонтьев 2000–2001, т. 4. 114).

В повести «Пембе» (1869) персидским языком владеет албанский бей Гайредин, которому автор придал собственные черты. «Еще в Константинополе учил его персидской поэзии один старый турок <…> старик говорил ему: “читай, читай, мой сын, персидские стихи. <…> Стихи для души человеческой то же, что̀ пение птицы в саду. Человек-стихотворец, мой сын, сам уподобляется саду, наполненному душистыми цветами”» (Леонтьев 2000–2001, т. 3. 93, 112). Начинается повесть с изящного стихотворения в прозе, в духе персидской поэзии, которое пишет Гайредин; там упоминаются и «сады персидские» (там же. 88–89)[1].

У всех трех эпизодов разговоров о персидских языке и поэзии мог быть один источник, или, возможно, Леонтьев не единожды беседовал на эти темы в разных местах своей службы. Консул Благов, герой «Одиссея Полихрониадеса», одним из прототипов которого был сам автор, признается: «Говорить я люблю со всякими людьми» (Леонтьев 2000–2021, т. 4. 77)[2]. Именно так и Леонтьев узнавал Восток. Его «информантами» могли быть не только турки, но и драгоманы и секретари русского посольства в

---

1. Высоко оценил это подражание персидской поэзии биограф Леонтьева (Иваск 1995. 371).
2. О Благове сообщается, что он говорил «литературным турецким языком, смешанным с персидским и арабским» (там же. 319).

Константинополе. Учебное отделение восточных языков при Азиатском департаменте Министерства иностранных дел в декабре 1865 года окончил Константин Губастов, в следующем году ставший в Константинополе другом Леонтьева. В неизданных мемуарах Губастов вспоминал об уроках у азербайджанца, уроженца Персии, Мирзы Джафара Топчибашева (1790–1869), состоявших наполовину «в певучем чтении произведений известного персидского поэта Саади»[1].

Заметный интерес Леонтьев проявлял к тонкостям Ислама, причем именно к бытующему в Персии шиизму и его ответвлениям. В повести «Аспазия Ламприди» (1870) главный герой (Алкивиад Аспреас) оказывается в гостях у пожилого албанца, слышит похвалы христианской вере и обращает внимание на необычную деталь обстановки:

> «...на стене <…> висят два изображения: *араба* и *верблюда*, *навьюченного гробом Али, Магометова зятя*.
>
> Алкивиаду рассказывали о тайной вере арнаутов, о их уклонениях от православного мусульманства. Они знали предания об Али, Магометовом зяте. Когда Али скончался, дети его хотели похоронить его и положили гроб его, по степному обычаю на верблюда и вывезли за город. На пути им встретился черный араб; он вызывался вести верблюда. Дети Али отдали ему повод, но он вел верблюда недолго. Скоро и араб, и верблюд, и гроб пророка исчезли от взоров людских... Али вознесся на небо...
>
> <…> арнауты-бекташи верят, что <…> Али святыня великая, что Али – *все*... И Моисей был Али, и Христос был Али, и сам Магомет был не кто иной, как тот же Али!..» (Леонтьев 2000–2021, т. 3. 342).

---

1. Рукописный отдел Института русской литературы. Ф. 212. Ед. хр. 17. Л. 8.

Упоминание о бекташи есть и в повести «Пембе», причем Леонтьев сделал примечание: «...так иногда зовут истые турки ту ересь, к которой привержены многие албанцы и которая сходна с ересью персидских *шиитов*» (там же. 105).

Пышно расцветает персидская тема в «Одиссее Полихрониадесе». Леонтьев, показывая, как турки ценят древнюю персидскую поэзию, обнаруживает знание и Саади[1], и Фирдоуси (в его транслитерации Фирдузи), и Хамам-Ад-дина Тебреси (у Леонтьева – Гоммам-Эддин)[2]. Среди цитат из Саади имеется скрытая отсылка к «Гулистану» (там же. 468). Название *Гюлистан* вошло в житейский обиход Леонтьева. Так он и Губастов в 1878 году называли петербургский салон Е.С. Карцовой, дочерью которой, Ольгой, оба были платонически увлечены[3].

Леонтьев подчеркивает, что наследие персидских поэтов стало неотъемлемой частью мировой культуры. Характеризуя жену британского консула (по матери – сирийскую гречанку), прототипом которой было реальное лицо – Фанни-Дженет Блант, один из героев «Одиссея...» замечает: «И надо слышать еще, когда она начинает говорить по-турецки, самым изящным, литературным турецким языком... <Напомню: Леонтьев упоминал о персидских заимствованиях в этом языке. – *О.Ф.*> Все эти Гафизы, Саади, все это ей известно...» (там же. 745).

Любопытна сценка, за которой явно стоит реальный случай: янинский паша выигрывает у русского консула пари, касающееся знания сюжета «Шахнаме», и просит юного Полихрониадеса сообщить проигравшему об

---

1. В посвященной русской рецепции творчества Саади диссертации (Рахмонова 2021) Леонтьев не упомянут.

2. Примеры см.: Леонтьев 2000–2021, т. 4. 114–115, 240, 468.

3. См. об этом: Леонтьев 2000–2021, т. 11, кн. 2. 677. Леонтьев писал Е.С. Карцовой: «Ольга Сергеевна – это восхитительная скала из яшмы дикой с белыми и розовыми жилками, поросшая жасмином и розами, на которых петь только персидским соловьям» (там же. 218).

этом: «...напиши г. Благову, что он проиграл <…> я <…> нашел то, о чем мы говорили: “Не Сиамéк убил Дива, а сын его Хушенг”. Так у Фирдузи...» (подразумеваются подробности сказания о Каюмарсе). А далее паша проверяет знания самого Одиссея:

> «А кто такой Фирдузи?»
>
> «– Оттоманский стихотворец, паша-эффендим.
>
> – Аджемский, фарсийский, – сказал паша...» (там же. 807).

Тема поэзии является одной из важнейших в романе. Фон повествования составляют, кроме особо маркированной персидской, греческая поэзия, а также «Чайльд-Гарольд» Байрона. В другом романе («Египетский голубь», 1881–1882), несмотря на важный и для него восточный колорит, на первый план выходит русская лирика. Что касается персидских стихов, в них было лекарство от наблюдаемого на современном Востоке, где в «сердечной жизни» «образованного класса» Леонтьев не видел «ни пафоса, ни музыки, ни грации, ни ума» (Леонтьев 2000–2021, т. 5. 231). У древних поэтов он в изобилии обретал все это.

В «Одиссее Полихрониадесе» встречаются не только цитаты из персидских поэтов, но и ряд упоминаний о предметах персидского прикладного искусства. То в общем перечислении (у английского консула дом «полон китайскими, сирийскими, персидскими пестрыми вещами»; Леонтьев 2000–2021, т. 4. 146), то в подробно раскрытом сопоставлении: сравниваются ковры разных народов – персидские, греческие эпирские, курдские, турецкие малоазиатские (см.: там же. 312–315); описание сделано с тончайшей проработкой, и явное предпочтение отдается персидским изделиям: «…краски персидских ковров вовсе не ярки и несколько суровы... Но узоры их божественны, и прав был тот англичанин, который еще недавно находил восточные ковры несравненно лучшими европейских...» (там же. 313).

Это был не англичанин, а француз. В незавершенной части «Египетского голубя» рассказчик читает «в “Revue des deux Mondes” статью одного умного человека, который <…> доказывал, что машины и все усовершенствования Западной промышленности привели не к улучшению, а к ухудшению предметов роскоши и декоративного искусства и что на Парижской выставке 67 года ручные произведения отсталого Востока оказались гораздо изящнее, прочнее и благороднее по стилю своему, чем европейские» (Леонтьев 2000–2021, т. 5. 450). Речь идет о статье Адальберта де Бомона «Декоративные искусства на Востоке и во Франции» (de Beaumont 1867). На листке с ее названием Леонтьев записал: «...автор говорит в *пользу Восточных произведений* <…> и спрашивает: – “*на что же все наши изобретения?*”» (Леонтьев 2000–2021, т. 5. 879).

Отступление о коврах, использованное в описании приемной Благова, которую изучает Одиссей, словно Татьяна Ларина в кабинете Онегина, необходимо для характеристики вкуса героев[1] и для того, чтобы перейти к теме «культурного своеобразия», вводимой с открытой публицистичностью. В примечании Леонтьев говорит о вреде свободной торговли, наводнившей Турцию дешевыми «дурными и фальшивыми» произведениями Запада и вытеснившей из употребления «прекрасные произведения декоративного азиятского искусства» (там же. 313). «Аджемские келимы» (персидские ковры) как главная примета жилища русского консульства еще раз упомянуты в конце романа (там же. 800).

В своем историософском сочинении «Византизм и Славянство», анализируя «исторический возраст» цивилизаций, Леонтьев – в отличие от Данилевского, лишь вскользь упоминающего Иран – уделяет большое

1. Формулу «культурного идеала» находим в «Египетском голубе»: «...то, о чем я так напрасно мечтаю для нас, русских – смелое соединение восточных вкусов с европейской тонкостью понимания!» (Леонтьев 2000–2021, т. 5. 334).

внимание Персии: цивилизации «персо-мидян», 12 векам государственности «мидо-персидской и парфянской» (Леонтьев 2000–2021, т. 7, к. 1. 398–399, 430–432), ссылается на «Историю персов» (1869) графа Ж.-А. Гобино (там же. 432). На примере «великой Персии Кира» и «возрожденной Державы Сассанидов» мыслитель иллюстрирует свой закон триединого процесса развития (первичная простота – цветущая сложность – вторичное упростительное смешение), подробнее всего характеризуя стадии «сложного цветения» (там же. 431) и упадка монархии. Для концепции византизма важно замечание о столкновениях и взаимовлияниях культур (Леонтьев снова возвращается к греко-персидским войнам): «...греки повлияли гораздо меньше на персов, чем персы на них и на учеников их – римлян[1]. До столкновения с персами греки были своеобразнее, чем стали после этого соприкосновения, и государственный дух персидского Царизма повлиял не только на них, но гораздо позднее и на римлян и еще более на переработанных Востоком византийцев» (там же). Значит, этот ряд можно продлить и русской цивилизацией.

Первые размышления Леонтьева о духе персидской истории, навеянные чтением статьи Герцена, относятся, возможно, уже к 1848 г., когда ему было всего 17 лет. «Личное знакомство» с древней культурой, через турецкое посредничество, состоялось в 1860-е гг., во время недолгой, но весьма успешной дипломатической службы. Тогда же был начат цикл «восточных повестей», составивших славу Леонтьева-художника. Первые мысли о восточной конфедерации или союзе относится к началу 1870-х гг., а подробная

1. К этой мысли он возвращается в статье «Владимир Соловьев против Данилевского» (1888), утверждая, что задача эпохи Александра Македонского «была <…> в том, чтобы смешать воедино посредством внешней государственной власти Эллинизм с бытом восточных Царств. Отчасти и в том, чтобы посредством взаимного проникновения эллинской республиканской муниципальности с азиятским мистическим Царизмом приготовить почву римскому освященному религией Кесаризму» (Леонтьев 2000–2021, т. 8, кн. 1. 347).

разработка проекта – к 1880-м годам, когда в грезящийся мыслителю Великий Восточный союз включается и Персия. Все это позволяет сказать, что персидская тема занимала писателя и философа на протяжении всей жизни. В данной статье впервые намечены основные узлы «разнопородной», как всё у Леонтьева, темы «Леонтьев и Персия». Осмыслить ее более глубоко – дело специалистов-востоковедов.

Литература

1- Бердяев Н.А. (1995). *Константин Леонтьев (Очерк из истории русской мысли). К.Н. Леонтьев: pro et contra*. Антология: В 2 кн. Кн. 2. Санкт-Петербург: Изд-во Российского христианского гуманитарного института. С. 29–179.

2- Жуков К.А. (2006). *Восточный вопрос в историософской концепции К.Н. Леонтьева*. Санкт-Петербург: Издательство «Алетейя».

3- Златкова Ю. (2020). *Константин Леонтиев и Балканите*. София: Авангард Прима.

4- Иваск Ю.П. (1995). *Константин Леонтьев (1831–1891). Жизнь и творчество. К.Н. Леонтьев: pro et contra*. Антология: В 2 кн. Кн. 2. Санкт-Петербург: Изд-во Российского христианского гуманитарного института. С. 229–675.

5- Косик В.И. (1997). *Константин Леонтьев: Размышления на славянскую тему*. Москва: Изд-во «Зерцало».

6- Котельников В.А. (2004). *Восточный вопрос в русской политике и литературе.* Русская литература. № 2. С. 3–29.

7- Котов А.Э. (2010). *Русская консервативная журналистика 1870–1890-х годов: Опыт ведения общественной дискуссии*. Санкт-Петербург: Изд-во «Книжный Дом».

8- Леонтьев К.Н. (2000–2021). *Полное собрание сочинений и писем*: *в 12 т.* / подгот. текста и коммент. В.А. Котельникова и О.Л. Фетисенко. Санкт-Петербург: Изд-во «Владимир Даль».

9- Рахмонова Н. (2021). *Вхождение Саади в русскую литературу: литературные связи и проблема перевода*. Душанбе: Таджикский национальный университет.

10- Фетисенко О.Л. (2017). *К.Н. Леонтьев на коронной и частной службе. Леонтьев К.Н. Полное собрание сочинений и писем*. Т. 10. Кн. 2. Санкт-Петербург: Изд-во «Владимир Даль». С. 319–383.

11- de Beaumont A. (1867). *Les arts décoratifs en Orient et en France (Un voyage en Orient de l'Exposition universelle*. Revue des deux Mondes. Vol. 62. P. 138–160.

12- Kosik V.I. (2022). *Konstantin N. Leontjew. Ein russischer Denker zwischen Orient und Okzident*. Weimar: Lahn.

Bibliography

1- Berdiaev N.A. (1995). *Konstantin Leont'ev (Ocherk iz istorii russkoi mysli). K.N. Leont'ev: pro et contra*. Antologiia: V 2 kn. Kn. 2. Sankt-Peterburg: Izd-vo Rossiiskogo khristianskogo gumanitarnogo instituta. S. 29–179.

2- Zhukov K.A. (2006). *Vostochnyi vopros v istoriosofskoi kontseptsii K.N. Leont'eva.* Sankt-Peterburg: Izdatel'stvo «Aleteiia».

3- Zlatkova Iu. (2020). *Konstantin Leontiev i Balkanite*. Sofiia: Avangard Prima.

4- Ivask Iu.P. (1995). *Konstantin Leont'ev (1831–1891). Zhizn' i tvorchestvo. K.N. Leont'ev: pro et contra.* Antologiia: V 2 kn. Kn. 2. Sankt-Peterburg: Izd-vo Rossiiskogo khristianskogo gumanitarnogo instituta. S. 229–675.

5- Kosik V.I. (1997). *Konstantin Leont'ev: Razmyshleniia na slavianskuiu temu*. Moskva: Izd-vo «Zertsalo».

6- Kotel'nikov V.A. (2004). *Vostochnyi vopros v russkoi politike i literature.* Russkaia literatura. № 2. S. 3–29.

7- Kotov A.E. (2010). *Russkaia konservativnaia zhurnalistika 1870–1890-kh godov: Opyt vedeniia obshchestvennoi diskussii*. Sankt-Peterburg: Izd-vo «Knizhnyi Dom».

8- Leont'ev K.N. (2000–2021). *Polnoe sobranie sochinenii i pisem: v 12 t.* / podgot. teksta i komment. V.A. Kotel'nikova i O.L. Fetisenko. Sankt-Peterburg: Izd-vo «Vladimir Dal'».

9- Rakhmonova N. (2021). *Vkhozhdenie Saadi v russkuiu literaturu: literaturnye sviazi i problema perevoda.* Dushanbe: Tadzhikskii natsional'nyi universitet.

10- Fetisenko O.L. (2017). *K.N. Leont'ev na koronnoi i chastnoi sluzhbe. Leont'ev K.N. Polnoe sobranie sochinenii i pisem.* T. 10. Kn. 2. Sankt-Peterburg: Izd-vo «Vladimir Dal'». S. 319–383.

11- de Beaumont A. (1867). *Les arts décoratifs en Orient et en France (Un voyage en Orient de l'Exposition universelle.* Revue des deux Mondes. Vol. 62. R. 138–160.

12- Kosik V.I. (2022). *Konstantin N. Leontjew. Ein russischer Denker zwischen Orient und Okzident.* Weimar: Lahn.

HOW TO CITE THIS ARTICLE
Fetisenko Olga Leonidovna (2025). ON THE WAY TO THE GREAT EASTERN UNION: PERSIAN MOTIFS IN THE WORKS OF K.N. LEONTIEV. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, 13*(1), 111-128.
DOI: 10.66224/iarll.25.6
URL: https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/337

در راه اتحاد شرق کبیر: موتیوهای پارسی در آثار ک. ن. لئونتی‌یف

اولگا لئانیداونا فتیسنکا[1*]

پژوهشگر برجسته، انستیتو ادبیات روسی (خانه پوشکین) وابسته به فرهنگستان علوم روسیه، سن‌پیتربورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: سپتامبر ۲۰۲٤؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۵)

چکیده

نویسنده، متفکر و دیپلمات برجسته روسی کانستانتین نیکالایویچ لئونتی‌یف (۱۸۳۱–۱۸۹۱) یکی از نویسندگان برجستهٔ پراستناد جنبش محافظه‌کار است. اما، در میراث او بسیاری از مفاهیم، موضوعات و حوادث ناشناخته و بررسی نشده موجود است. بنابراین، موضوعات «لئونتی‌یف و ترکیه»، «لئونتی‌یف دربارهٔ یونانیان و اسلاوهای جنوبی» بر موضوع ذکر شده در عنوان این مقاله را پوشش می‌دهد. لئونتی‌یف مانند ن.ی. دانیلفسکی و هم‌زمان با او، دربارهٔ نیاز تاریخی برای تشکیل اتحادیه‌ای از دولت‌ها صحبت کردند که بتواند در برابر تمایلات ویرانگر تمدن غرب مقاومت کند. اما در اتحادیه شرق کبیر وی، برخلاف دانیلفسکی، نه تنها کشورهایی که به ارتدوکس اعتقاد داشتند، بلکه ترکیه و ایران را نیز شامل می‌شد. پیامبرگونه دربارهٔ هند و چین صحبت کرد. او از نخستین کسانی بود که به تاریخ باستان از منظر یک اروپایی نگاه نکرد (با یادآوری جنگ‌های یونان و ایران، او یونانی‌ها را تحسین نکرد و نظم و انضباط و فداکاری را از رزمندگان شرقی فراگرفت). لئونتی‌یف در طول سال‌های خدمت در امپراتوری ترکیه نمونه‌هایی از شعر فارسی را به صورت اصل (با ارزیابی آهنگ شعر) و ترجمه از تُرک‌های تحصیل‌کرده آموخت و قصد آموختن زبان فارسی را داشت. بازتَاب آن در آثار هنری او مانند مجموعه «داستان‌های شرقی» و رمان «اُدیسه پالیخرانیآدس (۱۸۷۸–۱۸۷۲ انعکاس یافته است. در داستان «پمبه» (۱۸٦۹)، یک بیگ جوان آلبانیایی به فارسی صحبت می‌کند که نویسنده ویژگی‌های خود را در وی توصیف می‌کند. لئونتی‌یف در اثر تاریخی خود «بیزانتیزم و اسلاویسم» (۱۸۷٤–۱۸۷۲)، با تحلیل «عصر تاریخی» فرهنگ‌ها و تمدن‌ها، توجه زیادی به ایران می‌کند. توسعه پروژه اتحاد شرق به دههٔ ۱۸۸۰ برمی‌گردد، بنابراین می‌توان گفت که موضوع فارسی فیلسوف را در تمام طول زندگی به خود مشغول کرده است. این مقاله برای نخستین بار تمامی موارد ارتباط لئونتی‌یف با مطالعات ایران‌شناسی را برجسته می‌کند.

واژگان کلیدی: ادبیات روسی، محافظه‌کاری، آثار ک. ن. لئونتی‌یف، موضوع شرق، ایران.

---

* نویسنده مسئول

1. E-mail: betsy98@mail.ru; https://orcid.org/0000-002-5670-2656

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 129-155
DOI: 10.66224/iarll.25.7
Article No.: 25.72.202502.129155 *Scientific Article*

COMPOUND PARTICLES WITH THE COMPONENT "БЫ" IN RUSSIAN AND WAYS OF EXPRESSING THEM IN PERSIAN

Hadi. Baharloo[1*]
PhD in philology, Associate Professor, Tarbiat Modares University,
Tehran, Iran.

Fahime Eskandari[2]
Master of Russian language, Tarbiat Modares University,
Tehran, Iran.

(date of receiving: January, 2024; date of acceptance: January, 2025)

Abstract

The study is devoted to the study of compound particles with the component "бы" in the Russian language and the ways of expressing them in the Persian language, as well as to the analysis of the effectiveness of dictionaries in representing the exact equivalents of these particles in the Persian language. The analysis of the equivalence of Russian particles in the Persian language is made on the basis of 196 examples collected from translations of Russian works into Persian. The results generally indicate that dictionaries are ineffective at accurately translating particles. This is confirmed by the fact that the equivalents proposed by the authors of the article only in one case coincide with the equivalents proposed in the dictionaries. As a result of the analysis of particle equivalents in different sources and the selection of the most suitable equivalent, the article proposes 31 equivalents for 15 particles, which indicates the polysemy of these particles and the variety of linguistic means of the Persian language to convey their meaning.

Keywords: Compound Particles, Particle Бы, Translation, Russian Language, Persian Language.

---

1. E–mail: baharloo@modares.ac.ir; https://orcid.org/0000-0001-7473-4638

* Corresponding author

2. E–mail: eskandari2290@gmail.com; https://orcid.org/0009-0002-1085-7422

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 129-155
DOI: 10.66224/iarll.25.7
Article No.: 25.72.202502.129155 *Статья научная*

СОСТАВНЫЕ ЧАСТИЦЫ С КОМПОНЕНТОМ «БЫ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И СПОСОБЫ ИХ ВЫРАЖЕНИЯ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

Бахарлу Хади[1*]
кандидат филологических наук, доцент, Университет Тарбиат Модарес, Тегеран, Иран

Эскандари Фахимэ[2]
Магистр кафедры русского языка Университета Тарбиат Модарес, Тегеран, Иран

(дата получения: январь 2024 г.; дата принятия: январь 2025 г.)

Аннотация

Исследование посвящено изучению составных частиц с компонентом «бы» в русском языке и способов их выражения в персидском языке, а также анализу эффективности словарей в представлении точных эквивалентов этих частиц в персидском языке. Частицы в связи с их особой функцией (передача абстрактных значений и эмоций) и их зависимостью от контекста входят в ряд языковых единиц, трудоемких для перевода на другой язык. Анализ эквивалентности русских частиц в персидском языке сделан на основе 196 примеров, собранных из переводов русских произведений на персидский язык. Результаты в основном свидетельствуют о неэффективности словарей в точном переводе частиц. Это подтверждается тем, что предложенные авторами статьи эквиваленты только в одном случае совпадают с эквивалентами, предложенными в словарях. В результате анализа эквивалентов частиц в разных источниках и выбора самого подходящего эквивалента в статье предложены 31 эквивалент для 15 частиц, что свидетельствует о многозначности указанных частиц и разнообразии языковых средств персидского языка для передачи их смысла.

Ключевые слова: составные частицы, частица бы, перевод, русский язык, персидский язык.

---

1. E–mail: baharloo@modares.ac.ir; https://orcid.org/0000-0001-7473-4638

* Ответственный автор

2. E–mail: eskandari2290@gmail.com; https://orcid.org/0009-0002-1085-7422

Введение

Частица в русской лингвистике определяется как несамостоятельное, служебное слово, выражающее добавочное лексическое или грамматическое значение. Основной функцией частицы является выражение дополнительного смыслового оттенка (передающего отношение говорящего к контексту) или образование форм слова. Такое определение придерживается во многих книгах по грамматике и лингвистике русского языка в том числе: (Шведова 1970. 314); (Белошапкова 1989. 528-529); (Касаткин 2001. 628); (Виноградов 2001. 543); (Русская грамматика. 1980); (Лекант 2009. 561) и др.

В связи с указанной важной ролью, частицы стали объектом анализа во многих лингвистических исследовательских работах в русской лингвистике.

Частица рассматривается и классифицируется по разным критериям: значению, функции и строению. По функции частицы разделяются на формообразующие и словообразующие. По семантике нет общепринятой классификации, но в большинстве случаев классифицируются на основе их модального значения. По строению частицы разделяются на: первообразованые и непервообразованые, а также простые и составные.

По книге "Русская грамматика" составные частицы делятся на расчленяемые и нерасчленяемые. Среди составных частиц выделяются также частицы-фразеологизмы: «слившиеся воедино несколько служебных слов (или служебных слов и изолировавшихся от своих классов наречий, форм местоименных слов либо глаголов), живые отношения между которыми в современном языке отсутствуют; такие частицы также могут быть расчленяемыми или нерасчленяемыми» (Русская грамматика 1980. 725-729).

По сравнению с русским языком, в персидской лингвистике частица, как часть речи, малоизучена. В персидском языке слово «ادات» (эквивалент частицы в русском языке с общеупотребительным значением «инструменты», «орудия») в лингвистике как самостоятельная часть речи в основном

выделяется в источниках, которые описывают грамматику персидского языка в зеркале других языков (в том числе русского). Современные лингвисты рассматривают частицы не как отделенную часть речи, а как разряд союза или предлога. Например, по классификации, предложенной в одной из самых древних и классических книг по грамматике персидского языка, в персидском языке существует 9 частей речи: существительное, прилагательное, глагол, несамостоятельное слово (несамостоятельные слова, которые для выражения своего значения потребуются другим словам), числительное, наречие, предлог, союз и междометие (Гариб и др. 1400). При этом, существуют книги, в которых частица выделяется как самостоятельная часть речи, в том числе книга «Персидская грамматика», в которой выделяется 6 частей речи: 1) существительное, 2) глагол, 3) прилагательное, 4) наречие, 5) квази-предложение, 6) частица. По этой классификации частица включает союзы, предлоги, междометия и т.д. (Хаяампур 1338, 19-20).

По Дж. Рахимияну частица в персидском языке по семантике и синтаксической роли относится к второстепенным членам предложения, и рассматривается в категории предлога, союза и наречия со значением места, времени и обстоятельства (Рахимиян 1385: 145).

Ю.А. Рубинчик о частицах в персидском языке пишет: «Частицы употребляются, главным образом, в разговорной речи. По своему происхождению они связаны с местоимениями, союзами, существительными и глаголами. Частицы разделяются на:

1) усилительные: دیگر *[дигäр],* که*[кэ],* آخر *[ахäр] «же» или «ведь»,* حتی *[häma]«даже»*

2) восклицательные: چه*[чэ] «как»,* چقدر *[чэґäдäр] «какой»*

3) вопросительные: آیا *[айа] «ли»،* مگر *[мäгäр] «разве»*

4) выделительно-ограничительные: *[фäґäm]* فقط *«только»،* تنها *[mänha] «лишь»*

5) модально-побудительные: بگذار *[богзар],* بیا، بیایید *[бийа, бийайд]* «давай», «давайте» или «пусть» (Рубинчик 1970. 837).

Настоящая исследовательская работа направлена на рассмотрение эквивалентности частотных русских частиц с компонентом «бы» в персидском языке. Выбор и анализ частиц сделан на основе 196 примеров, собранных из перевода разных русских произведений на персидский язык. Список проанализированных частиц и частотность их встречаемости в проанализированных произведениях показан на рисунке 1.

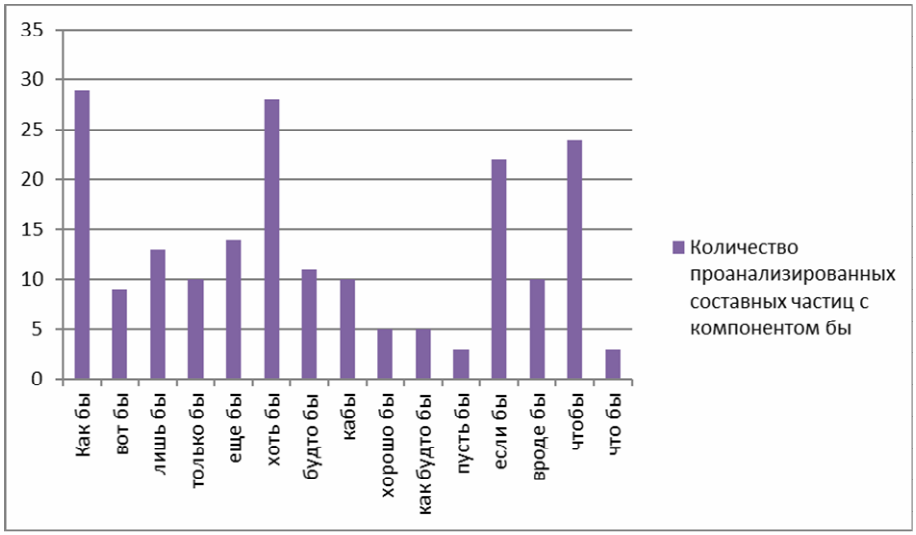


Рис. 1. Количество проанализированных составных частиц с компонентом *бы*

Процесс выбора эквивалента для каждой частицы состоит из следующих этапов: 1) собраны частицы и их эквиваленты в переводе русских произведений на персидский язык; 2) собраны эквиваленты, предложенные в русско-персидских словарях Г.А. Восканяна (Восконян 2008), С.Д. Клевцовой (Клевцова 1995) и И.К. Овчинниковой (Овчинникова, 1965); 3) выписаны толкования частиц из «Словаря русских частиц» (Шимчук 1999); 4) на основе поученных эквивалентов предложен эквивалент для каждой частицы;

5) очность предложенного эквивалента проверена на основе его использования для перевода примеров, выбранных в основном из национального корпуса русского языка и «Словаря русских частиц» (Шимчук 1999).

Далее в работе представлены окончательные результаты анализа каждой частицы и предложенные эквиваленты.

1) Частица *как бы*

Частица «как бы» употребляется в двух значениях: 1) выражение неуверенности говорящего в достоверности или возможности сообщаемого; 2) выражение приблизительности, условности, наименования чего-нибудь (Шимчук, Щур 1999. 78). В словарях частица *«как бы»* в сопровождении с частицей *«не»* переведена в основном как نکند. Эквиваленты " انگار، انگار که، مثل، ای کاش، همچون، مثل اینکه، چنان می نمود که، یک جور، فقط" встречаются в переводах русских произведений. Совокупность переводов, предложенных для этой частицы, показана на рисунке 2.

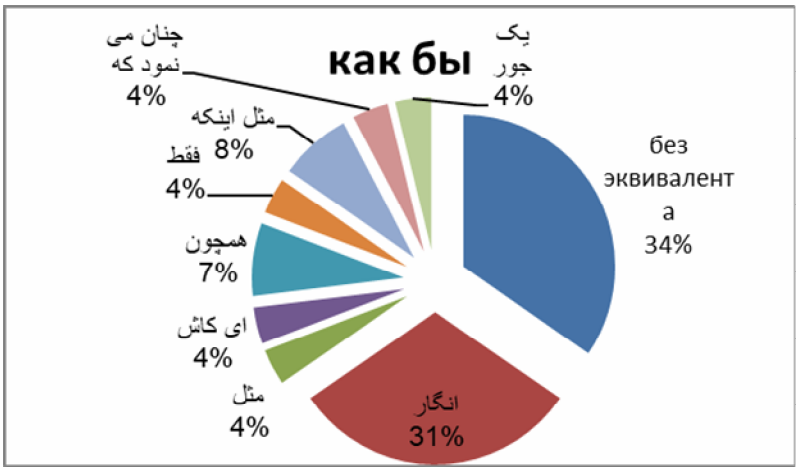


Рис. 2. Эквиваленты частицы «как бы» в переведенных на персидский язык произведениях.

На основе анализа примеров, для первого значения предлагаем эквивалент «گویا», а для второго «انگار» и «یک جور». Следующие примеры подтверждают правильность выбранных эквивалентов.

*В его лице я замечал **как бы** некоторую странность.*

من درچهره او گویا متوجه یک چیز عجیبی شده بودم.

*Вдали послышался **как бы** сдавленный крик.*

از دور یک جور صدای گریه خفه ای شنیده می شد.

*Трава **как бы** покрылась инеем.*

انگار گیاه با شبنم یخ زده ای پوشانده شده بود.

*Мы **как бы** работаем, а нам **как бы** платят зарплату.*

انگار ما کار می کنیم و انگار به ما حقوق می دهند.

2) Частица *хоть бы*

Эта частица употребляется в трех ситуациях: 1) Выделяет реальную или возможную ситуацию из некоторого множества, выражая вынужденно позитивное отношение к ситуации плохой или не очень хорошей – при отсутствии или малой вероятности лучших; 2) Выражает вероятность или допустимость; 3) Выделяет наименее приемлемую малоприемлемую или любую произвольную ситуацию из некоторого множества, выражая её достаточность для некоторого следствия (Шимчук, Щур 1999. 137).

В русско-персидских словарях для нее представлены эквиваленты اقلا، کاش، کاشکی. На основе перевода русских литературных произведений персидские эквиваленты этой частицы - это، حتی، لااقل ... کاش، لااقل، هر از گاهی هم، فرض کنید، کاش ... اقلا، شاید، مثلا، چه خوب، اگر، حالا هر که می‌خواهد باشد، عدم وجود معادل. Частотность предложенных эквивалентов показана на рисунке 3.

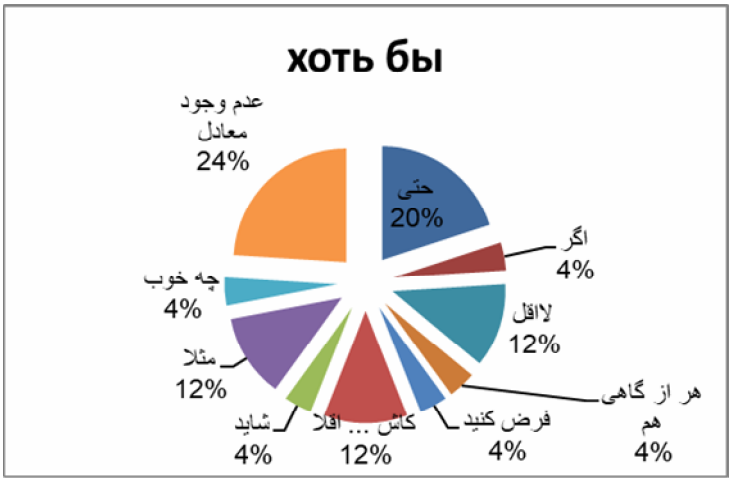


Рис. 3. Эквиваленты частицы «хоть бы» в переведенных на персидский язык произведениях.

По вышеуказанной диаграмме и проанализированным примерам в русско-персидских словарях и в литературных произведениях, варианты « حتی، کاش، لااقل، حداقل، اقلا، کاشکی» являются эквивалентами частицы *«хоть бы/ хотя бы»*. Среди них как самый подходящий эквивалент предлагаем « لااقل (کاش)، حداقل», потому что больше других выражают значение малой вероятности, которая является основной семантической составляющей этой частицы.

Хот бы *для приличия надо его позвать.*

لااقل برای ادب و نزاکت هم که شده باید او را صدا زد.

Нужно ***хоть бы*** *месяц прожит, чтобы привыкнуть.*

برای عادت کردن باید حداقل یک ماه زندگی کرد.

3) Частица *чтобы*

Эта частица употребляется в двух основных значениях: 1) требование, приказание или пожелание; 2) нежелательность реальной или предполагаемой ситуации, а также эмоциональное состояние говорящего (удивление, неудивление, возмущение и т.п.) (Шимчук, Щур 1999. 139). Она не

представлена в корпусе русско-персидских словарей. Для этой частицы в русских произведениях, переведенных на персидский язык, предложены следующие эквиваленты: تا، به شرطی که، عدم وجود معادل، که، برای، الهی ، دیگر، باید. Основные эквиваленты данной частицы в рассмотренных источниках показаны на рисунке 4.

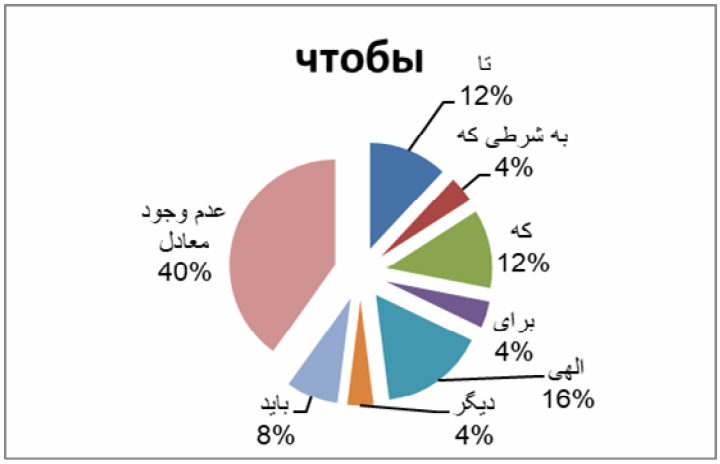


Рис. 4. Эквивалент частицы «чтобы» в переведенных на персидский язык произведениях.

Как показывает анализ примеров многозначная частица *«чтобы»* в предложениях переводится контекстуально. Первое значение обычно в персидском языке выражается с помощью повелительного наклонения, а для второго значения предлагаем эквивалент «بایـد، الهـی، خـدا کنـد». Например:

Чтоб *этого больше не было!*

دیگرهمچین چیزی نبینم.

Чтобы *к утру все сделать как следует!*

باید تا فردا همه چیز آن طور که باید و شاید انجام شود.

Беда, просто беда… Ах, ***чтобы*** *всех вас прорвало! — ругался Папан Максимыч.*

پاتاپ ماکسیمیچ دشنام می داد : بدبختی، فقط بدختی .... آخ الهی که همه تان بمیرید!

4) Частица *если бы*

Частица *«если бы»* имеет значение сильного желания (при этом желаемое представляется невозможным или маловероятным). (Шимчук, Щур 1999. 41) В русско-персидских словарях рекомендуется эквивалент اگر، کاش. в переводах русских произведений встречаются эквивалентыاگر، کاش، ای کاش، کاشکی . Самые частотные эквиваленты этой частицы показаны на рисунке 5.

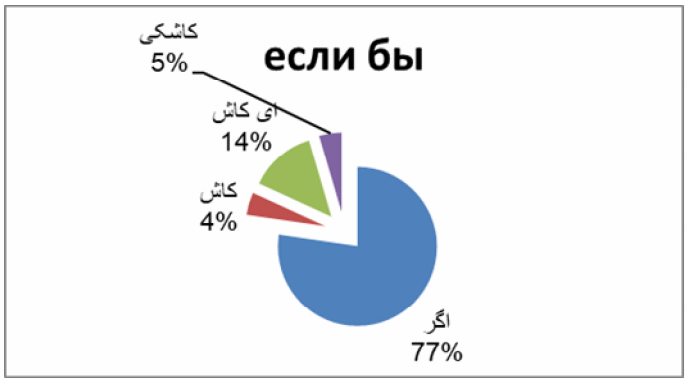


Рис. 5. Эквиваленты частицы «если бы» в переведенных на персидский язык произведениях.

Вышеуказанные эквиваленты в персидском языке не выражают семантического компонента "сильное" и по-нашему не являются точными эквивалентами указанной частицы. Для этой частицы мы предлагаем эквиваленты اگر که آخ ،کاشکی ،ای کاش ،کاش , например:

Ах, ***если бы*** *нас нашли!*

آخ که اگر ما را پیدا کنند!

Если бы *нам удалось его увидеть!*

کاش موفق می شدیم او را ببینیم!

5) Частица *ещё бы*

Частица *«ещё бы»* выражает два значения: 1) указание на наличие основания для оценки сообщаемого или предполагаемого как неизбежного (оценка обусловлена известными говорящему дополнительными обстоятельствами); 2) Выражение наличия необходимого основная для положительной оценки предполагаемого или ожидаемого (Шимчук, Щур, 1999: 64-65).

В словарях предлагаются следующие эквиваленты: مسلم است! بدون شک! مگرنه! چراکه نه!. По результатам анализа перевода литературных произведений представляются эквиваленты اگر، وای که اگر، باید، معلوم است! اگر فرصت پیدا می‌شد، پس چه!، البته که! نه!، اختیار دارید، البته، چه جور هم". Совокупность эквивалентов данной частицы в рассмотренных источниках представлена на рисунке 6.

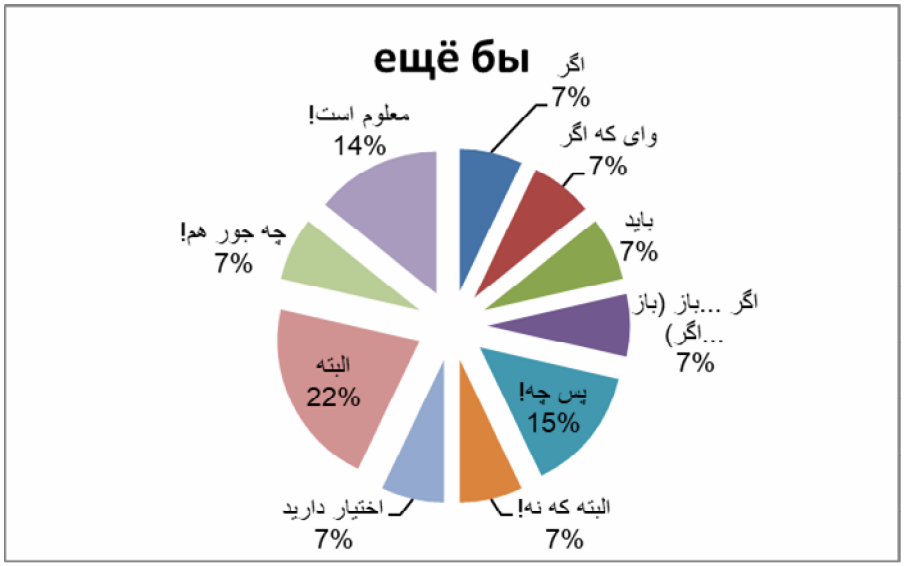


Рис. 6. Эквиваленты частицы «еще бы» в переведенных на персидский язык произведениях.

Сравнение предложенных эквивалентов с толкованием частицы показывает, что эти эквиваленты в основном передают первое значение. Для второго значения мы предлагаем эквиваленты « مگر ، مگر می توانست {م، ی، اید} می شود», например:

*Вы знаете эту девушку, **- Ещё бы** свою родную дочь не знать.*

شما این دختر را می شناسید، مگر می شود دختر خود را نشناخت.

*Ты знаешь, я согласился на их предложение.- **Ещё бы** ты отказался!*

تو می دانی من با پیشنهاد آنها موافقت کردم . مگر می شود ردش کنی!

*А захочет он прийти к нам? – **Ещё бы** будет очень рад!*

او دلش می خواهد نزد ما بیاید. معلوم است که خیلی خوشحال خواهد شد!

6) Частица *лишь бы*

Частица *«лишь бы»* обозначает приемлемость или желательность единственной ситуации, противопоставляемой всем другим возможным. (Шимчук, Щур 1999. 84)

Эта частица не включена в корпус русско-персидских словарей. В переведенных произведениях предложены эквиваленты انگار، انگار که ، مثل، ای کاش، همچون، مثل اینکه، چنان می‌نمود که، یک جور، فقط (рисунок 7).

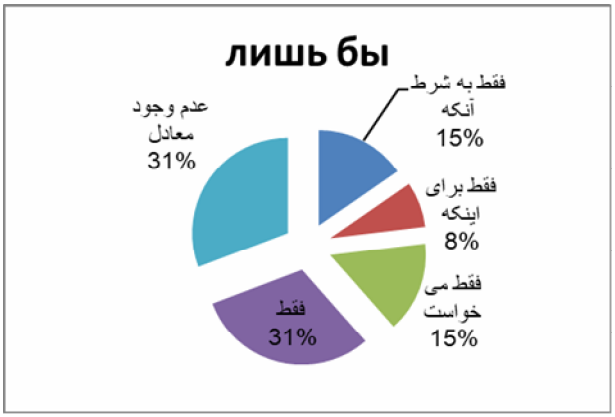


Рис. 7. Эквиваленты частицы «лишь бы» в переведенных на персидский язык произведениях.

На основе анализа частицы «*лишь бы*» в переводах литературных произведений мы предлагаем эквиваленты « اگرفقط، فقط برای اینکه، فقط، *فقط همین مانده*». Верность предложенного эквивалента показывают следующие примеры:

Лишь бы *дождь не пошёл!*

اگرفقط باران نیاید!

Он шагал быстро, думал об одном ***лишь бы*** *успеть!*

او سریع راه می رفت و به یک چیز فکر می کرد فقط موقع برسد!

Лишь бы *вашей любви я был участник.*

اگر فقط شریک عشق شما بودم.

Люди охотно платят за лечение, ***лишь бы*** *помогло.*

مردم باکمال میل هزینه های درمانی را پرداخت می کنند فقط اگر بتوانند کمکی بکنند.

Тебе ***лишь бы*** *в кино ходить!*

فقط همین مانده که به سینما بروی!

7) Частица *будто бы*

Данная частица в русском языке употребляется в двух основных значениях: 1) Неуверенное предположение о возможности сообщаемого; 2) Сомнение в искренности адресата, недоверие по отношению к сообщаемому им и предположении о возможности противоположенного. (Шимчук, Щур 1999. 30)

Эта частица не включена в корпус русско-персидских словарей. Эквиваленты «будто бы» в проанализированных переводах русских произведений – это *ظاهرا، از قرار معلوم، گویا، انگار* (рисунок 8).

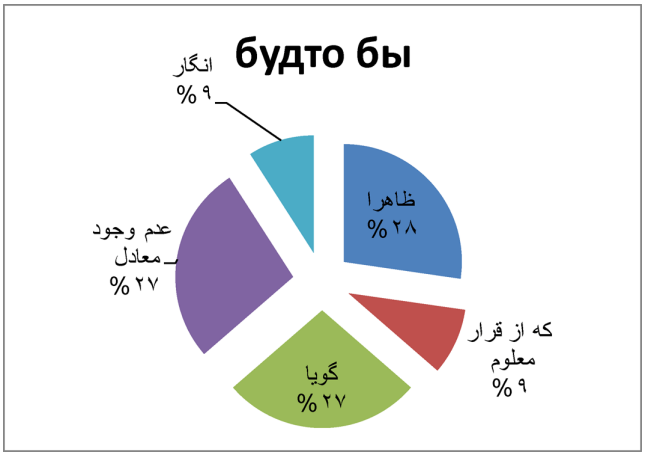


Рис. 8. Эквиваленты частицы «будто бы» в переведенных на персидский язык произведениях.

По нашему анализу подходящими эквивалентами для частицы *«будто бы»* можно считать "گویا، ظاهرا، انگار". Эти эквиваленты в персидском языке могут выразить значение сомнения и неуверенности в искренности сообщаемого.

- ***Будто бы*** *я вас где-то встречал.*

انگار شما را یه جایی دیده‌ام.

- *Они поссорились* ***будто бы****?*

ظاهرا آنها باهم دعوا کرده‌اند؟

- *Мне пора уходить. –* ***Будто бы*** *ты так уж и спешишь домой?*

وقتشه من برم. ظاهرا /گویا عجله داری بروی خانه؟

8) Частица *кабы*

«Желательность» является основным значением частицы «кабы». Ее можно считать синоним частицы «если бы», который используется в основном в разговорной речи. В русско-персидских словарях этой частице не посвящена словарная статья. Основные ее эквиваленты в переводах произведений – это ای کاش، اگر آرزویم فقط این است که، چه خوب می‌شد اگر، (рисунок 9)

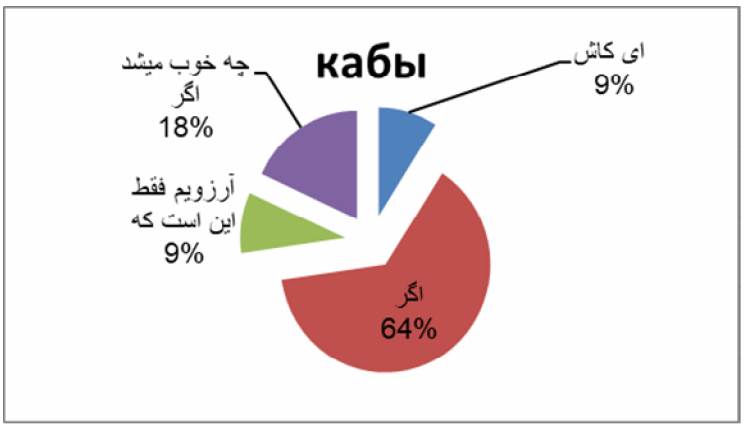


Рис. 9. Эквиваленты частицы «кабы» в переведенных на персидский язык произведениях.

Среди азных эквивалентов значение желательности в разговорной речи в персидском языке лучше всего передает «کاش، آخ که اگر».

Например:

1. ***Кабы*** *перекусить слегка!*

۱. آخ که اگر یک ته گیری /ته بندی بکنیم!

2. Ах, ***кабы*** *ночь поскорее!*

۲. آخ، کاش زودتر شب شود!

9) Частица *вроде бы*

Частица *«вроде бы»* обозначает неуверенное предложение говорящего о возможности сообщаемого (Шимчук, Щур 1999. 44). В русско-персидских словарях этой частице не посвящена словарная статья, а в переводах русских произведений переведена эквивалентами انگار، به نظر می‌رسد، ظاهرا، گویا، در ظاهر (рисунок 10).

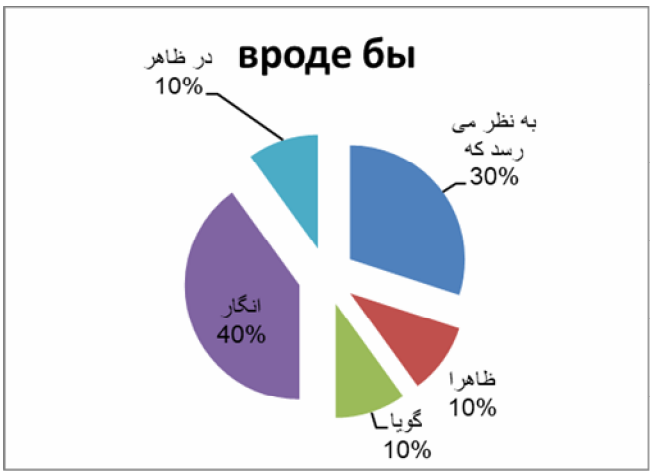


Рис. 10. Эквиваленты частицы «вроде бы» в переведенных на персидский язык произведениях.

Для выражения значения неуверенного предложения говорящего о возможности сообщаемого самыми подходящими эквивалентами можно считать "به نظر می‌رسد که، انگار، مثل این که،" например:

А ведь действительно: семья мокриц постоянно трудится над благоустройством норки глубиной до метра, создавая сносные условия существования в жаркой пустыне, где влаголюбивым рачкам ***вроде бы*** *делать нечего.*

و در واقع خانواده، خرخاکی ها با ایجاد شرایط مساعد زندگی در بیابان داغ، که به نظر می‌رسد با این خرچنگ سانان رطوبت دوست اصلا سازگار نیست، دائما برای رفاه لانه شان که تا عمق یک متر می‌رسد تلاش می‌کنند.

Дождь идёт. – ***Вроде (бы).***

باران می‌بارد. – انگار.

10) Частица *только бы*

Частица *«только бы»* обозначает выбор ситуации из многих событий, которые имеют менее важную значительность и выражает её желательность.

(Шимчук, Щур 1999. 127) Эта частица не включена в корпус русско-персидских словарей. Она в литературных произведениях переведена следующими эквивалентами: هرچه ... فقط، فقط باید، فقط کاش، فقط می‌خواهید، فقط "می‌شود بشود!، کافی است، به شرط آنکه، کاش (рисунок 11).

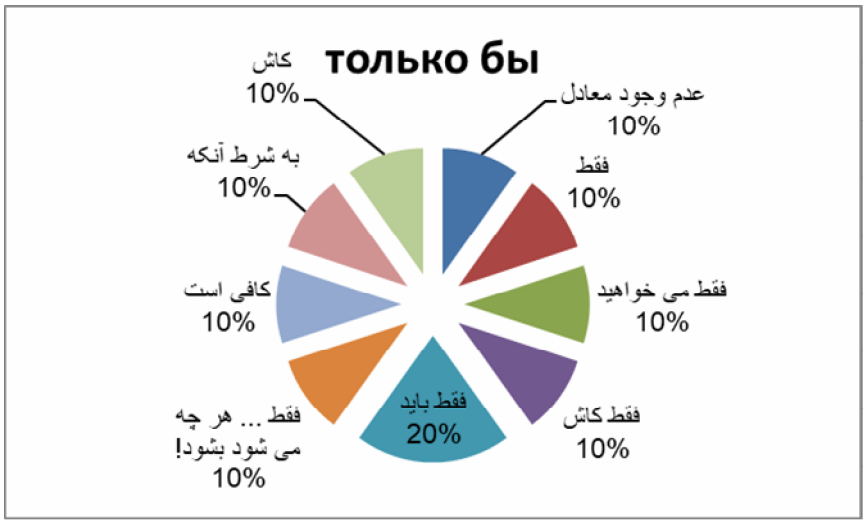


Рис. 11. Эквиваленты частицы «только бы» в переведенных на персидский язык произведениях.

Для частицы *«только бы»* предлагаем эквивалент «فقط کاش», который лучше других передает значение желательности в выбранных ситуациях:

***Только бы** успеть к поезду!*

فقط کاش به قطار برسیم!

***Только бы** не война!*

فقط کاش جنگ نباشد!

*Это может здорово пригодиться, **только бы** не забыть.*

این می‌تواند برای سلامتی مفید باشد فقط کاش فراموش نشود.

11) Частица *вот бы*

Данная частица по словарю русских частиц (Шимчук, Щур 1999. 41) обозначает желательность немедленного осуществления воображаемого события. Эта частица не встречается в корпусе русско-персидских словарей. В русских произведениях, переведенных на персидский язык, встречаются эквиваленты: چه خوب بود اگر، این ازهمه چیز بهتر بود، کاش، این ...ی است که (рисунок 12).

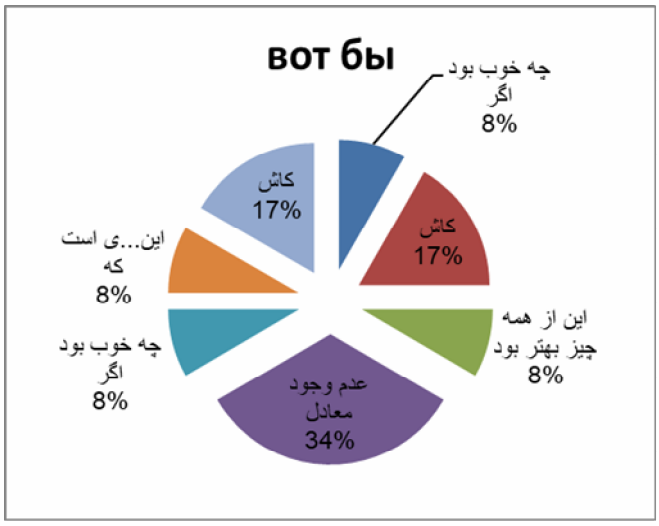


Рис. 12. Эквиваленты частицы «вот бы» в переведенных на персидский язык произведениях.

На основе анализа переводов русских произведений на персидский язык подходящим эквивалентом этой частицы считаем : چه خوب بود اگر، کاش , например:

Вот бы *прокатиться на такой машине!*

چه خوب بود اگر با چنین ماشینی دور می‌زدیم!

Вот бы *нас взяли на прогулку!*

کاش ما را به گردش می‌بردند!

12) Частица *хорошо бы*

Частица *«хорошо бы»* выражает значение «желательность осуществления чего-нибудь» (Шимчук, Щур 1999. 135). Эта частица не включена в корпус русско-персидских словарей. Предложенные в переводах русских произведений эквиваленты – это چه خوب می شد، کاش می توانستم، چه عالی بود (рисунок 13).

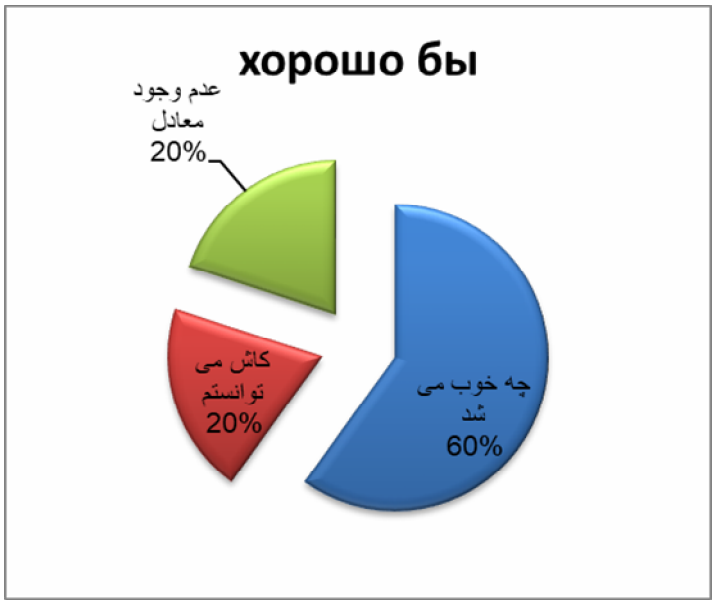


Рис. 13. Эквиваленты частицы «хорошо бы» в переведенных на персидский язык произведениях.

На основе проанализированных примеров считаем подходящим эквивалент چه خوب می‌شد (بود). Следующие примеры подтверждают наше предложение:

Хорошо бы *его встретить!*

چه خوب می‌شد او را می‌دیدیم!

Хорошо бы *он ответил поскорее!*

چه خوب می‌شد او زودتر پاسخ می‌داد!

13) Частица *как будто бы*

Эта частица обозначает неуверенное предположение о возможности сообщаемого (Шимчук, Щур 1999. 77). Она не включена в корпус рассмотренных словарей. Эквиваленты частицы в русских произведениях – это گویی، مثل این است که، طوری که انگار، در ظاهر (рисунок 14).

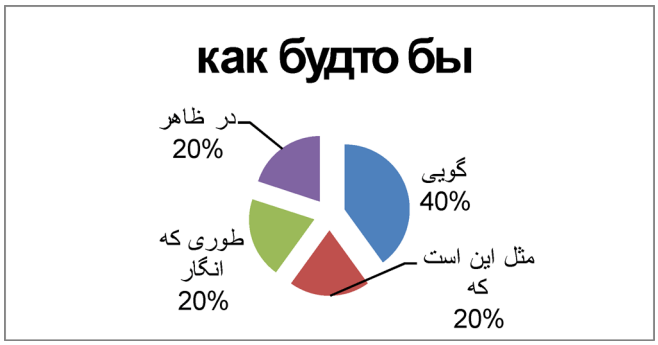


Рис. 14. Эквиваленты частицы «как будто бы» в переведенных на персидский язык произведениях.

Среди эквивалентов, варианты «انگار، مثل اینکه» лучше других передают значение неуверенного предложения о возможности сообщаемого. Например:

Как будто бы *Саша Лукьянов, но я не была уверена.*

مثل اینکه ساشا لوکیانوف بود، اما من مطمئن نبودم.

Ты ***как будто бы*** *знал об этом?*

انگار /مثل اینکه این را می‌دانستی؟

14) Частица *что бы*

Частица *«что бы»* выражает пожелание или необходимость (Шимчук, Щур 1999. 139). Эта частица не включена в корпус русско-персидских словарей. В переводах литературных произведений для нее предлагают эквивалент انگار، می‌بایست (рисунок 15).

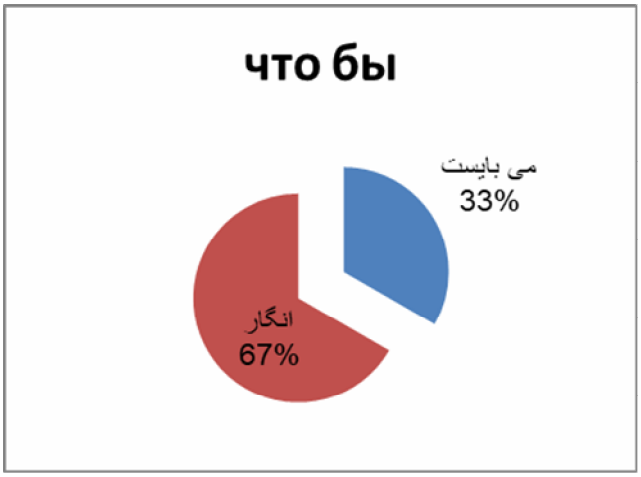


Рис. 15. Эквиваленты частицы «что бы» в переведенных на персидский язык произведениях.

Эквиваленты باید، می‌بایست больше других передают значение пожелания и необходимости и их можно считать точными эквивалентами этой частицы, например:

*Ему **что б** за домом спрятаться, а он вперёд побежал.*

او باید پشت خانه قایم می‌شد، ولی دوید جلو.

***Что бы** сейчас воды похолоднее!*

الان آبها می‌بایست سردتر باشند!

15) Частица *пусть бы*

Частица *«пусть бы»* обозначает допущение или желательность (Шимчук, Щур 1999. 107). Эта частица не включена в корпус русско-персидских словарей. Для нее в переводах русских литературных произведений предложен эквивалент "حتی، فرض کنیم که" (рисунок 16).

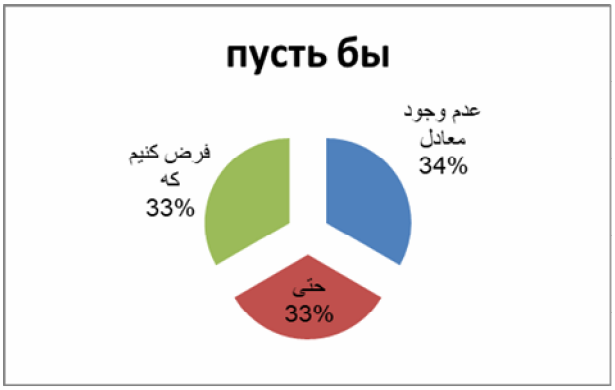


Рис. 16. Эквиваленты частицы «пусть бы» в переведенных на персидский язык произведениях.

Анализ эквивалентов частицы *«пусть бы»* в источниках показывает, что подходящий эквивалент к значению желательности сообщаемого является «گیریم که، به فرض که، خوب بگذار». Следующие примеры подтверждают правильность предложенного эквивалента.

*Ольга негромко спросила. – **Пусть бы** они были вместе… Нет? – Не знаю, – тихо призналась Томашкевич.*

اولگا باصدای بلند پرسید: خوب بگذار آنها باهم باشند ... نه؟ – به آرامی توماشکیویچ زمزمه کرد: نمی‌دانم.

*Я тоже думала, не раз думала: ну **пусть бы** он умер, лучше бы он умер.*

من هم فکر کرده‌ام، بارها هم فکر کرده‌ام: خب، به فرض که مرده باشد، بهتر که او مرده باشد.

*Он опубликовал уже две повести. **Пусть бы** даже за свой счет! — А у тебя есть деньги?*

او دوتا رمان چاپ کرده است. به فرض هم با هزینه خودش! – اما آیا تو پولش را داری؟

Заключение

Подытоживая результаты анализа русских составных частиц с компонентом *«бы»* и их эквивалентов в персидском языке, можно указать на следующие положения.

В отличие от русского языка, в котором частицы рассмотрены очень подробно и занимают определенное место в системе частей речи, в персидском языке даже выделение частиц как самостоятельной части речи в работах некоторых лингвистов взывает сомнения.

Частицы можно включить в ряд проблематичных частей речи для перевода на другой язык. Сложность в переводе частиц связана с двумя факторами: 1) абстрактностью их значения (модальное значение), 2) их контекстуальной зависимостью. Эта проблема при сталкивании русского и персидского языков еще больше осложняется в связи с малоизученностью частиц в персидском языке и недостаточной эффективностью русско-персидских словарей.

Среди основных смысловых оттенков, которые передаются русскими частицами с компонентом *"бы"*, можно указать на следующие: желательность, неуверенное предположение, неуверенность. Составные частицы с компонентом *"бы"* в связи с их модульным составом могут вызывать трудности для иранских переводчиков и учащихся. Основной источник, который в настоящее время при отсутствии сравнительных работ в этой области используется иранскими учащимися и переводчиками в переводе указанных частиц – это русско-персидские словари, а наш анализ свидетельствует об их неэффективности в успешном переводе терминов. Это подтверждается тем, что выбранные самые подходящие эквиваленты только в одном случае совпадают с эквивалентами, предложенными в словарях. Не включение этих частиц в корпус словарей может быть связано с их контекстуальной зависимостью.

В результате анализа эквивалентов частиц в разных источниках и выбора самого подходящего эквивалента мы пришли к 31 эквивалентам для 15 частиц, что свидетельствует о многозначности указанных частиц и разнообразии языковых средств персидского языка для передачи их смысла. На основе

анализа словарей и примеров мы предлагаем следующие персидские эквиваленты для русских составных частиц с компонентом *"бы"*, хотя нужно отметить, что они не окончательные и категоричные эквиваленты, и перевод может измениться в зависимости от контекста.

Частица с компонентом *бы*	**Предлагаемый эквивалент**
Будто бы	گویا ، ظاهرا، انگار
Вот бы	کاش، چه خوب (بود، می‌شد)
Если бы	ای کاش، آخ که اگر، کاشکی، کاش
Еще бы	مگر می‌توانست (-م، -ی، -یم، -ید، -ند)، مگر می‌شود، اختیار دارید، البته
Кабы	کاش، آخ که اگر
Как будто бы	مثل اینکه ، انگار
Как бы	یک جور، انگار، گویا
Лишь бы	اگرفقط، فقط برای اینکه، فقط، *فقط همین مانده*
Пусть бы	گیریم که، به فرض که، خوب بگذار
Только бы	فقط کاش
Хорошо бы	چه خوب می‌شد
Что бы / что б	باید، می‌بایست
Вроде бы	به نظر می‌رسد که، انگار، مثل این که
Чтобы /чтоб	خدا نکند، الهی، باید
Хоть бы/ хотя бы	حداقل، لااقل (کاش)

Литература

1- Виноградов В.В. (2001). *Русский язык: Грамматическое учение о слове* –М.: Рус. Яз.

2- Восканян Г. А. (2008). *Русско-персидский словарь.* – М.: АСТ: Восток-Запад.

3- Клевцова С.Р. (1995). *Русско-персидский словарь,*–М.: Русский язык.

4- Овчинникова И. К., Фуругян Г. А., Бади Ш. М. (1965) *Русско-персидский словарь* –М.: Советская энциклопедия.

5- *Русская грамматика*: *Т.1* (1980). Под. Ред. Н. Ю. Шведовой. –М. : Наука.

6- *Современный русский литературный язык*: *Новое издание: Учебник* (2009). Под ред. П.А. Леканта. М.: Высшая школа.

7- *Современный русский язык,* (2001). Под ред. Л. Л. Касаткина. –М.: «Академия».

8- *Современный русский язык,* (1989). Под ред. В.А. Белошапковой - М.: Высшая школа.

9- Шимчук Э.Г., Щур М.Г., (1999). *Словарь русских частиц*. Берлин: Петер-Ланг.

10- Khaiampoor A. (1959). *Dastoor-e zaban-e farsi*. Tehran: Sotoode.

11- Gharib A., Homai J., Yasemi R., Bahar M., Forrozanfar B. (2021). *Dastorr-e panj ostad*. Tehran: Nahid.

12- Rahimian J. Tahlil-e nahvi va manai-e adat dar zaban-e farsi (2006). *Vizhename fahangestan*. No 2. pp. 142-160

13- Rubinchik I. A. (2005). *Farhang-e farsi-rusi*. Tehran. Gutenberg.

14- http://www.ruscorpora.ru/

Bibliography

1- Vinogradov V.V. (2001). *Grammaticheskoie uchenie o slove*. Moskva. : Ruski izik.

2- Vaskanian G.A. (2008). *Rusko-persidski slavar*. AST: Vastok-zapad.:

3- Klifsova S.R. (1995). *Rusko-persidski slavar*. Moskva. : Ruski izik.

4- Ovchinnikova I. K., Furugian G. A., Badi Sh. M. (1965) *Russko-persidskii slovar'* – M.: Sovetskaia entsiklopediia.

5- *Ruskaia grammatika. Tom 1* (1980). Pad ridaktsiei N.U. Shvedavai. Moskva. : Nauka.

6- *Savrimeni ruski literaturni izik: Novaie izdanie.Uchebnik* (2009). Pad ridaktsiei P.A. Lekanta. Maskva. Vishaia shkola.

7- *Savrimeni ruski izik* (2001). Pad ridaktsiei L.L. Kasatkina. Maskva: Akademia.

8- *Savrimeni ruski izik* (2001). Pad ridaktsiei V.A. Bilashapkava. Maskva: Vishaia shkola.

9- Shimchuk E.G., Schur M.G. (1999). *Slavar russkikh Chistits*. Berlin: Piter-lang.

10- Khaiampoor A. (1959). *Dastoor-e zaban-e farsi*. Tehran: Sotoode.

11- Gharib A., Homai J., Yasemi R., Bahar M., Forrozanfar B. (2021). *Dastorr-e panj ostad*. Tehran: Nahid.

12- Rahimian J. Tahlil-e nahvi va manai-e adat dar zaban-e farsi (2006). *Vizhename fahangestan*. No 2. pp. 142-160

13- Rubinchik I. A. (2005). *Farhang-e farsi-rusi*. Tehran. Gutenberg.

HOW TO CITE THIS ARTICLE
Hadi. Baharloo/Fahime Eskandari (2025). COMPOUND PARTICLES WITH THE COMPONENT "БЫ" IN RUSSIAN AND WAYS OF EXPRESSING THEM IN PERSIAN. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, 13*(1), 129-155.
DOI: 10.66224/iarll.25.7
URL: https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/314

ادات ترکیبی دارای جزء бы در زبان روسی و روش‌های بیان آنها به زبان فارسی

هادی بهارلو[1*]
عضو هیات علمی، دانشگاه تربیت مدرس،
تهران، ایران

فهیمه اسکندری[2]
کارشناس ارشد، دانشگاه تربیت مدرس،
تهران، ایران

(تاریخ دریافت: ژانویه ۲۰۲٤؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۵)

چکیده

این پژوهش به بررسی ادات مرکب با جزء «бы» در زبان روسی و شیوه‌های بیان آنها در زبان فارسی و نیز تحلیل کارکرد فرهنگ‌های لغت در ارائه معادل‌های دقیق برای این ادات اختصاص دارد. تحلیل معادل‌یابی ادات روسی در زبان فارسی بر اساس ۱۹٦ نمونه گردآوری شده از ترجمه آثار روسی به فارسی انجام شده است. نتایج به طور کلی نشان می‌دهد که فرهنگ‌های لغت در ترجمه دقیق ادات ناکارآمد هستند. این امر با این واقعیت تأیید می‌شود که معادل‌های ارائه شده توسط نویسندگان مقاله تنها در یک مورد با معادل‌های ارائه شده در فرهنگ لغت مطابقت دارد. در نتیجه تجزیه و تحلیل معادل‌های ادات در منابع مختلف و انتخاب مناسب ترین معادل، مقاله ۳۱ معادل برای ۱۵ ادات پیشنهاد می‌کند که نشان‌دهنده ویژگی چندمعنایی بودن ادات و تنوع ابزارهای زبانی زبان فارسی برای انتقال آنهاست.

واژگان کلیدی: ادات ترکیبی، ترجمه، ادات бы، زبان روسی، زبان فارسی.

---

* نویسنده مسئول
1. E-mail: baharloo@modares.ac.ir; https://orcid.org/0000-0001-7473-4638
نوع مقاله: علمی- پژوهشی
2. E-mail: eskandari2290@gmail.com; https://orcid.org/0009-0002-1085-7422

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 157-172
DOI: 10.66224/iarll.25.8
Article No.: 25.81.202502.157172 *Scientific Article*

LEVSHIN'S WORK AND THE PHENOMENON OF THE "ORIENTAL STORY" IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN FICTION

Zavelskaya Darya Alexandrovna[1*]
Associate Professor, Kosygin Russian State University (Technology. Design. Art), Moscow, Russia.

(date of receiving: September 2024; date of acceptance: January, 2025)

Abstract

The research is devoted to the translated story *Veziri, or the Enchanted Labyrinth*, which Levshin released with the subtitle *Oriental Story*. Russian fiction is interesting both in the context of the genre itself, which became very popular in Russian literature in the second half of the 18th century, and from the point of view of the development of Russian fiction during the era of sentimentalism. In existing studies devoted to the genre of the *Oriental Story*, three types are distinguished: 1) moral and ethical with religious overtones; 2) entertaining, adventurous, and gallant; and 3) educational. However, *Veziri* allows us to detect all three aspects, which is essential for understanding the general orientation of the fiction of that time and the very idea of the perception of the East in Russian literature. The history of the creation of this translation has not been sufficiently studied to compare Levshin's work with the original source; therefore, the style is analyzed as a characteristic example of Russian fiction. Levshin's choice is significant, as he is known, among other things, for his original literary fairy tales based on motifs and images from Russian folklore. In the *Oriental Story*, Persia becomes the setting, depicted not historically but in a legendary and fabulous manner, as an amazing land of miracles, heroism, high virtues, and mystical mysteries. It is productive to examine the concept of 'virtue' in this work, as it is extremely important both for the educational literature of the sentimentalist era and for literary fairy tales. In this regard, the increased emotionality of the narration and the characters' direct speech can be explained by the sentimentalist emphasis on comprehending moral principles through a sensitive heart. At the same time, miracles and adventures in the story serve as a moral test for the characters and a realm for comprehending higher wisdom, which was characteristic of the depiction of the East.

Keywords: Oriental Story, Style, Fiction, Levshin, Translation, Fairy Tale.

---

1. E-mail: daralzav@gmail.com; https://orcid.org/0000-0002-1783-7080 * Corresponding author

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 157-172
DOI: 10.66224/iarll.25.8
Article No.: 25.81.202502.157172 *Статья научная*

ТВОРЧЕСТВО В. ЛЕВШИНА И ФЕНОМЕН «ВОСТОЧНОЙ ПОВЕСТИ» В КОНТЕКСТЕ РАЗВИТИЯ РУССКОЙ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ПРОЗЫ

Завельская Дарья Александровна[1*]
Доцент, Российский государственный университет им. А.Н. Косыгина
(Технологии. Дизайн. Искусство),
Москва, Россия.

(дата получения: сентябрь 2024 г.; дата принятия: январь 2025 г.)

Аннотация

Исследование посвящено переводной повести «Везири, или Очарованный лавиринф», которую Левшин выпустил с подзаголовком «восточная повесть». Это произведение интересно и в контексте самого жанра, который стал очень популярен в русской литературе второй половины XVIII в., и с точки зрения развития русской художественной прозы эпохи сентиментализма. В существующих исследованиях, посвященных жанру «восточной повести», выделяются три ее типа: 1) морально-этические с религиозной окраской; 2) развлекательные, авантюрно-галантные; 3) просветительские. Однако «Везири» позволяют обнаружить все три аспекта, что существенно для понимания общей направленности художественной литературы того времени и самого представления о восприятии востока в русской литературе. История создания этого перевода не изучена в достаточной мере, чтобы сравнивать произведение Левшина с первоисточником, поэтому стилистика рассматривается именно как характерный пример русской художественной прозы. Важен сам выбор Левшина, известного, в том числе, своими авторскими литературными сказками, опиравшимися на мотивы и образы отечественного фольклора. В «восточной повести» местом действия становится Персия, изображенная не в историческом, а в легендарно-сказочном ключе, как удивительный край чудес, героизма, высоких добродетелей и мистических тайн. Представляется продуктивным рассмотрение в этом произведении концепции «добродетели», чрезвычайно важной и для просветительской литературы эпохи сентиментализма, и для литературной сказки. В этом аспекте можно объяснить повышенную эмоциональность повествования и прямой речи самих героев, поскольку для сентиментализма существенно постижение нравственных принципов через чувствительное сердце. При этом чудеса и приключения в повести становятся своеобразной нравственной проверкой героев, а также сферой постижения высшей мудрости, что было очень характерно для изображения Востока.

Ключевые слова: восточная повесть, стиль, художественная проза, Левшин, перевод, сказка.

---

1. E-mail: daralzav@gmail.com; https://orcid.org/0000-0002-1783-7080 * Ответственный автор

Введение

Василий Алексеевич Левшин (1746–1826) был весьма плодовитым автором, но его произведения широкому читателю сейчас неизвестны, хотя представляют немалый интерес в контексте исследования различных прозаических и драматургических жанров русской литературы, формировавшихся во второй половине XVIII в. Прежде всего стоит упомянуть о его вкладе в русскую литературную сказку, которая развивалась в русле поиска новой прозаической стилистики. В частности, авторы стремились осваивать фольклорные мотивы, народный колорит (Гистер 2009. 128, 130–132). Творение В. А. Левшина «Руския сказки, содержащия древнейшия повествования о славных богатырях, сказки народныя, и прочия оставшиеся чрез пересказывание в памяти приключения» в 10 частях выходило с 1780 по 1783 гг., а в 1779 г. увидела свет первая часть его перевода «восточной повести» Марианн Аньес де Фок «Везири, или Очарованный лавиринф». Повесть издавалась Н. И. Новиковым в Университетской типографии с 1779 по 1780 гг.

Основная часть

Об этом произведении и пойдет речь в дальнейшем. И хотя повесть переводная, задача сопоставления с оригиналом в данном случае не стоит. Интерес представляет сам выбор В. Левшина и его художественные принципы. Ранее эта повесть не рассматривалась отдельно с точки зрения структуры и стиля в контексте становления отечественной прозы, однако сам феномен «восточной повести» как жанра неоднократно становился предметом научного осмысления. Прежде всего, следует отметить большую популярность произведений этого рода в России начиная с 1750-х гг., о чем писала в своей обзорной работе В. Н. Кубачева (Кубачева 1962. 295–297). На эту работу в дальнейшем ссылаются практически все исследователи указанного жанрового

феномена, в том числе затрагивающие типологию повестей. Для русской прозы XVIII в. Кубачева выделяет три основных группы, оговаривая, впрочем, некоторую условность подобного разделения: 1) морально-этические с религиозной окраской; 2) развлекательные, авантюрно-галантные; 3) просветительские (Кубачева 1962. 299). Последний фактор существенно важен для нашего исследования, поскольку творчество В. А. Левшина тесно связано с периодом развития именно просветительской литературы и конкретно – с просветительской деятельностью Н. Новикова (Гистер 2009. 123). Отчасти связь просветительской мысли и французской «восточной» повести определялась традицией, идущей от Вольтера (Кубачева 1962. 298–299). Упомянутые ранее сказки Левшина сам автор также соотносил с просветительской деятельностью, но не только в вольтеровском ключе обобщенного философского размышления с использованием условной сказочной формы. Левшин считал необходимым пристальное внимание к народной «древности», к обычаям и представлениям предков (Левшин 1780. б.с.), при этом в поэтике сказок и сам Левшин, и его современники (Чулков М.Д., Попов М. И.) обращались к реальным фольклорным текстам, чего нельзя сказать о переводе повести французской писательницы, которая воспроизводила фантастический образ Персии как обобщенной далекой «страны чудес», где возможны самые невероятные события. О таком восприятии востока в европейской и русской культуре пишет и Кубачева (Кубачева 1962. 302)

Тем не менее, стоит отметить авторские примечания к тексту перевода, несущие прямую просветительскую функцию:

> «Дагхестан есть древняя Алвания, Ширван имеет гавань на Каспийском море, очень часто посещаемую Россиянами. Главный в ней городок Дервент назывался в древности врата Каспийского моря, Calpiae Portac» (Фок 1780, 2. 20).

> «Антилопа есть прекрасный зверь, тело его тонко, поворотливо, и глаза чрезмерно велики и черны» (Фок 1780, 2. 27).
>
> «Рустем был Полководец Каяхалру или Кира, и очень славный ратник. Сей Ирой владел в Дагестане или Дрангиане по Гречески, и в Цаклетане, по их Арабхозии. Он и предки его жалованы сими землями от Царей Иранских, коим служили с наследною роду своему кроткостию» (Фок 1780, 2. 125).

Таким образом, фантастическая повесть в восприятии самого Левшина становится материалом, позволяющим читателю ознакомиться с историей и географией Востока.

Особо стоит отметить примечания, касающиеся Зороастра (Заратуштры). Левшин старается раскрыть известные на тот момент особенности религиозных представлений о зороастризме:

> «Нецд город в провинция Персиде или по наречию Азиатцов, Персистане. Оный прославился тем, что Зороастр положил там основание своей секте, построить первое свое капище» (Фок 1780, 2. 8).
>
> «Гистасп, коего Греки именуют Дарий, сын Гистаспов, былъ Европейцам известен более отца своего; ибо он столицу Царства своего изъ Хорозани перенес в близлежащую Персиду. Он тем прославился, что принял учение Зороастрово, и подданных своих принудил последовать примеру своему» (Фок 1780, 2. 89).

При этом в самой повести воспроизводится отнюдь не исторический, а фантастический образ Зороастра, в традиции европейской беллетристики и драматургии предстающего как загадочный маг. Достаточно вспомнить Зарастро из «Волшебной флейты» Моцарта, хотя в опере этот персонаж наделен доброй мудростью, тогда как в исследуемом здесь сюжете он

предстает коварным искусителем, врагом истины и разрушителем чистой веры. Далее мы будем именовать его именно Зороастром, чтобы отделить художественную интерпретацию от историко-религиоведческого подхода к фигуре Заратуштры.

В статье современного специалиста по зороастризму и его рецепции в европейской и русской культуре справедливо утверждается: «В Европе же Заратуштра, до научного прочтения носивший имя Зороастра, начиная с эпохи Античности был обычным персонажем нравоучительных сочинений. Представления о великом «маге» опирались на известия античных авторов, далеко не всегда правдоподобные, обрастали легендами и толкованиями, шедшими вослед развитию философской мысли в Европе, постоянно трансформировались в сознании европейцев» (Крюкова 2019. 87). И в этом контексте также упоминается просветительская деятельность Вольтера, который использовал образ Зороастра во множестве своих сочинений, что могло повлиять и на русскую литературу (Крюкова 2019. 87). Наиболее известный случай, который также упоминается в работе Крюковой – аллегорическое уподобление Зороастру Петра Великого в оде Г.Р. Державина «Изображение Фелицы» (1789). Державин в своей оде придерживается положительной оценки великого и мудрого «отца отечества», в чем, вероятно, проявляется традиция соотнесения Зороастра с архетипическим образом восточного мудреца.

Между тем в художественном мире анализируемой здесь повести Зороастр, как было сказано выше, являет собой злонамеренное начало, но для уяснения основных смысловых мотивов, связанных с ним, необходимо уточнить жанровые особенности произведения. Прежде всего, это действительно беллетристика, сочетающая авантюрные и любовные линии. Переплетены они достаточно тесно, при этом ближе к концу 2 части начинают доминировать любовные перипетии, в которых воплощается нравственный выбор героя. И

уже в 3 части действие существенно замедляется за счет ретроспективы – отсылки к истории принятия зороастризма. Предыстория эта должна пролить свет и на душевные метания героев, и на их нравственный выбор, включая стойкость перед искушениями и способность отличать добродетель от зла.

Любопытно, что антагонистом Зороастра в 3 части предстает Рустем – доблестный, мудрый и чистый сердцем, воин и правитель, воплощающий лучшие черты некого «золотого века»: «Вера Персов была столькож чиста в первые времена, как потоки по путям проливающиеся. Они имели мало обрядов, церковный порядок их был прост. Они взирали на лазурное небо, и блистающия светила оное украшающия; они рассматривали землю и море, леса и проливы, ведая, что все чудеса сии сотворены от единого существа безконечныя силы…» (Фок 1780, 3. 54)

В сущности, эта ретроспектива раскрывает сущность тех искушений, которые подстерегали героев и уводили от чистой добродетели. Таким образом, понятие «добродетель» становится ключом к разгадке всех необычных перипетий любовно-приключенческого сюжета, заблуждений и страстей, владевших сердцами. Вероятно, именно такой философски-нравоучительный контекст способствовал выбору Левшина, когда он принял решение создать свой перевод, но также и побудил Новикова опубликовать этот перевод в издании просветительского характера. Кроме того, одной из сюжетно-смысловых линий повести стало управление государством – вопрос в просветительской литературе того периода чрезвычайно важный. Характерным его считают и для самого жанра «восточной повести» XVIII в. (Сайдали, Рахманов 2016. 90).

Таким образом, «восточная повесть» в данном случае не просто сочетает в себе сказочность, авантюрность, любовный сюжет и философские рассуждения, но подчиняет философскому началу остальные смысловые линии. Способом выражения этого смыслового единства становится стиль,

который можно воспринять как многословный и перегруженный. Однако весьма важно, чем именно «перегружено» повествование.

Практически все действия и решения героев разворачиваются в отчетливом эмоциональном наполнении. Приведем несколько характерных примеров:

> «По утишении перваго жара их чувствования удалились они дли тайнаго совещания, из продолжения ласковаго их поведения определял я, что следствие будет для меня благосклонно. Но подозрение начало опять грызть мое сердце, когда они по разделении себя на границах Карецмских в малыя кучки, опять соединились на брегу Геона близ Королевства Туранскаго» (Фок 1780, 2. 51).
>
> «Сердце Сагебово наполнилось чистою радостию, которая объемлет жилище радости, когда приводит во оное нить мудрости и чести» (Фок 1780, 2. 135).
>
> «По сем отворотился он прочь от Сагеба, который оставил дворец с горестию, каковая известна только великодушным и преизящным сердцам, понуренным дерзкой неблагодарностию, в которой нет и того облегчения, хотя бы укорить себя в причине заслужения оныя» (Фок 1780, 3. 13).

Такой принцип повествования и мотивировки можно было бы назвать «эмоциональной рефлексией», которая обнаруживает тесную связь с обозначенным ранее ключевым понятием «добродетели». Любопытно, что герой, даже попадая в весьма затруднительное положение, старается философски осмыслить поведение разбойников:

> «Согласие царствующее между разбойниками, удивляло меня не менее. Я приписывал то основанию, что в воззрении их на самих себя, две сильныя причины к несогласию, честолюбие и своекорыстие, не имели у них места» (Фок 1780, 2. 47).

Добавим, что в повести присутствуют многочисленные примеры «рассказа в рассказе», дающего возможность сочетать событийность с эмоциональной оценкой и саморефлексией героя. Однако речи различных рассказчиков по стилистике не различаются, что важно отметить, как характерную черту прозы того времени. Вновь подчеркнем, что речь идет о переводе, и мы исследуем именно стилистические принципы самого Левшина, вне зависимости от того, какие особенности речевой стилистики были присущи оригиналу. Левшин интуитивно руководствовался тем, чему данная восточная повесть соответствовала в контексте развития русской повествовательной прозы периода раннего сентиментализма, который пока недостаточно изучен с точки зрения нарратологических особенностей.

Таким образом, экспрессивная «избыточность» нарратива повести вполне объясняется философским поиском причин человеческого поведения, отклоняющего его от пути добродетели или возвращающего к ней. Такой принцип исследования человеческого духа отсылает не только к исканиям философов Просвещения, но и к сути сентиментализма, который в период творческой деятельности Левшина активно развивался именно в сфере прозы. Тем интереснее осмыслить эту повествовательную форму для развертывания именно волшебного, сказочного сюжета в книжной литературе.

Один из характерных примеров этически-философского осмысления любовных переживаний демонстрирует именно связь личного чувства и духовного становления одного из героев:

> «Первая обязанность, возлагаемая на меня драгоценною сею доверенностию, ответствовала Ситара, состоит в том, чтоб помогла я тебе возвратиться к добродетели. Какое ни имела бы последство любовь твоя к Цулике, довольно, когда ты вступишь на путь должности, ведущий тебя к Принцессе Цаблестанской, то помышление о начатии праведного дела, распространит мир в чувствах твоих» (Фок 1780, 3. 32).

Собственно, финальное счастье героев после множества испытаний и знаменует собой окончание пути к добродетели. Духовный путь правителя отмечен примерно теми же ценностными характеристиками:

> «Великий дух при повелительном голосе угроз не может быть отвращен от доброго предприятия. Везирь шествовал с ободренным доказательством, что он все делает для доброго общего; или лучше сказать, его вело Провидение, коего советы предопределили Сагеба в довод тому, что когда Государи вообще достойны сожаления, имея при себе злых Министров, то добродетельный и чистосердечный муж достоин оного больше, если заступает у Монарха, коего сердце еще и менее повреждено, толь трудное и опасное место» (Фок 1780, 2. 152).

Таким образом, мы видим в концепции произведения значимость «чистого сердца» для постижения не только нравственных принципов, но и философских основ жизни, к чему и должны привести героев хитросплетения чудесного сюжета. Очень сходно охарактеризована литературная модель повести М. Хераскова «Золотой прут» в работе Каримиан Фаэзех: «…сюжет восточной повести Хераскова выстроен по типичной для просветительской литературы модели путешествия главного героя в поиске истины через череду испытаний и приключений» (Каримиан Фаэзех 2015. 158). Еще интереснее для нас следующее суждение: «Сюжет «Золотого прута» внешне как бы соответствует законам авантюрных повествований. Однако внутренняя содержательная логика противоречит им, поскольку автор актуализирует этическую и философскую оценку поступков персонажей более, чем сами эти поступки, совершенные в экстремальной ситуации» (Каримиан Фаэзех 2015. 158). Именно это мы видим в отмеченной ранее «экспрессивной избыточности», наделении практически любого поступка или намерения

эмоциональной оценкой. Причем связь чувствительности и добродетели в произведениях Хераскова была достаточно давно обозначена именно как признак сентиментализма (Кочеткова Н. Д. 1980. 729). Самого Левшина некоторые исследователи достаточно уверенно причисляют к представителям раннего сентиментализма (Присенко 1990. 20) и даже – к «прямым предшественникам» Н. М. Карамзина (Присенко 1990. 35).

Учитывая, что «Золотой прут» был издан Новиковым в 1782 г., т.е. двумя годами позже, чем «Везири или Очарованный лавиринф», вполне можно предположить влияние Левшина на Хераскова. И также было бы важно сопоставить перевод Левшина с его «Богатырскими сказками». Тем более, в продолжение сказок Левшин публикует «Вечерние часы или Древние сказания славян древлянских», в структуре которых угадывается влияние «Тысячи и одной ночи» (Присенко 1990. 31). Так что сама связь его авторских произведений, в частности – сказок, с повествовательными принципами ориенталистской прозы не подлежит сомнению. Однако непосредственная связь жанра литературной сказки с развитием русского сентиментализма еще не рассматривалась с достаточной полнотой.

Интересно в этом отношении и другое замечание из современной статьи, касающейся жанра «восточной повести» и критикующее одну из характеристик Кубачевой: «нам представляется спорной вторая часть предложенной дефиниции: непонятно, какую «религиозную окраску» имела в виду исследовательница. Тексты насыщены аллегорическими образами, но все они далеки и от языческой, и от христианской мифологии, а сфокусированы вокруг символических универсалий, олицетворяющих нравственные категории» (Шелемова, Каримиан Фаэзех 2013.10). В той же работе приведены примеры, демонстрирующие, как философско-этические проблемы раскрываются в мистическом («Видение Мирзы») и любовном («Благодеяние») сюжетах (Шелемова, Каримиан Фаэзех 2013. 11−13). Любопытно, что оба произведения

представляют собой, скорее всего, не переводы, но подражание переводам «восточных повестей» с французского.

По мнению Кубачевой, сам жанр «восточной повести» в большей степени соответствовал философско-рационалистическим тенденциям классицизма и оказался непригодным для задач сентиментализма (Кубачева 1962. 314–315), но в случае перевода Левшина мы наблюдаем как раз использование нового сентименталистского типа повествования, в котором чувствительное сердце становится неким «компасом» на пути обретения добродетели и правды среди невероятных событий. В 1 части Сагеб именно по силе чувств узнает благородную сущность царевича: «Имя незнакомого было Сагеб, которое то же значит, что друг; его врожденное доброхотство учинило во всех тварях звания сего достойным, и разум его нашел вскоре, что Церир имеет особливое право в намерениях им заключаемых. Он ведал, что чрезмерные страсти суть знак души возвышенныя и семя всяких добрых свойств; он из братской любви Церира замечал, коль удобна душа сего Царевича к благородным склонностям» (Фок 1779. 46).

Приведем и фрагмент из 3 части, иллюстрирующий некий нравственный итог исканий героев: «Оба великие Монарха Азии, не могли взирать на сие жилище, не имея в том утешения. Их раззолоченные дворцы, их приятные гульбища, не столь привлекали в себя взоры их, как сия соломой покрытая хижина, и сия дикая роща: ибо желание, следственно и истинная нужда толь крепко сообщены с недостатком, что не возможно изобилию, одну отменить, и другое удержать» (Фок 1780, 3. 96). Нечто сходное с точки зрения повествовательной формы можно увидеть и в характеристике Рустема, который, как сказано ранее, представлен в повести мудрым и чистым душой антагонистом коварного Зороастра: «Между тем Рустем в своей старости увеселялся воспоминанием прежних дел своих, и вкушал благоденствие, которое небо обещает и дает всем, кои

поспешествовали отечественному благу благодетельными подвигами в своей юности» (Фок 1780, 3. 65).

Заключение

Во всех приведенных примерах совершенно ясно прослеживается сентименталистская философия «естественности», а мерилом правды становится непосредственная эмоциональная реакция знатных людей на природу и бедную хижину. Очевидно также, что душевное состояние добродетельного правителя становится аргументом верно выбранного пути, тогда как стилистика авторского повествования акцентирует подобные состояния как этапы этого жизненного «странствия».

Такое слияние в одном повествовании мистицизма, этики, приключений, возвышенных любовных историй, философии и государственной мысли во многом объяснялось представлением о Востоке: с одной стороны, полном экзотических чудес, с другой – хранящем древнюю мудрость.

Все отмеченные здесь особенности произведения могут послужить расширению и углублению оценки тенденций, характеризующих развитие русской прозы в период сентиментализма, а также прояснить многообразие жанра «восточной повести» и роль его в трансформации повествовательных форм, в том числе литературной сказки, выполнявшей и просветительскую, и эстетически-развлекательную задачу.

Литературы

1- Гистер М.А. (2009). *Сказитель-просветитель: былинная традиция в «Русских сказках» В. А. Левшина //* Вестник РГГУ. Серия: Литературоведение. Языкознание. Культурология. № 9. С. 122–137.

2- Каримиан Фаэзех (2015). *Ориентальные мотивы в восточной повести «Золотой прут» М. М. Хераскова //* Дискуссия. № 1 (53). С. 157–160.

3- Кочеткова Н.Д. (1980). *Сентиментализм. Карамзин // История русской литературы: В 4 т.* Т. 1. Л.: Наука. Ленингр. отд., 1980–1983. С. 726–764.

4- Крюкова В.Ю. (2019). *Образ древнеиранского пророка Заратуштры в русской поэзии* // *Русский ориентализм (наука, искусство, коллекции)*. СПб.: МАЭ РАН. С. 87–101.

5- Кубачева В.Н. (1962). *«Восточная» повесть в русской литературе XVIII – начала XIX века* // XVIII век. *Сб. 5*. М.–Л.: АН СССР. С. 295–315.

6- Левшин В.А. (1780). *Руския сказки, содержащия древнейшия повествования о славных богатырях, сказки народныя, и прочия оставшиеся чрез пересказывание в памяти приключения*. Ч. 1. М.: Унив. тип. [у Н. Новикова].

7- Присенко Г.П. (1990*) Просветитель В.А. Левшин.* Тула: Приокское книжное издательство.

8- Сайдали И.М., Рахманов Б.Р. (2016). *Мотивы милости и правосудия в «восточных» повестях Ф. В. Булгарина // Вестник Тюменского государственного университета. Гуманитарные исследования. Humanitates*. Том 2. № 4. С. 87–99.

9- Шелемова А.О., Каримиан Фаэзех (2013). *Восточные сюжеты в русской журнальной прозе второй половины XVIII века: тексты, жанровая специфика, идейные приоритеты* // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика. № 3. С. 9–17.

10- Фок Марианн Аньес де (1779–1880). *Везири или Очарованный лавиринф: Повесть восточная /* Переведена Васильем Левшиным. Ч. 1–3. М.: Унив. тип. [у Н. Новикова].

Bibliography

1- Gister M.A. (2009). *Skazitel'-prosvetitel': bylinnaia traditsiia v «Russkikh skazkakh» V. A. Levshina* // Vestnik RGGU. Seriia: Literaturovedenie. Iazykoznanie. Kul'turologiia. № 9. S. 122–137.

2- Karimian Faezekh (2015). *Oriental'nye motivy v vostochnoi povesti «Zolotoi prut» M. M. Kheraskova* // Diskussiia. № 1 (53). S. 157–160.

3- Kochetkova N.D. (1980). *Sentimentalizm. Karamzin // Istoriia russkoi literatury: V 4 t*. T. 1. L.: Nauka. Leningr. otd., 1980–1983. S. 726–764.

4- Kriukova V.Iu. (2019). *Obraz drevneiranskogo proroka Zaratushtry v russkoi poezii // Russkii orientalizm (nauka, iskusstvo, kollektsii)*. SPb.: MAE RAN. S. 87–101.

5- Kubacheva V.N. (1962). *«Vostochnaia» povest' v russkoi literature XVIII – nachala XIX veka* // XVIII vek. Sb. 5. M.–L.: AN SSSR. C. 295–315.

6- Levshin V.A. (1780). *Ruskiia skazki, soderzhashchiia drevneishiia povestvovaniia o slavnykh bogatyriakh, skazki narodnyia, i prochiia ostavshiesia chrez pereskazyvanie v pamiati prikliucheniia.* Ch. 1. M.: Univ. tip. [u N. Novikova].

7- Prisenko G.P. (1990) *Prosvetitel' V.A. Levshin*. Tula: Priokskoe knizhnoe izdatel'stvo.

8- Saidali I.M., Rakhmanov B.R. (2016). *Motivy milosti i pravosudiia v «vostochnykh» povestiakh F. V. Bulgarina* // Vestnik Tiumenskogo gosudarstvennogo universiteta. Gumanitarnye issledovaniia. Humanitates. Tom 2. № 4. S. 87–99.

9- Shelemova A.O., Karimian Faezekh (2013). *Vostochnye siuzhety v russkoi zhurnal'noi proze vtoroi poloviny XVIII veka: teksty, zhanrovaia spetsifika, ideinye prioritety* // Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriia: Literaturovedenie, zhurnalistika. № 3. S. 9–17.

10- Fok Mariann An'es de (1779–1880). *Veziri ili Ocharovannyi lavirinf: Povest' vostochnaia* / Perevedena Vasil'em Levshinym. Ch. 1–3. M.: Univ. tip. [u N. Novikova].

HOW TO CITE THIS ARTICLE
Zavelskaya Darya Alexandrovna (2025). LEVSHIN'S WORK AND THE PHENOMENON OF THE "ORIENTAL STORY" IN THE CONTEXT OF THE DEVELOPMENT OF RUSSIAN FICTION. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, 13*(1), 157-172.
DOI: 10.66224/iarll.25.8
URL: https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/342

آثار و. لیوشین و پدیدهٔ «داستان بلند شرقی» در زمینهٔ توسعه نثر ادبی روسی

داریا آلکساندرونا زاولسکایا[1]*

دانشیار، دانشگاه دولتی آ.ن. کاسیگین روسیه (فناوری‌ها، طراحی و هنر)

مسکو، روسیه.

(تاریخ دریافت: سپتامبر ۲۰۲٤؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۵)

چکیده

این پژوهش به داستان ترجمه شدهٔ «وزیری، یا هزارتوی افسون شده» اختصاص دارد که لیوشین آن را با زیرعنوان «پووست شرقی» منتشر کرد. این اثر هم از نظر ژانر، که در ادبیات روسی نیمهٔ دوم سدهٔ هجدهم بسیار محبوب شد، و هم از دیدگاه توسعهٔ نثر ادبی روسی در دورهٔ سنتی‌منتالیسم جالب توجه است. در تحقیقات موجود دربارهٔ ژانر «داستان بلند شرقی»، سه نوع آن مشخص شده است: ۱) اخلاقی – رفتاری با رنگ و بوی مذهبی؛ ۲) سرگرم‌کننده و ماجراجویانه – عاشقانه؛ ۳) روشنگرانه. با این حال، «وزیری» هر سه جنبه را نشان می‌دهد که برای درک گرایش کلی ادبیات آن زمان و خود تصور از درک شرق در ادبیات روسی مهم است. تاریخچهٔ ایجاد این ترجمه به اندازه کافی مطالعه نشده تا بتوان اثر لیوشین را با منبع اصلی مقایسه کرد، بنابراین سبک‌شناسی دقیقاً به عنوان نمونه‌ای شاخص از نثر ادبی روسی در نظر گرفته می‌شود. انتخاب لیوشین، که از جمله به خاطر قصه‌های ادبی اصیل خود که بر موتیف‌ها و تصاویر فولکلور ملی تکیه داشت، مهم است. در این «داستان بلند شرقی»، محل وقوع داستان ایران است که نه به شکل تاریخی، بلکه به صورت افسانه‌ای – قصه‌وار، به عنوان سرزمین شگفت‌انگیز معجزات، قهرمانی، فضیلت‌های والا و رازهای عرفانی تصویر شده است. بررسی مفهوم «فضیلت» در این اثر، که هم برای ادبیات روشنگری دورهٔ سنتی‌منتالیسم و هم برای قصه‌های ادبی بسیار مهم است، مفید به نظر می‌رسد. از این جنبه می‌توان احساسات شدید روایت و گفتار مستقیم خود شخصیت‌ها را توضیح داد، زیرا برای سنتی‌منتالیسم، درک اصول اخلاقی از طریق قلب حساس ضروری است. در عین حال، معجزات و ماجراجویی‌ها در داستان به نوعی آزمون اخلاقی منحصربه‌فرد قهرمانان تبدیل می‌شوند و همچنین حوزه‌ای برای درک خرد متعالی می‌شوند که برای تصویر شرق بسیار رایج بود.

واژگان کلیدی: داستان بلند شرقی، سبک، نثر ادبی، لیوشین، ترجمه، قصه.

---

* نویسنده مسئول

1. E-mail: daralzav@gmail.com; https://orcid.org/0000-0002-1783-7080

نوع مقاله: علمی– پژوهشی

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 173-191
DOI: 10.66224/iarll.25.9
Article No.: 25.92.202502.173191 *Scientific Article*

THE INTERCULTURAL FEATURES OF THE ADDRESSING OF FOLK LULLABIES (based on Russian and Persian languages)

Sadeghi Sahlabad Zeinab[1*]
Associate Professor, Department of Russian Language,
Faculty of Literature, Alzahra University,
Tehran, Iran

Komleva Elena Valerievna[2]
Associate Professor, Orenburg State Pedagogical University,
Orenburg, Russia

(date of receiving: August, 2024; date of acceptance: December, 2024)

Abstract

The article is devoted to the study of the representation of the immanent category of addressability in the texts of folk Russian and Iranian lullabies. The relevance of this study is determined by the need to preserve lullabies through their study and detailed description as part of the cultural heritage. What unites the analyzed lullabies is their address to the child in order to influence him, to calm him down, put him to sleep, create a cozy and safe atmosphere, and strengthen the psychological connection between mother and child. In addition to signs of belonging to different cultures, lullabies also reveal intercultural characteristics, manifested in their intended use not only for the child himself. The range of addressees of the folk lullaby song was expanded to include not only the child, but also supernatural phenomena, the existence of which was believed, from which they tried to protect the child through the text of the lullaby, which sounds like a spell. The text of the lullaby also shows signs of self-addressing, when a mother, left alone with her child for a long time, uses the performance of the lullaby as an opportunity to express her worries and worries, thus getting rid of them.

Keywords: The Category of Addressability, The Lullaby Song, The Speech Influence, The Addressee, The Addresser.

---

1. E-mail: z.sadeghi@alzahra.ac.ir: https://orcid.org/0000-0002-7031-0763

* Corresponding author

2. E-mail: elena.v.komleva@gmail.com; https://orcid.org/0009-0001-4290-9293; 57219025316

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 173-191
DOI: 10.66224/iarll.25.9
Article No.: 25.92.202502.173191 *Статья научная*

МЕЖКУЛЬТУРНЫЕ ОСОБЕННОСТИ АДРЕСОВАННОСТИ ФОЛЬКЛОРНЫХ КОЛЫБЕЛЬНЫХ ПЕСЕН (на материале русского и персидского языков)

Садеги Сахлабад Зейнаб[1*]
доцент, кафедра русского языка,
Факультет литературы, Университет Альзахра,
Тегеран, Иран

Комлева Елена Валерьевна[2]
доцент, Оренбургский государственный педагогический университет,
Оренбург, Россия

(дата получения: август 2024 г.; дата принятия: декабрь 2024 г.)

Аннотация

Статья посвящена изучению репрезентации имманентной категории адресованности в текстах фольклорных русских и иранских колыбельных песен. Актуальность данного исследования определяется необходимостью сохранения колыбельных песен через их изучение и детальное описание как части культурного наследия. Объединяет анализируемые колыбельные песни их адресованность ребенку с целью воздействия на него, для успокоения, усыпления, создания уютной и безопасной атмосферы, укрепления психологической связи между матерью и ребенком. Колыбельные песни помимо признаков принадлежности к разным культурам, обнаруживают и межкультурные особенности, проявляющиеся в их предназначенности не только самому ребенку. Круг адресатов фольклорной колыбельной песни расширен включением в него помимо ребенка сверхъестественных явлений, в существование которых верили, от которых старались уберечь дитя через текст колыбельной, звучащий как заклинание. Текст колыбельной песни обнаруживает и признаки автоадресованности, когда мать, оставшись на длительное время одна с ребенком, использует исполнение колыбельной как возможность высказать свои тревоги и заботы, избавляясь таким образом от них.

Ключевые слова: категория адресованности, колыбельная песня, речевое воздействие, адресат, адресант.

---

1. E-mail: z.sadeghi@alzahra.ac.ir: https://orcid.org/0000-0002-7031-0763

* Ответственный автор

2. E-mail: elena.v.komleva@gmail.com; https://orcid.org/0009-0001-4290-9293; 57219025316

Введение

Данная статья посвящена изучению языковой репрезентации имманентной категории адресованности в текстах фольклорных колыбельных песен. Колыбельные песни как фольклорный жанр находились в фокусе изучения различных научных исследователей (Куприянова 2022; Головин 2000; Мартынова 1974; Хафизова 1999; Чистов 1960). Новым в нашем исследовании является сопоставительный анализ реализации категории адресованности в текстах иранских и российских колыбельных песен. Адресованность наряду с такими текстовыми категориями как ситуативность, когезия, когерентность, интертекстуальность, информативность является имманентной текстовой категорией. Адресованность понимается как один из критериев текстуальности, постоянная текстовая категория, без которой не обходится ни один текст (Гончарова 2005.18). С помощью категории адресованности через специальные маркеры в тексте регулируется читательское восприятие (там же). Текст колыбельной песни адресован, главным образом, ребенку, который через содержание текста знакомится с окружающим миром. Ребенок остается главным антропоцентром колыбельной песни, несмотря на продолжающейся генезис этого песенного жанра: сюжеты колыбельных песен приобретают авторство, становятся основой сценариев мультипликационных фильмов для детей, приобретают художественные образы, основанные на различных метафорических переносах, что, безусловно, вызвано требованием времени, развитием средств массовой информации, компьютерных технологий. Нас интересуют, в первую очередь, иранские и русские колыбельные песни, принадлежащие фольклору, запечатлевающие народные истории и традиции. В этой связи нельзя не отметить работу, принадлежащую В. А. Жуковскому, положившему начало изучению колыбельных песен на исследовательском материале, привезенном им из Персии и опубликованном в 1889 г. (Жуковский 1889).

Колыбельные песни исполняются в России и Иране у колыбели с младенцем во время его укачивания. Мотив напева, как правило, однообразный, не отличающийся вокальными всплесками. Колыбельная напевается до тех пор, пока ребенок не заснет. По тематическому принципу в обеих языковых культурах выделяются импровизационные и традиционные колыбельные песни. Наличие двух тематических типов колыбельных обусловлено разными векторами их адресованности. Целью данной статьи является изучение особенностей реализации категории адресованности в указанных типах колыбельных песен. Несмотря на то, что тексты колыбельных песен создаются для ребенка, и, как следствие, должны иметь единичного адресата – ребенка, анализируемый нами аутентичный текстовый материал позволяет говорить о расщеплении вектора адресованности в зависимости от усложнения сюжета колыбельной песни.

Тексты традиционных колыбельных песен, передающиеся как фольклорное наследие из поколения в поколение, рассказывают об обстановке, окружающей ребенка, родственниках, знакомя, таким образом, ребенка, как основного адресата, с окружающим его миром. Тексты импровизационные содержат богатый для исследования материал, рассказывающий о быте самой матери, о ее психологическом состоянии, о повседневных заботах (Комлева 2003). Независимо от принадлежности текстов колыбельных к первому или второму типу, их исследование невозможно без обращения к общему культурному контексту, который определяет дискурсивные особенности данных текстов.

Основная часть

Обе разновидности колыбельных песен, присутствующие в фольклорных речевых континуумах Ирана и России, отражают общие темы заботы о детях, надежды на их лучшее будущее. Адресантом колыбельной песни является

мать ребенка, которая в текстах колыбельных песен раскрывает, помимо материнства, и иные стороны своей жизни, а именно выступает как жена, хозяйка. Колыбельные сопровождаются мягкой монотонной мелодией. Российская и Иранская культуры ценят колыбельные песни как часть культурного наследия, в котором запечатлены описания природы, ее красоты и гармонии, что отражает стремление матери создать для своего ребенка безопасное и уютное окружение в родном краю. В текстах колыбельных прослеживаются мотивы религиозной веры и надежды на защиту высших сил, которые передаются ребенку через текст колыбельной песни. Приведем пример иранской колыбельной, подтверждающий это утверждение:

«Баю, баю, баю колыбельная,
Пусть Мула держит тебя!
Баю баю, пусть Бог тебе в помощь!
Пусть Посланник Аллаха защитит тебя!
Пусть бережет твою голову и душу!» (Мохаджери 2012. 23).

Исследовательский материал показывает, что тема защиты ребенка с помощью религиозной веры чрезвычайно распространена в иранских колыбельных песнях:

«Баю-баю, Азизуллах,
Ручка в руке, иди к мулле.
Прочти буклет слова Аллаха.
Храни тебя Аллах!» (Мохаджери 2012. 22).

На материале русского языка мы обнаруживаем также многочисленные примеры колыбельных песен, в которых упоминается Создатель как защитник и самый важный учитель

«Нынче Господу молись,
Уму-разуму учись,
Баюшки, баю.

В церковь Божию ходи
И со всеми мир веди,
Баюшки, баю» (Колыбельное богословие).

Прямая обращенность к ребенку по имени присуща иранским и российским текста колыбельных песен. Обращенность при этом всегда ласковая, например, «милое дитя», «Сережа», о чем свидетельствует отрывок из следующего текста:

«Спи-ко милое дитя,
Да укачаю я тебя, -
Сережа выспится,
Не капризница…» (Куприянова 2022. 99)

Прямая обращенность к ребенку в текстах иранских и русских колыбельных песен часто осуществляется не только через называние имени ребенка, но и через метафорические наименования, адресованные ему. Мать в текстах иранских колыбельных обычно обращается к малышу как к драгоценному сокровищу, дару от Бога, сравнивая при этом ребенка с цветком. Приведем в качестве примера отрывок персидской колыбельной песни, перевод которой сделан В. А. Жуковским:

«Баю-баю ты будешь моим цветком.
О Господи, да останешься ты всегда!
Бай-баю цветок «насрани»
О господи, да останешься ты в живых!..» (Жуковский 1889. 14)

В следующих ниже примерах из иранских колыбельных песен прямое обращение к ребенку также имеет метафорическое сравнение с цветами тюльпана и тмина:

«Баю-баю, цветок тюльпана,
Моё сердце радуется твоей любви,
О Господи, да останешься жив ты всегда!
Останешься десять лет, останешься сто лет!» (Мохаджери 2012. 22).

«Баю-бай, баю-бай, цветок тмина,
Почему ты не спишь?» (Мохаджери 2012. 25).

Русские колыбельные песни показывают традицию метафорического наименования ребенка при обращении матери к нему. Например, ребенок сравнивается со свечой, которая, как известно, является символом жизни и веры, но прямая обращенность к ребенку по имени при этом сохраняется:

«Спи-ко Юлечка моя,
Качает бабушка тебя.
У меня Юлечка-то спит,
Словно свечка горит» (Куприянова 2022. 59).

Прямая обращенность к ребенку через метафорическое обращение является обшей характеристикой русских и иранских колыбельных песен. Хотя можно отметить, более частотное называние в русских колыбельных песнях ребенка по имени, что реже встречается в иранских текстах колыбельных песен.

Как в иранских колыбельных песнях, так и в русских, часто развивается тема защиты и заботы о ребенке с помощью сверхъестественных сил. Э. С. Литвин справедливо указывает в этой связи на тексты русских колыбельных, персонажами которых являются Сон, Дрема, Угомон. Мать

через песню призывает их прийти к ребенку (Литвин 1972). Образам фантастических сверхъестественных существ придаются конкретно-реалистичные формы, что, по всей видимости, связано с картиной мира самой матери, с бинарностью представления мира, в котором существует деление на мир этот и тот, мир иной, сверхъестественный. Мать, нуждающаяся в помощнике, ищет его в ином мироизмерении, призывая прийти ей помощь. В тексте появляются и персонажи, которых не видела сама мать, но она, как простой человек с бинарным мировоззрением, верит в их существование и обращается к ним через текст своей песни, призывает их к своему младенцу. Такими персонажами, помимо уже названных выше (Сон, Дрема, Угомон), являются кот, собака, бабай, бадяй. Приведем пример из русской колыбельной песни, в которой содержится прямая обращенность к фантастическому персонажу, к которому автор песни обращается по-разному («Котенька-коток», «серенький лобок», «котя»):

«Котенька-коток,
Ой ты, серенький лобок,
Поди, котя, ночевать,
У нас Васеньку качать» (Куприянова 2022. 59).

В персидских колыбельных также на помощь матери приглашаются животные и птицы для укачивания ребенка:

«Ну же, куропатка, попой за домом,
Да унесет сынка моего спокойный сон…» (Жуковский 1889. 20)

Не только к птицам и животным, но и к явлениям природы обращается мать за помощью укачать ребенка. При этом наименования природы получают обращение в виде нейтрального наименование «ветер» и ласкового олицетворенного наименования «ветерочек»:

«Ветер, ветер, ты могуч,
Ты гоняешь стати туч.
Ветерочек подувай,
Мне сына укачай» (Куприянова 2022. 99).

Исследовательский материал на персидском и русском языках дает отчетливое представление о том, что мать использует исполнение колыбельной как защиту младенца от злых сверхъестественных сил. Следующие ниже примеры представляют исследовательских интерес тем, что указывают на иного адресата – злую сверхъестественную силу, от которой мать стремиться защитить ребенка, обращаясь к ней через текст колыбельной песни. Так, одним из представителей такой силы является котонай, с которым мать общается с помощью колыбельной песни:

«Да не ходи к нам, котонай.
Баю-бай, баю-бай,
Да нашу Дашу не пугай.
Приди, котя, вечерком
Да напоит Даша чайком…» (Куприянова 2022. 103)

К числу изгоняемых персонажей колыбельных, обозначаемых прямым обращением помимо кота, котоная, относится бука:

«Ходит бука по сараю,
Говорит, что я Сашу напугаю.
Не ходите, буки, к нам,
Я вам Саши не отдам…» (Куприянова 2022. 105).

Обращение матери к сверхъестественным силам с целью защиты собственного дитя свидетельствует о вере матери в то, что она может

выступить своеобразным коммуникативным посредническим каналом между сверхъестественными силами и младенцем. При этом сам младенец обозначается третьим лицом единственного числа, что меняет ракурс адресованности: песня для младенца становится песней о младенце, в которой он – предмет коммуникации, организованной матерью. В подобных колыбельных мать переносит ребенка из мира реального в мир сверхъестественный. В этом мире она наделяет себя ролью оберега, способного защитить свое дитя от любого внешнего воздействия. Приведем в качестве примера отрывок из текста колыбельной в переводе В. А. Жуковского:

> «Уходи бирюк… уходи бирюк полевой.
>
> Ты от сынка моего чего хочешь?
>
> Ведь сынок мой имеет отца,
>
> Слово муллы имеет на голове,

Слово муллы имеет на груди…» (Жуковский 1889. 17). Отметим, что принимая переводы В. А. Жуковского как ценный материал для сопоставительного анализа, в оригинальном тексте колыбельной песни вместо «Слово муллы» содержится «Слово Аллаха».

Интересным является тот факт, что в качестве злых, изгоняемых из жизни ребенка персонажей текстов колыбельных, помимо сверхъестественных существ, встречаются и живущие в реальном мире. Сюда относятся кот, котонай, попугай, бука, бегемот, собака и другие. Аналогичные примеры прямой адресованности к реальным и сверхъестественным существам мы находим в текстах персидских колыбельных песен. В примере ниже в качестве существа, от которого надо защитить дитя упоминается собака как животное из реального мира:

«Баю-бай, баю-бай, цветок орегано,
Собака подошла к двери,
Я прогнал собаку…» (Мохаджери 2012. 77).

Несмотря на единообразие сюжета традиционной фольклорной колыбельной песни, в котором описываются явления природы, окружающие предметы, рассказывается о родственниках, исследователи колыбельных давно подметили тенденцию усложнения сюжета колыбельной песни, что проявляется в отражении в тексте жизни самой матери (Ветухов 1892). Такие песни относятся уже не к детскому фольклору, а являются «лирикой материнства» (Ветухов 1892). Для простой женщины, вскармливающей ребенка, занимающейся физическим трудом, домашним хозяйством, имеющей большую семью, в которой есть старики и другие дети, исполнение колыбельной песни также является временем для короткого отдыха, а текст колыбельной – возможностью рассказать о собственных чувствах, заботах, мечтах о лучшем будущем для своего младенца. В этой связи интересна точка зрения Г. Виноградова, называющего колыбельные песни особым жанром материнской поэзии (Виноградов 1926). Приведем пример из русской колыбельной песни:

«Спи-ко, дитятко, покрепче,
С тобой некому водиться:
Нету няньки нанятой,
Да нету баушки одной….
В няньки я к тебе звала
Ветра, солнце и орла» (Куприянова 2022. 99)

В анализируемом отрывке прямая обращенность к ребенку «дитятко», как к милому беззаботному существу, контрастирует с тяжелой жизнью самой

мамы, которой некому помочь, т.к. нет «няньки нанятой» и «баушки одной», из-за чего в помощники призывались ветер, солнце и орел.

Автореферентность как самовоспроизведение матерью самой себя, своего образа жизни в тексте колыбельной не выдвинута на первый план повествования. Основное содержание подчинено описанию окружающего мира, нового и неизведанного для ребенка. В песенное повествование матери входят животные, живущие рядом (кошка, птицы: голуби, воробей, маленький бычок). Мать создает милый ребенку, безобидный образ внешней картины мира, но постепенно сюжет усложнятся, т.к. в нем отражается непростой внутренний мир матери. Лирика материнства в колыбельной песни возникает, так или иначе, на основе традиционной колыбельной песни через осложнение ее содержания, расширение сюжетной линии текста. Сюжет песни часто усложняется тем, что мать, рассказывая о своем внутреннем мире, адресует свой рассказ не ребенку или не только ребенку, но себе самой, так как ребенок в силу еще ограниченных познавательных возможностей не может воспринять смысл ее слов, он реагирует на звук голоса матери.

Лирика материнства свойственна и иранским колыбельным. Светлые и мрачные стороны жизни матери-персиянки также проявляются в текстах ее импровизационных колыбельных песен, с помощью которых мать раскрывает свою душу. Подобные откровения также обладают признаками автоадресованности, поскольку лишены адресата, у которого они могут вызвать рефлексию. Ребенок в силу ограниченных когнитивных возможностей может реагировать только на родной голос матери, важный для ощущения ее близости. Приведем пример из персидской колыбельной песни:

«Усни, сын мой, твой дядя пришел в дом

<…>

Да унесет тебя хороший сон, чтобы я пошла за водой.

Пока я приду и принесу воды, ты спи.

Да унесет тебя хороший сон, чтобы я пошла за дровами.

Я принесу дров-желудей и колючки гина.

<…>

Усни. Сын мой, стадо пришло на дойку.

Баюшки, дорогой мой, дорогой мой,

Усни, сынок мой, я встану просею муку…» (Жуковский 1889. 17)

Подобные импровизированные колыбельные песни, адресованные, на первый взгляд, ребенку, адресованы самой матери. Автоадресованность имеет для нее особое значение. Отсутствие близкого человека в качестве собеседника, с которым можно поделиться деталями своей жизни, необходимость иметь свое личное речевое пространство, не бояться быть неправильно понятой, возможность высказать свои эмоции, чтобы с ними легче справиться, еще раз пережить положительные впечатления, услышать детали своей жизни, пусть даже от самой себя, важны для мировосприятия женщины. В автоадресованных текстах персидских колыбельных затрагиваются и более сложные личные переживания, вызванные разлукой с мужем, что передается через метафорические образы любимого человека, сравниваемого с розой. Приведем в качестве примеров отрывки иранских колыбельных песен:

«Роза ушла из рук, остался шип.

Осталось мне много горести и муки.

Остался у меня на руках грудной ребенок.

Все это осталось на память о друге» (Жуковский 1889. 30)

«Баю-баю, баю-бай, мой цветок райский,

Баю-баю, баю-бай, ты был моей судьбой,

Я написала письмо твоему отцу,
Я положила цветок от твоего имени в страницы письма»
(Мохаджери 2012. 68).

Помимо общих межкультурных характеристик адресованности к ребенку в иранских и русских колыбельных нельзя не упомянуть о том, что исследуемые тексты обнаруживают и уникальные этнические особенности, отражающие культурные и исторические контексты каждой страны, о чем свидетельствуют яркие примеры:

«Баю-баюшки-баю,
Живет барин на краю, –
Полна горенка ребят
Все в окошечки гладят,
Кашу масляну едят… (Куприянова 2022. 94).

В данном фрагменте прослеживается указание на сословные российские реалии того времени – зажиточная жизнь в барском многодетном доме, где для каждого ребенка есть каша с маслом, на что не могли не обратить внимание простые крестьянские женщины. О простом быте иранской женщины свидетельствует и отрывок из текста колыбельной, уже рассмотренный выше. В этом отрывке рассказывается о быте простой женщины-матери. Ей нужно принести воды, сходить за дровами, набрать дров-желудей и колючки гина, подоить корову, просеять муку (Жуковский 1889. 17).

Заключение

Завершая рассмотрение круга вопросов, связанных с межкультурными особенностями языковой репрезентации категории адресованности в текстах иранских и русских колыбельных песен, можно сделать ряд выводов. Понимая

адресованность как один из имманентных признаков текстуальности, с помощью которого регулируется читательское восприятие, обозначается предназначенность текста определенному адресату, следует отметить главную адресованность текстов иранских и русских колыбельных песен ребенку. Содержание текстов колыбельных обнаруживает и общую тематику – погружение ребенка в реальный мир, его религиозное воспитание. Исполнение колыбельной песни, осуществляемое, в первую очередь, матерью, уплотняет психологическую связь матери и ребенка. Тексты колыбельных песен в иранском и русском речевых континуумах создаются для ребенка, являющегося главным адресатом. Однако персидский и русский исследовательский материал дает отчетливое представление о расщеплении вектора адресованности текстов колыбельных песен и появлении иных адресатов.

Наличие разных адресатов в русских и персидских текстах колыбельных песнях, обусловлено тремя разновидностями их содержания. Данные разновидности позволяют выявить три типа колыбельных песен. Первый тип можно обозначить как традиционные колыбельные, рассказывающие об окружающем реальном мире, предназначенные ребенку как основному адресату. Ребенок при этом обозначается прямым обращением по имени или приобретает ласковое метафорическое наименование. Второй тип текстов колыбельных песен отличается импровизационным характером, повествует о жизни матери, ее заботах и переживаниях, не всегда напрямую связанных с материнством. Такие тексты адресованы самой матери – исполнительнице колыбельной. Вербализация собственных переживаний позволяет ей взглянуть на них со стороны, отторгнуть их от себя, сделать отчужденными, уменьшить собственное причастие к ним.

Третий тип колыбельных песен, также отличающийся импровизированным характером, адресован явлениям природы, животным, птицам, добрым и злым,

реальным и сверхъестественным существам. При этом добрых существ мать просит о помощи, а от злых существ пытается уберечь ребенка, обращаясь к ним в текстах своих песен. Мать умоляет злых существ пощадить ребенка, запугивает их тем, что у ребенка есть сильный отец и другие родственники. Важно, что все выявленные разновидности адресатов: сам ребенок, животный мир, явления природы, сверхъестественные существа, автоадресованность матери к себе самой, присутствуют в иранских и русских колыбельных песнях, объединяя их как межкультурные соответствия. Несмотря на наличие межкультурных соответствий, тексты колыбельных песен содержат и этнокультурные особенности, высвечивающие традиции, обычаи, исторический уклад каждого народа.

Литература

1- Ветухов А. В. (1892). *Народные колыбельные песни* // *Этнографическое обозрение*. М.: Изд-во Скоропеч А.А. № 1. С. 131-164.

2- Виноградов Г.С. (1926) *Народная педагогика (Отрывки и на броски*). – Иркутск: Вост.– Сиб. отделение Русского географического общества. 30 с.

3- Джавид Х. (2004). *Дущевные звуки* // *Сборник иранских колыбельных*. Тегеран: Сурее Мехр. 142 с.

4- Головин В.В. (2000). *Русская колыбельная песня в фольклоре и литературе.* Турку: Åbo Akademi University Press. 451 с.

5- Гончарова Е. А. (2005). *Интерпретация текста.* М.: Высшая школа. 368 с.

6- Жуковский В. А. (1889) *Колыбельные песни и причитания оседлого и кочевого населения Персии* // ЖМНП. № 16. 34 с.

7- Комлева Е. В. (2024) *Языковая репрезентация концепта «Родина» в тексте колыбельной песни как жанре педагогического дискурса* // Исследовательский журнал русского языка и литературы. 2024. Т. 12. № 1 (23). С. 129-145

8- Куприянова С.О. (2022). *Убаюкивание как культурная практика или о волчке на краю*. – СПб.: Пропповский центр. 288 с.

9- Литвин Э.С. (1972). *Песенные жанры русского детского фольклора*. СЭ. №1. С. 59.

10- Мартынова А.Н. (1974). *Опыт классификации русских колыбельных песен.* СЭ. №4. С. 102.

11- Мельников М.Н. (1987). *Русский детский фольклор*. М.: Просвещение. 240 с.

12- Мохаджери З. (2012). *Фисташковый цветок* // Сборник персидских колыбельных. Мешхед: Бехнашр. 132 с.

13- *Тексты и переводы песен* URL: https://learnsongs.ru/song (дата обращения: 02.11.2023)

14- Хафизова Л.Р. (1999). *Персонажи колыбельных Русского Севера* // Живая старина. №1. С. 19-21.

15- Чистов К.В. (1960). *Русская причеть* // *Причитания. Библиотека поэта.* Л.: Изд-во Советский писатель. С.7-14

16- *Колыбельное богословие.* URL: https://pravsarov.ru/content/publication (дата обращения 01.09.2024)

Bibliography

1- Vetuhov A. V. (1892). *Narodnye kolybel'nye pesni // Etnograficheskoe obozrenie.* M.: Izd-vo Skoropech A.A. № 1. S. 131-164.

2- Vinogradov G.S. (1926) *Narodnaya pedagogika (Otryvki i na broski)*. – Irkutsk: Vost.– Sib. otdelenie Russkogo geograficheskogo obshchestva. 30 s.

3- Javid H. (2004). *Soulful sounds // Collection of Iranian lullabies*. Tehran: Suree Mehr. 142 p.

4- Golovin V.V. (2000). *Russkaya kolybel'naya pesnya v fol'klore i literature*. Turku: Åbo Akademi University Press. 451 s.

5- Goncharova E. A. (2005). *Interpretaciya teksta*. M.: Vysshaya shkola. 368 s.

6- Zhukovskij V.A. (1889) *Kolybel'nye pesni i prichitaniya osedlogo i kochevogo naseleniya Persii* // ZhMNP. № 16. 34 s.

7- Komleva E. V. (2024). *Yazykovaya reprezentaciya koncepta «Rodina» v tekste kolybel'noj pesni kak zhanre pedagogicheskogo diskursa* // Issledovatel'skij zhurnal russkogo yazyka i literatury. 2024. T. 12. № 1 (23). S. 129-145

8- Kupriyanova S.O. (2022). *Ubayukivanie kak kul'turnaya praktika ili o volchke na krayu*. SPb. Proppovskij centr. 288 s.

9- Litvin E.S. (1972). *Pesennye zhanry russkogo detskogo fol'klora*. SE. №1. S. 59.

10- Martynova A.N. (1974). *Opyt klassifikacii russkih kolybel'nyh pesen*. SE. №4. S. 102.

11- Mel'nikov M.N. (1987). *Russkij detskij fol'klor*. M.: Prosveshchenie. 240 s.

12- Mohajeri Z. (2012). *Pistachio flower // Collection of Persian lullabies*. Mashhad: Behnashr. 132 p.

13- *Teksty i perevody pesen,* URL: https://learnsongs.ru/song (data obrashcheniya: 02.11.2023)

14- Hafizova L.R. (1999). *Personazhi kolybel'nyh Russkogo Severa //* Zhivaya starina. №1. S. 19-21.

15- Chistov K.V. (1960). *Russkaya prichet' // Prichitaniya. Biblioteka poeta*. L.: Izd-vo Sovetskij pisatel'. S.7-14.

16- *Kolibelnoe bogoslowie* URL: https://pravsarov.ru/content/publication (data obrashcheniya: 01.09.2024)

HOW TO CITE THIS ARTICLE
Sadeghi Sahlabad Zeinab/Komleva Elena Valerievna (2025). THE INTERCULTURAL FEATURES OF THE ADDRESSING OF FOLK LULLABIES (based on Russian and Persian languages). *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, 13*(1), 173-191.
DOI: 10.66224/iarll.25.9
URL: https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/330

ویژگی‌های بینافرهنگی مخاطب‌محوری لالایی‌های عامیانه
(بر اساس زبان‌های روسی و فارسی)

زینب صادقی سهل‌آباد[1*]
دانشیار گروه زبان روسی، دانشکدهٔ ادبیات، دانشگاه الزهرا(س)،
تهران، ایران.

یلنا والری‌یونا کوملوا[2]
دانشیار دانشگاه دولتی تربیت معلم اورنبورگ،
اورنبورگ، روسیه.

(تاریخ دریافت: اوت ۲۰۲٤؛ تاریخ پذیرش: دسامبر ۲۰۲٤)

چکیده

این مقاله به بررسی بازنمایی مقولهٔ ذاتی مخاطب‌محوری در متون لالایی‌های عامیانهٔ روسی و ایرانی می‌پردازد. اهمیت این پژوهش از ضرورت حفظ لالایی‌ها از طریق مطالعه و توصیف دقیق آنها به عنوان بخشی از میراث فرهنگی ناشی می‌شود. لالایی‌های تحلیل‌شده در مخاطب قرار دادن کودک با هدف تأثیرگذاری بر او، آرام کردن، خواباندن، ایجاد فضایی راحت و امن، و تقویت پیوند روانی بین مادر و کودک مشترک هستند. لالایی‌ها علاوه بر نشانه‌های تعلق به فرهنگ‌های مختلف، ویژگی‌های بینافرهنگی را نیز نشان می‌دهند که در کاربرد آنها آشکار می‌شوند. دایرهٔ مخاطبان لالایی‌های عامیانه، با گنجاندن پدیده‌های ماوراءالطبیعه که به وجود آنها اعتقاد داشتند، گسترش یافته و سعی شده است از طریق متن لالایی که مانند طلسم به گوش می‌رسد، کودک را از آنها محافظت کنند. متون لالایی همچنین نشانه‌های خودمخاطبی را نیز نشان می‌دهند؛ زمانی‌که مادر برای مدت طولانی با فرزندش تنها می‌ماند و از اجرای لالایی به‌عنوان فرصتی برای بیان نگرانی‌ها و دغدغه‌های خود استفاده می‌کند و بدین ترتیب از شر آنها رهایی می‌یابد.

واژگان کلیدی: مقولهٔ مخاطب‌محوری، لالایی، تأثیر گفتاری، مخاطب، گوینده.

---

* نویسنده مسئول
1. E-mail: z.sadeghi@alzahra.ac.ir: https://orcid.org/0000-0002-7031-0763
نوع مقاله: علمی- پژوهشی
2. E-mail: elena.v.komleva@gmail.com; https://orcid.org/0009-0001-4290-9293; 57219025316

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 193-211
DOI: 10.66224/iarll.25.10
Article No.: 25.101.202502.1931211 *Scientific Article*

TEMPORAL LEXICAL CYCLES OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE SYSTEM OF CONCEPTUAL METAPHORS

Karbachova Tatiana Valerievna[1*]
Senior Lecturer of the Department of Phonetics and Grammar of the Spanish Language,
Minsk State Linguistic University, Minsk, Belarus.

(date of receiving: September, 2024; date of acceptance: January, 2025)

Abstract

The article is focused on conceptualization of temporal experience by native Russian speakers. The purpose of the study is to identify ways to conceptualize time periods that form time counting systems. The study is carried out on metaphorical images of temporal concepts expressed by members of entire lexical groups - cycles - groups of period of time names connected by semantic relations of sequence and recurrence. Syntagmatic analysis of names-constituents of the day (*утро, день, вечер, ночь*), week (*понедельник, вторник, среда,четверг, пятница, суббота, воскресенье*), season (*весна, лето, осень, зима*) and year (*январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь*) cycles allows us to reveal the implementation specifics of the basic conceptual metaphors of time 'time is a moving object' and 'time is the space through which the subject moves' in the Russian language. It has been revealed that an anthropomorphic metaphor, where time is likened to a living being, is one of the forms of understanding cyclical periods of time. In this case, comparison with the human essence occurs at the level of physical, mental, and behavioral characteristics. The names-constituents of the cycles are represented as subjects of living nature with a body that allows them to move, perform manipulations, make sounds, etc. (*день глаза смыкает; лады весны перебирает апрель воздушными руками*). The constituents of cycles, as subjects of living nature, are characterized by various physiological processes and states (*неспешный день не проливает пота; дышал ноябрь осенним хладом*), they experience emotions and have certain character traits (*спокойный вечер*; *утро миролюбиво*; *день жесток*), go through life cycle stages from birth to death (*декабрь рождался*; *день умирал*). Also, cyclical periods of time are conceptualized as discrete entities that can be subject to quantitative and qualitative changes (*местная золотая осень уже слиняла под косым дождиком*), as a substance (*уплывало лето мимо*), as a light source (*угасает май; померк декабрьский день*).

Keywords: Time, Temporal Lexical Cycle, Conceptual Metaphor, Conceptualization of Time, Russian Language.

---

1. E-mail: corbatan@rambler.ru; ktv220773@gmail.com; https://orcid.org/0000-0003-2600-095X

* Corresponding author

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 193-211
DOI: 10.66224/iarll.25.10
Article No.: 25.101.202502.1931211 *Статья научная*

ТЕМПОРАЛЬНЫЕ ЛЕКСИЧЕСКИЕ ЦИКЛЫ РУССКОГО ЯЗЫКА В СИСТЕМЕ КОНЦЕПТУАЛЬНЫХ МЕТАФОР

Корбачёва Татьяна Валерьевна[1*]
Старший преподаватель кафедры фонетики и грамматики испанского языка
Минского государственного лингвистического университета,
Минск, Беларусь.

(дата получения: сентябрь 2024 г.; дата принятия: январь 2025 г.)

Аннотация

Работа посвящена концептуализации темпорального опыта носителями русского языка. Цель исследования заключается в выявлении способов концептуализации временных отрезков, образующих системы счета времени. Исследованию подвергаются метафорические образы темпоральных концептов, выраженных членами целых лексических групп – циклами – объединениями наименований отрезков времени, связанных семантическими отношениями последовательности и повторяемости. Анализ синтагматического окружения наименований компонентов суточного (*утро, день, вечер, ночь*), недельного (*понедельник, вторник, среда,четверг, пятница, суббота, воскресенье*), сезонного (*весна, лето, осень, зима*) и годового (*январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь*) циклов позволяет раскрыть специфику реализации в русском языке базовых концептуальных метафор времени: время – это движущийся объект и время – это пространство, по которому движется субъект. Выявлено, что антропоморфная метафора, где время уподобляется живому существу, является одной из форм осмысления циклических периодов времени. При этом сопоставление с человеческой сутью происходит на уровне физических, психических, поведенческих характеристик. Конституенты циклов представляются как субъекты живой природы, обладающие телом, что позволяет им двигаться, совершать манипуляции, издавать звуки и т.д. (*день глаза смыкает; лады весны перебирает апрель воздушными руками*). Конституентам циклов как субъектам живой природы характерны различные физиологические процессы и состояния (*неспешный день не проливает пота; дышал ноябрь осенним хладом*), они переживают эмоции и обладают определенными чертами характера (*спокойный вечер*; *утро миролюбиво*; *день жесток*), проходят этапы жизненного цикла от рождения до смерти (*декабрь рождался*; *день умирал*). Также циклические периоды времени осмысляются как дискретные сущности, которые могут подвергаться количественным и качественным изменениям (*местная золотая осень уже слиняла под косым дождиком, ночь убывает*), как субстанция (*уплывало лето мимо*), как источник света (*угасает май; померк декабрьский день*).

Ключевые слова: время, темпоральный лексический цикл, концептуальная метафора, концептуализация времени, русский язык.

---

1. E-mail: corbatan@rambler.ru; ktv220773@gmail.com; https://orcid.org/0000-0003-2600-095X
* Ответственный автор

Введение

Время – мера длительности всего происходящего и существующего, – являясь неотъемлемой частью бытия и сознания человека, принадлежит к основополагающим параметрам картины мира любого народа и обязательно находит отражение в языке. В работах лингвистов реализуются различные аспекты изучения времени в его языковой интерпретации: грамматический, лексико-семантический, художественный (текстовый). Последние десятилетия ознаменовались изучением специфики субъективного восприятия времени и раскрытием моделей его концептуализации в различных культурах и языках. Книга Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем» (Lakoff, Johnson 2003), представляющая суть метафоры как инструмент организации опыта человека и структурирования его знаний о действительности, запустила новый виток изучения феномена времени. Предметом исследований стали средства экспликации темпоральных смыслов в языке представителями разных лингвокультур. Анализ узуальных словосочетаний типа *время пришло*, *потерять время*, *упустить момент* и т.п., представляющих собой реализации концептуальных метафор, показал, что время осмысливается как пространство, как живое существо, как ценный ресурс и т.д.

Материалом проводившихся в рамках концептуально-метафорической теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона исследований выступали, как правило, словосочетания со словом *время* и его отдельными гипонимами (*мгновение*, *час*, *день*, *век*, *эпоха* и т.п.), а также с иными словами темпоральной семантики (*будущее*, *прошлое*, *завтра*, *вчера* и т.д.). За пределами внимания исследователей остался широкий пласт темпоральной лексики, репрезентирующей сложившиеся в разных лингвокультурах системы счета промежутков времени различной продолжительности. Речь идет о темпоральных лексических циклах, вербализующих последовательно сменяющие друг друга отрезки времени. В русском языке на основе периодически наблюдаемых природных явлений сформировались суточный

цикл (*утро, день, вечер, ночь*) и сезонный цикл (*весна, лето, осень, зима*). Количественный принцип был положен в основу недельного цикла (*понедельник, вторник, среда, четверг, пятница, суббота, воскресенье*) и годового цикла (*январь, февраль, март, апрель, май, июнь, июль, август, сентябрь, октябрь, ноябрь, декабрь*). Периодически повторяющиеся циклы формируют, по сути, временную координату, на которой располагаются события, природные явления, состояния. Употребляющиеся в речи конституенты темпоральных лексических циклов, в свою очередь, фиксируют локализацию событий на временной оси (*в понедельник*, *следующей зимой*, *на пороге ночи* и т.п.) или передают смену одного временного фрагмента другим, таким образом обозначая движение времени (*опускается ночь*, *зима вступает в свои права*, *день сменяет ночь* и т.п.). На наш взгляд, целостного осмысления концепта времени с позиций когнитивной парадигмы невозможно достичь без понимания того, как происходит концептуализация движения времени, в целом, и каким образом концептуализируются отдельные отрезки времени, вербализуемые циклическими именами, в частности. Полагаем, что наше исследование, направленное на выявление метафорических образов в структуре темпоральных концептов, выраженных циклическими именами в русском языке, позволит лучше понять суть присущих русскому языковому сознанию представлений о времени. Расширение материала исследования концептуальных метафор времени приведет к уточнению системы ценностей, в рамках которой они возникают, и позволит более точно определить традиционные для русского общества понятия и правила, с опорой на которые происходит осмысление временного опыта.

Основная часть

С целью выявления метафорических образов темпоральных концептов, выраженных членами темпоральных лексических циклов, был проведен анализ сочетаемости циклических имен с предикатами физического

действия, дескриптивными прилагательными, конкретными вещными существительными, предлогами. Источником материала исследования послужил Национальный корпус русского языка (ruscorpora.ru). Были приняты во внимание данные общего, поэтического и газетного корпусов.

Приступая к подробному изложению результатов исследования остановимся на некоторых исходных положениях и общих наблюдениях. Проведенное ранее комплексное исследование, включающее компонентный, контекстуальный анализ, психолингвистический направленный ассоциативный эксперимент, показало, что с каждым циклическим именем у носителей языка связана разветвленная информация. В структурированном виде ей соответствует когнитивная матрица соответствующего темпорального цикла, которая включает наряду с указанием определенного периода времени и его места в цикле, сведения о природных особенностях, видах деятельности человека в этот период, а также о его некоторых оценочных характеристиках (Харитончик 2022; Корбачёва 2022). Любой из компонентов когнитивной матрицы может быть актуализирован при употреблении циклического имени в речи. Необходимость выразить временной или иной признак (природный, оценочный и др.) требует определенной модели воплощения и по-разному реализуется в речи. Однако, несмотря на необходимость учитывать множество факторов при реализации категории времени в языке и речи (референтная ситуация, контекст, речевой жанр и т.п.) выявленные концептуальные метафоры немногочисленны и носят системный характер.

1. В современной науке укрепилось мнение о первичности и продуктивности антропоморфного кода, с помощью которого описывается Вселенная, что представления о внешнем мире в своих истоках мотивированы физиологическим аспектом человеческой жизни, конкретно – телом (Топоров 1983. 244−246). Также не подвергается сомнению, что в качестве источника образа времени стало тело человека (Гуревич 1999. 88; Топоров 1983. 246).

Наше исследование показало, что антропоморфная метафора является важной формой осмысления циклических периодов времени. Специфика реализации представления об исследуемых временных фрагментах заключатся в том, что сопоставление с человеческой сутью происходит во всем разнообразии жизненного (телесного и душевного) опыта: на уровне физических, психических, поведенческих характеристик.

Конституенты циклов представляются как субъекты живой природы, проходящие **этапы жизненного цикла от рождения до смерти**. Например, ***Декабрь рождался****, ветры выли в поле* [А. А. Ахматова. «Тебе покорной? Ты сошел с ума!..» (1921)]; ***Июль задышал*** *и зацвел расплавленным липовым цветом* [Н. Н. Асеев. Мед и яд: «Июль задышал и зацвел...» (1960)]; ***День умирал****, когда я приближался к своему биваку.* [В. К. Арсеньев. Сквозь тайгу (1930)]; *Когда ударит на часах двенадцать,* ***умрет апрель*** [Э. Г. Багрицкий. 1 мая: «В тот вечер мы стояли у окна...» (1923)]; *И равнодушными глазами Смотрю, как* ***умирает май***. [А. И. Тиняков. Разлука: «В дорожном платье, у порога...» [Morituri, 14] (21.02.1911-23.02.1911)].

Конституенты циклов как субъекты живой природы **обладают телом** (конечностями и органами), **что позволяет им двигаться, совершать манипуляции, издавать звуки** и т.д. Например, ***День*** *еще* ***идет*** *и в каждой яме* ***голову теряет****, как слепой* [М. Н. Айзенберг. «День еще идет и в каждой яме...» (2011)]; *Опять* ***апрель*** *под облаками!* ***Звенит*** *и снова* ***замирает. Лады*** *весны* ***перебирает апрель воздушными руками*** [И. Михайловская. Апрель: «Весенней кисти акварель, – ...» (1937)]; *Вот и новый день* ***глаза смыкает****, И его одела пелена* [С. И. Липкин. «Вот и новый день глаза смыкает...» (1985)]; *И под звучи шустрой, удалой тальянки* ***Пляшет*** *на плотине сам царевич* ***Май*** [И. Северянин. Пляска мая (1910)]; *С точностью сейчас сказать можно только одно — это была* ***громкая ночь*** *и не менее* ***громкий день*** [Абхазия. Выборы с кавказским темпераментом // Vesti.ru, 04.10.2004]; *Шагали по*

соснам, шагали по елям / Веселые, легкие ***ноги апреля*** [В. А. Луговской. «Сорока под вечер мне крикнула – жди!..» (1927)]; ***Идет сентябрь, и бодрыми шагами****, В предчувствии осенних перемен, Он* ***попирает сучья под ногами*** [В. А. Комаровский. «То летний жар, то солнца глаз пурпурный...» (1911-1914)]; *Я* ***слушаю тебя, июнь, Твой голос*** *в зелени каштана* [И. Михайловская. «Сок солнечный струится долу...» (1929-1938)]; *Когда же* ***пришла суббота****, оказалось, что он не оставлен без отпуска: его даже не наказали...* [Н. И. Позняков. Товарищ (1892)].

Конституенты циклов представляются как субъекты живой природы, которым **характерны** различные **физиологические процессы и состояния:** они дышат, спят и т.п. Например, *Уж* ***утра свежее дыханье*** *В окно прохладой веет мне* [А. Н. Майков. Призыв: «Уж утра свежее дыханье...» (1838)]; *Там, у речки, девочка-****весна протирает заспанные глазки*** [Л. Н. Андерсен. Капли: «День так тих... На лужице круги...» (1940)]; ***Лето****, видимо,* ***устало****, Порыжели деревa …* [Е. Л. Кропивницкий. Осень (1978)]; *Пора зимы покойна и легка; неспешный* ***день не проливает пота*** [С. В. Шервинский. Патриархальная зима: «А я люблю пустынный Алагёз...» [Стихи об Армении, 5] (1925-1984)]; *Правда, торги проходили довольно вяло: в последний рабочий день весны инвесторы ощутили* ***дыхание лета*** *и многие из них мысленно уже в отпуске"* [Возможной целью роста индекса РТС может стать уровень 2650 пунктов // Vesti.ru, 30.05.2008]; *Над омраченным Петроградом* ***Дышал ноябрь*** *осенним хладом* [А. С. Пушкин. Медный всадник: «На берегу пустынных волн...» (1833)]; ***Декабрь*** *торжественный* ***струит свое дыханье****, Как будто в комнате тяжелая Нева* [О. Э. Мандельштам. «Когда, соломинка, не спишь в огромной спальне...» [Соломинка, 1] (1916)]*; В ночную комнату /* ***дышал московский март***; ***Дыханьем горьким Август*** *выжег Печать предсмертья на полях …* [А. И. Тиняков. Август [Природа, 6] (1910)].

Конституенты циклов, как и человек, **переживают эмоции, обладают определенными свойствами характера,** проявляющимися в особенностях их поведения и отношения к окружающей действительности. Например, *Уж по закату разлилась Багряною струею Заря, и с пламенных небес* ***Спокойный вечер*** *сходит* [В. А. Жуковский. Громобой: «Моих стихов желала ты – ...» [Двенадцать спящих дев, 2] (1816)]; *день* ***жесток****, а* ***ночь еще жесточе*** [И. В. Елагин. «Млечный путь осел на колею...» (1939-1953)]; *Как раскаявшийся грешник,* ***Грустный день*** *глядит в окно* [С. И. Липкин. Закат в апреле: «Был он времени приспешник...» (1969)]; ***Не сжалится*** *идущий* ***день*** *над нами, Пройдет, не оставляя ничего...* [Ю. П. Кузнецов. «Не сжалится идущий день над нами...» (1969)]; ***Злится*** *и вьюгами сыплет* ***Январь****, Белой короной увенчанный царь* [М. Лохвицкая. Гномы: «Злится и вьюгами сыплет Январь...» (1902−1904)]; *Пыталась внести свои коррективы* ***капризная весна****, зарядив накануне вечером дождем и сильным ветром* [Никита Юрьевский, Евгений Джумаев. Лети-лети под облака… (23.05.2013) // «Новгородские ведомости», 2013]; ... ***февраль****, как изнурительно дотошный любовник,* ***демонстрировал все новые трюки****, хотя пора было угомониться* [Александр Снегирев. Вера (2015)]; *Ты глядела в окно на желтый фонарь, И* ***тебе улыбался февраль*** [И. Г. Эренбург. В февральскую ночь: «Те же румыны, газа свет холодный, бескровный…» (1914)]; *Забыв в руке весеннюю свирель,* ***С улыбкою сияющей и кроткой*** *Брел по садам* ***мечтательный Апрель*** [В. М. Лебедев. Весенняя вечерня (1923)]; *... сказуют, что* ***пятница гневается*** *на непразднующих, и с великим на оных же угрожением наступает* [[Петр I]. Регламент или устав духовной коллегии (1721)].

Конституенты циклов представляются **активными, деятельными существами,** которые взаимодействуют с окружающей природной и социальной средой, стремясь к преобразованию. Например, ***День*** *весенний* ***Смел эти сумрачные тени И превратил былое в сон***

[Вс. А. Рождественский. «В дожде, асфальтом отраженный...» (1969)]; *И* ***день*** *малиной ноздреватой, Черносмородинным агатом* ***Синиц заманивает в тень*** [В. Т. Шаламов. Июль: «Все соловьи осоловели...» (1937-1956)]; ***Утро*** *понедельника* ***принесло*** *следователю городской прокуратуры Ольшанскому* ***массу неожиданностей*** [Александра Маринина. Чужая маска (1996)]; *Кучка малая людей знобко жмется к праха кучке, а* ***январь знобит, злодей: отмораживает ручки*** [Б. А. Слуцкий. Перепохороны Хлебникова: «Перепохороны Хлебникова...» (1970)]; ***Твои черты январь****-волшебник* ***Туманит*** *вьюгой снеговой...* [Н. А. Клюев. «В морозной мгле, как око сычье...» (1911)]; *... февраль* ***ввел в заблуждение*** *кусты форситии, покрывшиеся вдруг золотыми цветами* [В. В. Набоков. Лолита [автоперевод с английского] (1967)]; *с порталов* ***март смывает хлопья сажи*** [И. А. Бродский. Einem alten Architekten in Rom: «В коляску – если только тень...» (1964)].

Конституенты циклов выступают **в качестве членов социума, соблюдая принятые нормы и правила поведения**: носят одежду, соблюдают правила этикета (здороваются, прощаются и т.п.). Например, ***Февраль имел на себе одеяние синее, подвязанное поясом***. [М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки (1766−1768)]; *Зима недаром злится, Прошла её пора –* ***Весна в окно стучится*** *И гонит со двора* [Ф. И. Тютчев. «Зима недаром злится...» (1836)]; ***Попрощался февраль***. *Начинается март* [В. А. Луговской. В сельской школе: «Не горит электричество / Только одна...» (08.06.1956)]; *Ветер пронесся, явился Февраль!.. Блещет алмазами древко копья, Звездочка светит с конца острия <...> Меч теплым таяньем полдней червлен… **Отдал Февраль своим братьям поклон*** [К. К. Случевский. В снегах : «Ой ты наш хмурый, скалистый Урал!..» (1860-1878)].

Конституенты циклов, также как и люди, **пользуются благами и техническими достижениями общества**: носят одежду, управляют средствами передвижения, играют на музыкальных инструментах и т.п.

Напрмер, ***День*** *начинался медленно. Сперва, По-зимнему обутый и одетый, Он из* ***кладовки приносил дрова, Лучину в печке разжигал газетой*** [И. В. Елагин. «День начинался медленно. Сперва...» (1976-1982)]; *Зимы с****еребряные вожжи Апрель рукою теплой взял****. ... Апрель, апрель!* ***Садясь на козлы, Правь тройкой бешеной*** *весны* [В. Г. Шершеневич. Встречник: «Да, что б ни свершилось позже...» (21.03.1926)]; ***Отчалил золотой апрель на чайных парусах чудесных,*** *– дух травяной, ветровый хмель, расплавы янтарей небесных!* [М. А. Кузмин. «Зеркальным золотом вращаясь...» (1923)].

Использование антропоморфной метафоры предоставляет широкие возможности выразить не только временные координаты и динамику событий, но также представить сами события и их субъективную оценку. Так, для представления начала или окончания называемого периода используются предикаты с семантикой начала (*рождаться*, *задышать*) и прекращения жизнедеятельности организма (*гибнуть*, *умирать*). Например, *Но в глухую* ***гибнущую осень*** *Скорбно и навеки можно полюбить ...* [А. П. Платонов. «Странны дни в долине ровной...» [Иван да Марья, 1] (1922−1926)]. Выразить начальную, среднюю или конечную часть временного отрезка можно путем описания физиологического состояния и количества физических сил. Описание набирающего силу фрагмента цикла соответствует началу периода, истощение сил указывает на его окончание. Например, ***Весна набирала силу****, и всё живое стремилось к солнцу* [Тамара Крюкова. Борец за права человека // «Наука и жизнь», 2008]; ***Ночь устала****... Ночь ушла* [Вадим Бурлак. Хранители древних тайн (2001)]. Описание взаимодействия компонентов цикла также передает окончание одного и начало другого, например, *Весна морозы прогоняет, Спешит за нею лето вслед, С плодами осень поспешает И зиму строгую ведет* [В. В. Капнист. Суетность жизни (1806)]; ***Весну сжигает лето****, Осень то пременяет* [В. К. Тредиаковский. Ода о непостоянстве мира (1730)]. Обозначить приближение определенного периода можно описанием

некоторых признаков его присутствия. Например, *Последние несколько дней стоит хорошая погода, но уже отчетливо* ***чувствуется дыхание осени*** [Б.И. Вронский. Дневник (1976)]; *... уходила весна, девушка застенчивая;* ***аукало за лесом лето****, с ночами голыми, белыми, с бесстыдным солнцем ночным* [Е. И. Замятин. Африка (1916)].

Антропоморфная метафора позволяет передавать в концентрированном виде целый комплекс характеристик называемого периода. Так, метафора движущегося живого существа помимо передачи динамики времени позволяет выразить субъективную оценку его движения, используя глаголы с семантикой разной скорости движения. Например, *... как злое наваждень, **Зима** сквозь дождь* ***ползет к крыльцу*** [А. А. Баркова. Июль : «Июль мой, красный, рыжий, гневный...» (05.07.1954)]; ***Зима пролетела*** *почти незаметно, это всё чаще случалось с зимами...* [Михаил Блехман. Римские цифры // «Ковчег», 2012].

Обозначить начальную или центральную часть временного фрагмента, а также степень проявления свойственных ему характеристик возможно путем описания интенсивности его поведения. Началу периода с первыми проявлениям характерных признаков соответствует нерешительность, твердость действий соответствует середине периода с полным проявлением признаков. Например, *Что касается Карпат, то там уже* ***властвовало лето****.* [Константин Серафимов. Экспедиция во мрак (1978−1996)]; *Зато,* ***когда весна берет свое****, на каждый сук садится наконечник, и набухает почкою копье* [Д. В. Бобышев. Жар-куст: «Был сахарным тот клен. / Стал – пень трухлявый...» (1998)]; И весна, хоть робко, Но начала торить свой путь [Д. Самойлов. После суровой зимы: «Снег все же начал таять. Суть...» (1985)]; *Как только* ***весна вступает в свои права****, зеленые оазисы поселяются на крышах парижских домов, где расположено самое престижное жилье, – пентхаусы и дуплексы* [Под небом Парижа (2003) // «Мир & Дом. City», 15.08.2003].

Антропоморфная метафора выступает лаконичным средством выражения событий, состояний и действий, связанных с периодом времени. Называемый период концептуализируется как их каузатор и исполнитель происходящий изменений. Например, *Прилетела вновь из-за моря молодая волшебница-**весна**, **подула своим теплым дыханием** – и **рассеялись на небе свинцовые тучи**, **высохла мостовая**, **взвились резвые вихри пыли;** заглянула **в городские сады и скверы**, **прикоснулась цветущими пальцами к помертвелым древесным ветвям** – и **распустились деревья**, **зазеленели*** [В. П. Авенариус. Бродящие силы. Поветрие (1867)]; *Прийди ж, **зима**! И скорбь природы В одно мгновение прерви: **Оцепени растенья, воды И всю природу умертви*** [В. В. Капнист. Осень: «В дубраве грозна буря воет...» (1806)].

2. Многочисленные исследования, в которых приняли участие носители разных языков, убедительно свидетельствуют о неразрывной связи между концептуализацией времени и пространства в сознании человека (Boroditsky, 2011; Tenbrink 2007). Проведенное нами исследование также позволяет отметить продуктивность пространственных метафор при концептуализации конституентов темпоральных циклов.

Представление конституентов темпоральных циклов в терминах пространства прежде всего проявляется в употреблении наименований компонентов циклов в сочетании с лексическими единицами, относящимися к понятийной области пространства. Сюда, в первую очередь, относятся предлоги пространства *в, по, к, под, перед*. Предлог *в* выражает пребывание в каком-то месте, ср.: ***в** доме* и ***в** августе*. Предлог *по* обозначает преодоление / транзит через некоторое пространство, ср.: *идти **по** улице* и ***по** утру, **по** весне*. Предлоги *к, под, перед* указывают на расположения одного объекта рядом с другим или приближение одного объекта к другому, ср.: *подойти **к** дому − **к** утру*, ***перед** домом − **перед** утром, дойти **до** дома − **до** вечера*.

Также пространственная концептуализация временных периодов проявляется в сочетаниях наименований компонентов циклов с

прилагательными размера. Эту группу составляют параметрические прилагательные *длинный*, *долгий*, *короткий*, *глубокий*, *большой*. Например, *Это целая* ***большая зима*** *− от осеннего бездорожья до почти уже бездорожья весеннего* [Владимир Березин. О Твардовском // «Новый Мир», 1996]; *Закраснелись ягоды бузины, зажелтели на березах листики, видно, что уже* ***глубокое лето*** [М. М. Пришвин. Дневники (1921)].

Помимо названных лексических средств для русского языка типично выражение пространственной метафоры времени морфологическими средствами. Употребление циклических имен в творительном падеже выражает протекание действия / события на определенном отрезке временной прямой: *утром*, *вечером*, *зимой*, *весной*. Сферой – источником выступает образ движения по определенной местности, что также выражается творительным падежом, ср.: *ехали* ***полем***, *шли* ***лесом***.

Исследователи отмечают, что для русской лингвокультурной общности характерно представление о времени как о некоем «жизненном пространстве», которое мы «переходим» (Яковлева 1994. 80). Компоненты циклов, вполне вписываясь в эту концепцию, определенным образом членя временной континуум. Циклические номинации концептуализируются как отдельные участки пути. Двигаясь по дроге времени мы последовательно покидаем пределы одного периода и вступаем в другой. Например, *Вот так и* ***осень закончилась****, и* ***зима началась*** [Борис Васильев. Картежник и бретер, игрок и дуэлянт (1998)].

Пространственная метафора представляется удобным способом обозначения временных координат событий указанием частей временных фрагментов (*начало*, *середина*, *конец*), а также комбинируя номинации разных циклов (*в субботу вечером*). В этом случае временной период выступает в качестве пространства, на котором разворачиваются различного рода события. Например, ***Будет сад цвести весной****,* ***Яркий плод созреет летом****, Пусть*

***зимой кружится снег**, Осень спит в душе моей* [А. Л. Хвостенко. деревенская: «Свет прольется над землей...» (1960-1990)].

Помимо рассмотренного выше способа концептуализации «временной период – фрагмент пути», где компоненты цикла представлены как двухмерное пространство, можно выделить модель трехмерной концептуализации времени. Например, ... ***входят в** ледяной **январь**, бегут, краснея носом, с усами заиндевелыми* ... [Б. К. Зайцев. Улица св. Николая (1921)]. Временной фрагмент концептуализируется как ограниченное закрытое пространство (помещение/контейнер), начало периода представляется как открывающееся помещение/контейнер. Например, *Зимой еще туда-сюда, **а как весна** откроется, кукушка закукует в лесах, он и пойдет колобродить* ... [А. И. Эртель. Записки Степняка (1883)]*; **Февраль открывается** празднованием знаменательной даты − первой годовщины интронизации Святейшего Патриарха Кирилла* [От редакции // Журнал Московской Патриархии. № 2, 2010].

При реализации метафоры «временной период – закрытый контейнер» происходящие события концептуализируются как содержимое контейнера. Например, ***понедельник был плотно набит всякими мероприятиями** научного и организационного характера* [Александра Маринина. Иллюзия греха (1996)]; ... ***ночи** августа **звездой набиты нагусто*** [В. В. Маяковский. Тропики: «Смотрю: / вот это — / тропики...» (1926)]; *То **лето было грозами полно**, **жарой** и **духотою** небывалой* [Н. С. Гумилев. Пятистопные ямбы: «Я помню ночь, как черную наяду...» (1916)].

3. Компоненты темпоральных циклов могут осмысливаться как **объекты неживой природы**: как **дискретные сущности** или как **субстанция,** которые могут перемещаться в пространстве, подвергаться количественным и качественным изменениям, передавая таким образом динамику времени. *Едва только **взвиделось серое** утро <...> открылся Новгород* [А. Ф. Вельтман.

Светославич, вражий питомец Диво времен Красного Солнца Владимира (1837)]; *Местная* ***золотая осень уже слиняла*** *под косым дождиком* [Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008-2009)]; *Небогат на совпаденья день, пролившийся в окно.* В. Б. Кривулин. Сон и дождь: «Мутное какое сновиденье!..» (1972)]; ***Уплывало лето*** *мимо, Рдела золотом лоза ...* [И. Н. Молчанов. Ручей: «Под навесом древних сосен...» (1926)]; *И потекли месяцы – январь, февраль, март – этого непосильного и ненужного напряжения наших измученных войск ...* [А. И. Солженицын. На краях (1994−1995)]; ***Шел на убыль*** *апрельский* ***вечер.*** [Сергей Гандлевский. НРЗБ // «Знамя», 2002]; ***День скудел***. Слегка смеркалось. [Д. Самойлов. Поэт и гражданин: «Скажите, гражданин, как здесь пройти...» (1970−1971)].

Для русского мировидения характерна концептуализация временных фрагментов как **источник света / огонь**. При таком их осмыслении употребляются термины горения: ***Лето в самом разгаре****, и хочется, чтобы оно не кончалось* [Алексей Савин. Меняем «Мыло» на «Зеркало». Как сохранить мгновения лета (2002) // «Известия», 08.07.2002]; *Я чувствую*, ***угасает май*** [И. Северянин. На мотив Фофанова: «Я чувствую, как падают цветы...» (05.1911)]; *Тем временем* ***померк декабрьский день****, первый день пути* [В. Ф. Панова. Валя (1959)]; *Так же торжественно дышало в вышине, и ночь, божественная* ***ночь,*** *величественно* ***догорала*** [Н. В. Гоголь. Майская ночь, или Утопленница (1831−1832)]. Изменение интенсивности горения или свечения передает динамику времени.

4. Компоненты темпоральных циклов также могут описаны как ценный ресурс, которым можно распоряжаться, что актуализируется в следующих контекстах: *И теперь на МАКСе три дня – вторник, среда и четверг – только для специалистов, а* ***пятница, суббота и воскресенье отданы зрителям*** [Магомед Толбоев. Авиасалон в Жуковском — сегодня и завтра // «Наука и жизнь», 2009]; ***Воскресенье потратил*** *на высокое окучивание картофеля за*

двором [В. С. Савельев. Дневник (1991)]. К данному виду экспликации периода, вероятно, прибегают с целью подчеркнуть его ценность, охарактеризовать рациональность использованного времени.

Заканчивая представление средств экспликации циклических периодов времени в русском языке, считаем необходимым отметить, что в речевом употреблении каждый из выделенных типов концептуальной метафоры не всегда употребляется в «чистом виде». В одном контексте компонент цикла может быть представлен как относящийся к разным понятийным областям. Приведем пример, где в одном четверостишии член темпорального цикла представлен тремя видами концептуальной метафоры: как ценные ресурс, как человек, как наполненный контейнер.

Какой нам странный ***март подарен****!*	ценные ресурс
Он был и ***нужен****, и* ***суров****,*	
И ***простодушен****, и* ***коварен*** *–*	олицетворение
И ***полон*** *снега и ветров.*	наполненный контейнер

[Д. Самойлов. «Какой нам странный март подарен...» (1957)]

Свободное сочетание нескольких и зачастую противоречивых (например, человек и ценный ресурс) способов экспликации одного понятийного поля может быть объяснено лишь их бессознательном использованием, что свидетельствует об их прочном положении в мировидении русскоговорящего сообщества.

Заключение

Основными средствами экспликации временных фрагментов, образующих системы счета, сложившиеся в русском языковом сообществе, являются антропоморфная и пространственная метафора, отражая, таким образом, универсальный способ восприятия времени. Свободное употребление и комбинирование концептуальных метафор разных типов, с одной стороны,

свидетельствует о их закрепленности в сознании носителей языка, с другой стороны, позволяет максимально полно выразить разнообразные типы информации, связанные с конституентов темпоральных циклов, выраженных в языке циклическими именами.

Литература

1- Гуревич А. (1999). *Категории средневековый культуры*. Избранные труды. Том 2. Средневековый мир, Москва, Санкт-Петербург, Университетская книга, С. 13-260.

2- Корбачёва Т. В. (2022). *Семантика слова с позиции лексикографа и носителя языка*, Вестник МГЛУ. Сер. 1, Филология, 2022, № 1 (116), Минск, МГЛУ, С. 14–24.

3- *Национальный корпус русского языка*, htpp://www. ruscorpora.ru, (дата обращения: 15.08.2024).

4- Топоров В. Н. (1983). *Пространство и текст, Текст: семантика и структура*. Москва, Наука, С. 227-285.

5- Харитончик З. А. (2022). *Время в языке и язык во времени*, Универсальное и национальное в языковой картине мира: материалы V международной научной конференции: сб. науч. ст., Минск, МГЛУ, С. 27-28.

6- Яковлева Е. С. (1994). *Фрагменты русской языковой картины мира (модели пространства, времени и восприятия)*, Москва, Гнозис.

7- Boroditsky L. (2011). *How languages construct time*, *Space, Time and Number in the Brain*, Oxford University Press, P. 333-341.

8- Lakoff G., Johnsen M. (2003). *Metaphors we live by*, London, The University of Chicago Press.

9- Tenbrink, Thora. (2007). *Space, time, and the use of language: An investigation of relationships*, Berlin; New York, Mouton de Gruyter.

Bibliography

1- Gurevich A. (1999). *Kategorii srednevekovyi kul'tury*. Izbrannye trudy. Tom 2. Srednevekovyi mir, Moskva, Sankt-Peterburg, Universitetskaia kniga, S. 13-260.

2- Korbacheva T. V. (2022). *Semantika slova s pozitsii leksikografa i nositelia iazyka,* Vestnik MGLU. Ser. 1, Filologiia, 2022, № 1 (116), Minsk, MGLU, S. 14–24.

3- *Natsional'nyi korpus russkogo iazyka*, htpp://www. ruscorpora.ru, (data obrashcheniia: 15.08.2024).

4- Toporov V. N. (1983). *Prostranstvo i tekst, Tekst: semantika i struktura.* Moskva, Nauka, S. 227-285.

5- Kharitonchik Z. A. (2022). *Vremia v iazyke i iazyk vo vremeni,* Universal'noe i natsional'noe v iazykovoi kartine mira: materialy V mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii: sb. nauch. st., Minsk, MGLU, S. 27-28.

6- Iakovleva E. S. (1994). *Fragmenty russkoi iazykovoi kartiny mira (modeli prostranstva, vremeni i vospriiatiia)*, Moskva, Gnozis.

7- Boroditsky L. (2011). *How languages construct time*, Space, Time and Number in the Brain, Oxford University Press, R. 333-341.

8- Lakoff G., Johnsen M. (2003). *Metaphors we live by*, London, The University of Chicago Press.

9- Tenbrink, Thora. (2007). *Space, time, and the use of language: An investigation of relationships,* Berlin; New York, Mouton de Gruyter.

HOW TO CITE THIS ARTICLE
Karbachova Tatiana Valerievna (2025). TEMPORAL LEXICAL CYCLES OF THE RUSSIAN LANGUAGE IN THE SYSTEM OF CONCEPTUAL METAPHORS. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, 13*(1), 193-211.
DOI: 10.66224/iarll.25.10
URL: https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/343

تحلیل چرخه‌های زمانی در سامانهٔ استعاره‌های مفهومی زبان روسی

تاتیانا والری‌یونا کارباچیوا[1*]
استادیار دانشگاه دولتی زبان‌شناسی مینسک،
مینسک، بلاروس.

(تاریخ دریافت: سپتامبر ۲۰۲٤؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۵)

چکیده

این پژوهش به واکاوی چگونگی مفهوم‌سازی تجربهٔ زمانی در زبان روسی می‌پردازد. هدف، شناسایی الگوهای مفهوم‌سازی چرخه‌های زمانی و تحلیل ساختار ترتیب زمان بر پایه استعاره‌های مفهومی است. تحلیل حاضر، با تمرکز بر تصویرسازی استعاری مفاهیم زمانی، به‌ویژه در گروه‌های واژگانی مرتبط با چرخه‌های زمانی (روز، هفته، ماه، فصل و سال) و روابط معنایی توالی و تکرار، صورت گرفته است. بررسی ساختار نحوی نام‌های این چرخه‌های زمانی (روزهای هفته، ماه‌ها و فصول) دو استعاره بنیادین را در ادراک زمان هویدا می‌سازد: مفهوم زمان در این پژوهش با دو رویکرد بررسی می‌شود: اول، به‌عنوان یک هویت فیزیکی متحرک، و دوم، به‌عنوان فضایی که در آن سوژه به تجربه‌های محیطی خود معنابخشی می‌کند. یافته‌ها نشان می‌دهند که استعارهٔ انسان‌انگارانه، با تشبیه زمان به موجودی زنده، نقش محوری در درک دوره‌های زمانی متوالی دارد. این انسان‌انگاری در سطوح جسمانی، روانی و رفتاری نمود می‌یابد. اجزای چرخه‌های زمانی همچون موجوداتی زنده، تصویرسازی می‌شوند که قابلیت حرکت، کنش و تولید صدا را دارند، مانند: «روز چشمانش را بر هم می‌گذارد»، «آوریل با دستانش هوای بهاری را نوازش می‌کند» علاوه بر این، این دوره‌های زمانی با فرآیندها و حالات فیزیولوژیکی توصیف می‌شوند «روز آرام و بی دردسر»، «نوامبر حس و حال پاییزی نفس کشید». عناصر زمانی، تجربهٔ عاطفی را نیز بر عهده می‌گیرند «شامگاهی آرام»، «صبحی دلپذیر» «روزی پرچالش» و مراحل حیات (از تولد تا مرگ) را طی می‌کنند «دسامبر زاده شد»، «روز نفس‌های آخرش را کشید». همچنین، چرخه‌های زمانی به‌عنوان هویت‌هایی مستقل، تغییر کمی و کیفی را تجربه می‌کنند «پاییز طلایی محلی در بوران رنگ باخته است»، «شب نفس‌های آخرش را می‌کشد»؛ بر ذات و ماده‌ای دلالت می‌کند: «تابستان هم آفتاب لب بوم بود»؛ یا منبعی از نور «ماه می، هم خاموش شد.»، «روز دسامبری هم رو به افول است» مفهوم‌سازی می‌شوند.

واژگان کلیدی: زمان، چرخه‌های واژگانی زمانی، استعارهٔ مفهومی، مفهوم‌سازی زمان، زبان روسی.

---

1. E-mail: corbatan@rambler.ru; ktv220773@gmail.com; https://orcid.org/0000-0003-2600-095X
* نویسنده مسئول

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 213-229
DOI: 10.66224/iarll.25.11
Article No.: 25.111.202502.213229 *Scientific Article*

LISTING AS A DESCRIPTIVE MEANS IN «VOYAGE BEYOND THREE SEAS» OF AFANASY NIKITIN: THEME AND STRUCTURE

Hovhannesyan Gayane[1*]
Lecturer, Yerevan State University,
Yerevan, Armenia

(date of receiving: October, 2024; date of acceptance: January, 2025)

Abstract

The article examines listing as an important, characteristic and text-forming device of Afanasy Nikitin's «Voyage Beyond Three Seas». In this text the listing has its own special characteristics both at the level of content, themes, and at the level of structure. In both cases it is represented by a rich variety of constituent elements. The themes in the work, with all their diversity and richness, can be divided into two groups: a description of the physical and spiritual world. The scholarly literature on the «Voyage» has noted this division. We consider the coexistence of these topics in a single context, the features of their implementation. Regarding the grammatical structure of listing we address such aspects as the simplicity and complexity of constructions, the absence and presence of distribution, the presence of elements and lacunarity, etc., as well as the lexical content and functioning of lexical oppositions – repetition of words, replacement with synonyms, repetition of roots, use antonymy. Externally the features of listing come down to the length and brevity of the series. These are enumeration with homogeneous members and with a subordinate sentence in their composition, with quantitative characteristics in the form of numbers and with generalizing words «many», «a little», listing's that tend to lengthen the series with a maximum reduction of species and listing's ending with a generalizing word. Such syntax of the text speaks about the psychological characteristics of the author. In general he is characterized by attentiveness of gaze, vigilance, good memory, responsibility, curiosity, but the syntax, which is different in paceand intensity, speaks of his different emotional and moral states: different attitudes towards the objects described, internal tabooing of oneself during descriptions, surprise, admiration, joy, sadness. Those any of our observations of the monument lead to a psychological and ideological conversation about it. This always characterizes good and deep literature. The diversity and depth of the elements presented in the listing reveals the consistency of this technique in «Voyage», the importance of its role in constructing the content, rhythm and poetics of this text.

Keywords: «Voyage Beyond Three Seas», Listing, Theme, Grammatical, Poetics.

1. E-mail: gayane.hovhannesyan@ysu.am; https://orcid.org/0009-0009-6320-8988
* Corresponding author

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 213-229
DOI: 10.66224/iarll.25.11
Article No.: 25.111.202502.213229 *Статья научная*

ПЕРЕЧИСЛЕНИЕ КАК ОПИСАТЕЛЬНОЕ СРЕДСТВО В «ХОЖЕНИИ ЗА ТРИ МОРЯ» АФАНАСИЯ НИКИТИНА: ТЕМАТИКА И СТРУКТУРА

Оганесян Гаяне[1*]
Преподаватель, кафедра русского языка ЕГУ,
Ереван, Армения.

(дата получения: октябрь 2024 г.; дата принятия: январь 2025 г.)

Аннотация

В статье рассматривается перечисление как важный, характерный и текстообразующий приём «Хожения за три моря» Афанасия Никитина. В данном тексте перечисление обладает своими особенными характеристиками и на уровне содержания, тем, и на уровне структуры. И в том, и в другом случае оно представлено богатым многообразием составляющих элементов. Темы в произведении при всём многообразии и богатстве можно разделить на две группы: описание физического и духовного мира. В научной литературе о «Хожении» отмечено это разделение. Мы рассматриваем сосуществование этих тем в едином контексте, особенности их следования. Относительно грамматической структуры перечислений мы обращаемся к таким аспектам, как простота и сложность конструкций, отсутствие и наличие распространения, присутствие элементов и лакунарность и т.д., а также лексическое наполнение и функционирование лексических оппозиций – повторение слов, замена синонимами, повтор корней, употребление антонимии. Внешне особенности перечислений сводятся к длине и краткости ряда. Это перечисления с однородными членами и с подчинённым предложением в составе, с количественными характеристиками в виде цифр и с обобщающими словами «много», «мало», перечисления, тяготеющие к удлинению ряда с максимальным приведением видов и перечисления, обрывающиеся обобщающим словом. Подобный синтаксис памятника говорит о психологических характеристиках автора. В общей сложности ему присуща внимательность взгляда, зоркость, хорошая память, ответственность, любознательность, но разный по своему темпу и интенсивности синтаксис говорит о его различных эмоциональных и нравственных состояниях: о различном отношении к описываемым предметам, внутреннем табуировании себя при описаниях, удивлении, восхищении, радости, грусти. Любые наши наблюдения по памятнику приводят к психологическому и мировоззренческому разговору о нём. Это всегда характеризует хорошую и глубокую литературу. По разнообразию и глубине представленных в перечислении элементов выявляется состоятельность этого приёма в «Хожении», важность его роли в построении содержания, ритма и поэтики этого текста.

Ключевые слова: «Хожение за три моря», перечисление, тема, грамматический, поэтика.

---

1. E-mail: gayane.hovhannesyan@ysu.am; https://orcid.org/0009-0009-6320-8988
* Ответственный автор

Введение

Наша статья посвящена рассмотрению перечисления как характерной особенности «Хожения за три моря» Афанасия Никитина. Мы рассматриваем разнообразие перечислений с точки зрения их тематики, структурно-грамматических характеристик, лексического описания. Это и сложность и распространённость конструкций, их оппозиции, интенсивность проявления. При исследовании многообразия перечисления в данном тексте, выявляется глубина содержания, самобытность и своеобразие его поэтики.

Известно, что открывателем «Хожения» был Н. А. Карамзин, великий реформатор русского языка, царский историограф и автор «Истории Государства Российского». Он в свое время восхитился смелостью предприимчивого тверского путешественника Афанасия Никитина, опередившего многих известных путешественников того времени, например, такого как Васко да Гама, не только своим куражом, но и широтой мировоззрения. Пока Васко да Гама искал путь от Африки до Индостана, Афанасий Никитин уже купечествовал на берегу Малабара. После Карамзина памятник издавался и комментировался исследователями той эпохи, также переводился на немецкий и английский языки: был напечатан в «Софийском временнике» П. М. Строевым и в «Сказаниях Русского Народа» И. П. Сахарова. Из работ XIX в. нужно особо выделить и подчеркнуть книги-комментарии филолога-слависта, этнолога И. И. Срезневского «Хожение за три моря Афанасия Никитина в 1466−1472 гг.» и И. П. Минаева, русского востоковеда-индолога, «Старая Индия. Заметки на «Хожение за три моря» Афанасия Никитина». Срезневский пишет: «Как, однако, ни кратки записки, оставленные Никитиным, <...> в них он рисует как человек начитанный, а вместе с тем и как *любознательный наблюдатель* (здесь и в следующей цитате выделено нами – Г.О.), как путешественник-писатель, <...> не хуже своих собратов-торговцев 15-ого века» (Срезневский 1857: 81). И, в свою очередь,

Минаев отмечает: «Предприимчивый тверич Аф.Никитин, несмотря на предполагаемую <...> необразованность, был однако замечательно умный и *наблюдательный* путешественник, <...> в его записках нет и лишних слов, и на всех сообщениях лежит печать толковитости; <...> этот памятник есть краткий, но дельный рассказ весьма умного и *наблюдательного* человека о том, что он видел и слышал. *Многого* Аф. Никитин не касается в своих заметках, о *многом* говорит вскользь, но обо *всем важном* говорит дело» (Минаев 1881. 2). В исследованиях-наблюдениях той эпохи мы видим большее внимание к фактологической информации. Это понятно, поскольку во времена, когда не было еще самолетов, средств быстрого передвижения, информация о зарубежье как своего времени, так и исторического, была особо ценна. Но указанные нами исследователи в своих оценках и характеристиках обязательно выделяют качество Афанасия Никитина, которое мы поставили во главу угла нашего исследования, - наблюдательность, любознательность. Минаев как будто проговаривается в выражениях «многого», «обо всем важном» об одном из основных составляющих элементов памятника: многообразии содержащейся информации. Мы определяем этот аспект как стержневой для памятника в содержательном, стилистическом, структурном, психологическом, мировоззренческом и, почему нет, философском плане. И этот аспект находит в тексте свое выражение в фигуре перечисления, как мы ее называем.

Основная часть

«Хожение за три моря» Афанасия Никитина – оригинальный памятник своей эпохи. Его характеризует непосредственность рассказчика, произведение лишено главной характеристики средневековой древнерусской литературы: оно написано не по канону. Это впечатления человека от всего окружающего, описание во всём многообразии наблюдаемых объектов. Выбор

объектов не задан заранее: он описывает события и людей по мере наблюдения. В интонации «Хожения» прежде всего улавливается стремление автора подробно передать то, что он видит. Предметы, которые он описывает, новы для древнерусской книжности.

Иногда приходится удивляться памяти Никитина, человека, способного запомнить расстояния, количество дней, вещей, людей, животных – цифры, которые он приводит, присутствуют в памятнике в изобилии. Мы не можем с абсолютной точностью сегодня восстановить соответствие этих цифр действительности, однако стремление автора приводить их в своей работе говорит о его желании создать документально верный источник, который был бы интересен читающему. Количественные характеристики в тексте привязывают его к реальности и говорят о внимательном отношении автора к своему труду. В их особом употреблении (об этом мы ещё скажем ниже) отражается и стремление к верности отображения событий и в то же время попытка придать определённую поэтику тексту. Афанасий Никитин показывает себя и как естествоиспытатель, и как путешественник, и как писатель. Любопытно, что памятник раскрывает читателям внешний мир и в то же время внутренний мир автора, его намерения. В этом плане «Хожение» обладает психологической многоплановостью и не является узко только лишь произведением, которое можно отнести к жанру путевых заметок. Квантитативная лексика перерастает в стилистику «Хожения» и выстраивает его определённую структуру.

Формулируя способ передачи событий в древнерусских текстах, академик Д.С. Лихачёв пишет об этом так: «Рассказ о событиях – это *внутренне* упорядоченная их передача. Запись о событиях требует только *внешней* упорядоченности» (Лихачёв 1979. 263).

Мы начали с цифр, однако речь не только о цифрах, но той структуре, частью которой они являются – перечислении. Перечисление в «Хожении»

составляет главную структурную и стилистическую характеристику. Перечисление вообще свойственно древнерусским памятникам. Мы его видим от самых первых памятников – «Слов» митрополитов и до деловых памятников («Русская правда»), житий (в том числе жанра «плетения словес»). Перечисление – одна из главных составляющих старославянской и древнерусской литературы, поскольку свойственна стилю библейских текстов. «Анфиладное нанизывание», как характеризует эту схему Д. С. Лихачёв (Лихачёв 1979. 253), говоря о выстраивании временного пространства в древнерусских текстах. Это горизонтальное нанизывание есть и в писательском принципе Никитина.

У Никитина перечисление несёт совершенно иную, новую для древнерусских памятников информационную и стилистическую нагрузку: Никитин выбирает этот инструмент как способ подробного, достоверного описания, а не как канон, как мы сказали выше.

Афанасий Никитин отправляется в длительное путешествие, следовательно, перечень приводимых им явлений очень широк. Это географические наименования (морей, стран, городов), имена людей, наименования одежды, праздников и обычаев, предметов быта, мер измерения (длины, дальности, времени), перечисление действий и многого-многого другого. Иногда в перечислении может выделяться тема, например, «еда», и её подтемы: агрономическое искусство (к примеру, описание способа выращивания злака), наименования приготовляемых блюд, способ приёма пищи, количество её приёма в течение дня, ритуал вокруг её приёма.

В целом описываемые Никитиным темы можно разделить на две большие группы: физический и духовный мир, образующие вкупе «дуалистический мир "Хожения"», как говорил об этом Б. А. Успенский (Успенский 1996. 381). Физический мир – это описание расстояний, географических объектов и

прочего, духовный – людей, их нравов, поступков, поведения. Б.А. Успенский, цитируя Ю. М. Лотмана, пишет о «Хожении», что «движение в географическом пространстве становится перемещением по вертикальной шкале религиозно-нравственных ценностей» (Успенский 1958. 381). К примеру, в тексте говорится: «А я пошёл в Дербент; а из Дербента в Баку, где огонь горит неугасимый; а из Баку пошёл за море в Чапакур, да тут и жил, в Чапакуре 6 месяцев, да в Сари, в Мазандаранской земле, жил месяц. А оттуда пошёл к Амулю и тут жил месяц, а оттуда к Демавенду, а из Демавенда – к Рею, *тут убили шаха Хусейна Алеевых детей и внучат Мухаммедовых, а он их проклял так, что 70 городов развалилось*» (73).[1] В приведённом предложении некоторые города приводятся без характеристик, простым перечислением, некоторые описывался через длительность времени, какое он в них пребывал, а некоторые получают событийные описания, при этом события передают человеческие характеры: «всё в пространстве связано между собой не только физически, но и эмоционально, нравственно» (Лихачёв 1979. 350). Темы переключаются от абзаца к абзацу, перемежая описание физического и духовного. Например, на стр. 88 мы читаем: «А от Кульбарга пошёл до Кулура, а в Кулуре родится сердолик, и здесь его отделывают, а затем на весь свет оттуда развозят. В Кулуре же проживает 300 алмазников, украшают оружие». Характеристикой местности выбрана деятельность его мастеров. Сначала приводится частная деталь, а потом автор идёт к обобщению – *проживает 300 алмазников, украшают оружие.* Сразу в следующем абзаце мы читаем: «Дабул же весьма большой город, и к нему съезжается всё

1. Текст памятника приводится по изданию «Хожение за три моря Афанасия Никитина», издательство Академии наук СССР, Москва-Ленинград, 1958 г., 302 с. Поскольку мы не анализируем фонетическую или морфологическую сторону текста, то цитируем его по переводу Н.С. Чаева, который содержится в указанном издании. Здесь и далее в скобках будет указана только страница источника.

поморье, Индийское и Эфиопское. И тут я, окаянный рабище бога вышного, творца неба и земли, Афанасий поразмыслил о христианской вере, о крещении Христове, об устроенных святыми отцами заговеньях и о заповедях апостольских и устремился умом пойти на Русь». Фокус внимания переключается от материального к внутреннему миру, от физического, упоминания о дорогих каменьях и изготовлении оружия, к духовному – родной вере и тоске по родине. Далее: «И в той Ефиопской земле был 5 дней. Божией благодатью зло не произошло, много роздали мы ефиопам рису, перцу, хлебов, – и они суда не пограбили» – снова описывается «схождение на землю», обращение к внешнему, физическому миру. Такое переключение тем обогащает памятник информативно, содержательно, эмоционально. Вообще, в памятнике есть двоякая глубина, если говорить не только относительно противопоставления физического и духовного, но и временного плана. Совершенно одно, когда мы читаем перечисление проведённых Никитиным дней в том или ином месте, и совсем другое, если постараться вникнуть в это количество дней и постараться понять, как автор проживал их, «проживать» их вместе с ним. С этой точки зрения «Хожение» может по-настоящему стать для читателя хожением, попыткой приблизиться к автору и к переживаемому им. Второй, истинный временной пласт «Хожения», огромен, сложен и очень глубок. Чего только стоит вот это перечисление дней на стр. 89: «А оттуда плыл 12 дней до Маската… И плыл до Ормуза 9 дней и в Ормузе был 20 дней. Из Ормуза пошёл к Лару и в Ларе был 7 дней. А из Шираза пошёл в Аберкух, 15 дней, а в Аберкухе был 10 дней. А из Аберкуха пошёл к Йезду, 9 дней, а в Йезде был 8 дней. А из Йезда пошёл к Испагани, 5 дней, а в Испагани был 6 дней. А из Испагани пошёл к Кашану, а в Кашане был 5 дней». Тут он прерывает географическое перечисление с приведением дней и начинает перечислять только местности. Представление о количестве проведённых в том или ином месте дней и событиях, происходивших там в каждый из этих

дней – это другой, не известный нам пласт «Хожения», «Хожение» в «Хожении».

Никитин не выстраивает описываемое в симметрии, что говорит о «живости» памятника: автор по чистоте сердечной приводит то, что помнит и в тех подробностях, которые запечатлелись. Однако с другой стороны именно отсутствие этой «нарочитой» стройности создаёт свою естественную структуру и возможные взаимные корреляции тем и структур.

Говоря о структуре, мы имеем в виду грамматическую структуру. Перечисления Афанасия Никитина облачены в следующие грамматические модели:

1) однородные члены предложения – сложносочинённые предложения: *Тогда же у них пашут и сеют пшеницу, рис, горох и всё съестное* (74). – *Тут есть пристанище Ормузское, тут же есть Индийское море* (73). Отметим, что разнообразие соединений в сложном предложении огромно. Это и союзная связь с самыми различными союзами, и бессоюзная связь. В приведённом примере мы видим союз *же* в значении *и*;

2) предложения с союзом «а» в соединительном значении – предложения с союзом «а» в противительном значении: *А князь их – фата на голове, а другая на бёдрах; бояре у них ходят – фата на плече, а другая на бёдрах…* (74). Это противительное значение союза. На основном же пространстве текста союз *а*, повторяющийся постоянно, служит цементирующим материалом и по своей семантике близок к союзу *и*. Они часто перемежаются: ***А*** *в Ормузе был месяц и пошёл оттуда после Великого дня … за Индийское море в таве с конями.* ***И*** *шли мы морем до Маската 10 дней,* ***а*** *от Маската до Дега 4 дня… От Чаула мы пошли в седьмую неделю после Великого дня,* ***а*** *шли от Чаула в таве 6 недель морем* (73);

3) перечисление с приведением цифр – перечисления с описательной лексикой в составе (например, словом «также»): *И из Джунира вышли в день*

Успения Пречистой к Бидару, большому их городу, и шли месяц; а от Бидара до Кулунгира 5 дней, а от Кулунгира до Кульбарги ***также*** *5 дней. Между этими большими городами много других городов, каждый день встречалось по 3 города, а в другой и по 4; сколько ковов, столько и городов* (75);

4) перечисление с распространением, приложением – перечисление без распространения: *И пошли мы к Дербенту в двух суднах: в одном судне посол Хасан-бек да нас, русских, всего 10 человек, а в другом судне 6 москвичей, да 6 тверичей, да коровы, да корм наш* (73). – *Проехали свободно Казань, Орду, Услан, Сарай, Берекезан* (71);

5) перечисления без обобщения – перечисления с обобщениями, подведением итога (слова «все», «много», «мало» и т.д.): *Коней кормят горохом и варят для них рис с сахаром и маслом; рано утром дают им ещё рисовые лепёшки* (74). – *На них ездят и товар иногда возят, -* ***всё*** *делают* (74), *...Привозят их* ***все*** *морем* (74) – обобщения Никитин употребляет при перечислении, связанном с человеческой деятельностью: обобщать может человеческий взгляд;

6) перечисление – его отсутствие, лакуна: *Выше я не все города назвал – много городов великих* (73). Это средство усиления внимания: через не-перечисление среди окружающего обилия этого приёма усиливается образность, автор апеллирует к воображению читателя.

Во взаимодействии тем и грамматических конструкций есть смешанное употребление подвидов. Это отображение в речи мышления, взаимодействие физического и духовного в человеке, о чём мы говорили выше. Мы привели пример с 70 городами, но таких примеров в произведении очень много. Возьмём следующее описание: «*И тут есть пристанище Ормузское; тут же есть Индийское море, по-персидски Индостанское море. И оттуда идти морем до Ормуза 4 мили. А Ормуз находится на острове, и ежедневно дважды заливает его море. Тут я встретил первый Великий день, а пришёл я в*

Ормуз за 4 недели до Великого дня. Выше я не все города назвал – много городов великих. Солнце в Ормузе палящее, может человека сжечь. А в Ормузе был месяц и пошёл оттуда после Великого дня, в Фомину неделю за Индийское море в таве с конями. И шли мы морем до Маската 10 дней; а от Маската до Дега 4 дня; а от Дега к Гуджерату…» (73). Здесь мы видим перечисления с определительным дополнением и без них. Любопытными среди них являются сегменты с цифрой 4. Сначала он измеряет дальность цифрой 4 в составе меры длины – 4 мили – а потом «от Моската до Дега 4 дня» – тут же дальность, географическое расстояние передаёт через меру времени. Во втором случае в описание примешивается целый комплекс представлений, поскольку за 4 дня в пути человек многое переживает и через многое проходит. Между ними ещё одна цифра 4 – «пришёл я в Омруз за 4 недели до Великого дня» – которая тоже передаёт и расстояние, дальность, и внутреннее состояние человека. Внешне интересно совпадение цифр 4. Кажется, что в авторе включён некий фокус ощущения, при котором его передвижение во времени и расстоянии лучше всего передаёт эта цифра. Может также оказаться, что это было его методом запомнить дальность, чтоб впоследствии суметь её передать в своих записях. Но, в любом случае, второе является следствием первого. Визуально для читающего это воссоздаёт в тексте любопытную поэтику и своеобразную эстетику. Всегда остаётся гадать об этом совпадении числа – случайно оно или нет.

В общем для поэтики «Хожения» характерны повторяющиеся и круглые числа. В определённой степени это может отображать мировосприятие «удивляющегося» человека, который путешествует и видит всё время новое. Его представлению и взгляду на вещи может быть свойственна гиперболизация. Это также поэтический взгляд на мир, желание описать мир во всей мощи и многообразии, а также желание произвести впечатление на читателя: «Есть здесь хорасанец Меликтучар, боярин – так у него рати 200

тысяч. А у Мелик-хана – 100 тысяч, а у Харат-хана – 20 тысяч. А у многих же ханов рати по 10 тысяч. С султана рати выходит 300 тысяч. Земля весьма многолюдна; сельские люди очень бедны, а бояре богаты и роскошны; носят их на серебряных носилках и водят перед ними до 20 коней в золотых сбруях; и на конях же за ними 300 человек, да пеших 500 человек, да трубников 10, да литаврщиков 10 человек, да свирельников 10 человек. Султан же выезжает на потеху с матерью и женой, да с ними на конях 10 тысяч человек, да пеших 50 тысяч. А слонов водят 200 человек, наряженных в золочёные доспехи. Да перед султаном идёт 100 человек трубников, да плясунов 100 человек, да коней простых 300 в золотых сбруях, да обезьян за ним 100, да наложниц 100, и все юные девы» (77). Здесь любопытное слияние впечатления от сотенных чисел и десятин – 10 и 10 тысяч, 100 и 100 тысяч – создают калейдоскоп описания мощи, богатства, роскоши. В одном предложении повторяется цифра 10, а в следующем появляется число 10 тысяч, при этом «тысяч» написано словами, что создаёт целостный образ большого количества: 10 тысяч человек в свите султана. Т.е. количеству в 10 передаётся мощь 10 тысяч, по цепной реакции слова «заряжают» друг друга. Как писал Тынянов, «слова в стиховом ряду семантически действуют друг на друга в силу единства и тесноты ряда» (Тынянов 1965, 125). Хотя «Хожение» не стих, но в общем поэтическом смысле это сказанное приложимо к нему, поскольку оно обладает своей поэтикой.

Надо сказать, что перечисление в «Хожении» обладает своими характеристиками как в разрезе целого текста, так и одного периода, абзаца. Абзац выступает как сжатая модель. Концептуально всё перечисление «Хожения» – это есть со- и противопоставление, что генетически одно и то же. Когда приводятся числа 10 и 10 тысяч, одновременно задействуется процедура и сопоставления, и противопоставления: на фоне 10-ти тысяч 10 – это мало, но для класса предметов, где используется число 10 как описательный

инструмент, – это большое количество. Со- и противопоставление диктует соответственную структуру построения периода: соединительные конструкции и противительные. Но, если мы посмотрим на любой из абзацев «Хожения», то увидим, что эти два приёма, переплетаясь, выстраиваются по цепному принципу – чередуясь и перемежаясь. В этом чередовании центром являются слова-доминанты, опорные слова. Например: «В султанов дворец ведёт семеро ворот, а в воротах сидит по сто сторожей да по сто писцов-кафиров: одни записывают, кто войдёт, другие, - кто выйдет; чужестранцев же во дворец не пускают. А дворец его очень красив, всюду резьба да золото, и последний камень вырезан и очень красиво расписан золотом; да во дворце же разные сосуды» (77). Здесь доминантой является слово *дворец*, и вокруг него выстраивается перечисление: *семеро ворот, по сто сторожей да по сто писцов, одни – другие, кто войдёт – кто выйдет, резьба да золото.* Слово «дворец» выступает доминантным центром для группы повторений. Доминанта может формироваться по принципу повтора и центрового расположения, а может – по логическому принципу, принадлежности одному роду (например, семантической группе): «динамика построения текста показывает себя как колебательный процесс», где слова могут осуществлять «колебательное, циклическое и периодическое взаимодействие» (Москальчук 2012. 90). Например, в перечислении «… как Бут чудеса творил, как являлся индийцам во многих образах: первое – в образе человека; второе – в образе человека, но с хоботом слона; третье – человеком в виде обезьяны; четвёртое – человеком в образе лютого зверя. Являлся им всегда с хвостом, а хвост на камне вырезан с сажень» (78). Здесь доминантным является перечисление, внешне, лексически, отображённое в числительных. Другим центром перечисления является слово человек с наращиванием последующего описательного ряда. Любопытна синонимическая замена «*в виде*» и «*в образе*» как избегание тавтологии. Но и употребление выражения «*в образе*» тоже

структурно сложное, хотя на первый взгляд может так не показаться. Автор пишет: «являлся во многих образах» и далее, перечисляя эти *образы* и употребляя одно и то же слово, он использует вариативность возможности его употребления. Это и грамматические различные формы, и приём перестановки, что принципиально меняет содержание, т.е. перестановка не является чисто формальной. В первом случае просто «*в образе человека*», во втором – слово *образ* приводится с распространением – *в каком образе* – «*с хоботом слона*», последнее употребление – «*человек в образе лютого зверя*», т.е. слово «*образ»* здесь вошло уже в состав другой семантической группы: уже не образ человека, а сам человек в образе лютого зверя.

Наблюдение за доминантами текста интересно, поскольку, как выразился об этом Винокур, отображает построение автором его картины мира и «является вербализацией этой картины мира в тексте» (Винокур 1959. 236).

Заключение

Мы привели лишь малую долю того структурного разнообразия, которое лежит в основе рядов перечисления в рассматриваемом памятнике. Их описание возможно, но на большем пространстве научного текста. Главный вывод, который мы делаем, – это констатация многообразия и богатства вариаций языка произведения. Через это своё качество «Хожение» апеллирует к различной глубине читательского восприятия. Оно может быть прочитано и как увлекательное, красочное чтиво, и как произведение, обладающее глубоким психологизмом благодаря имеющемуся в нём компоненту субъективного и объективного описания. Автор всегда о чём-то говорит, а о чём-то проговаривается. Всё зависит от оптики читательского восприятия. Никитин, пусть и не получал филологического образования, однако обладал хорошим чувством языка. При однообразии воспроизводимых моделей он употребляет поразительное множество вариаций и комбинаторики.

Мы рассмотрели некоторые аспекты перечисления как структурообразующей особенности «Хожения за три моря» Афанасия Никитина. При работе над этой темой выявляется её глубина и состоятельность. При разнообразии приведённых нами примеров и опыте подробного и детального их описания, надо сказать, что это лишь малая часть того, что можно сказать о перечислении как важном элементе этого текста. Перечисление играет важную роль в «Хожении» и в плане содержания, и в плане построения поэтики текста.

Литературы

1- Винокур Г.О. (1959). *Избранные труды по русскому языку*, Москва: Учпедгиз, 492 с.

2- Лихачёв Д.С. (1979). *Поэтика древнерусской литературы*, Москва: «Наука», 351 с.

3- Минаев И.П. (1881). *Старая Индия. Заметки на «Хожение за три моря» Афанасия Никитина*, Санкт-Петербург: типография В.С. Балашева, 174 с.

4- Москальчук Г.Г. (2012). *Форма текста как результат тенденции к раздвоению циклической плотности граничных интервалов текста,* Челябинск, Вестник Челябинского государственного университета, N21(275 с.), стр. 89-92.

5- Срезневский И.И. (1857). *Хожение за три моря Афанасия Никитина в 1466-1472 гг.* Санкт-Петербург: типография Императорской Академии наук, 88 с.

6- Тынянов Ю.Н. (1965). *Проблема стихотворного языка*, Москва: «Советский писатель», 140 с.

7- Успенский Б.А. (1996). *Избранные труды. Том I. Семиотика истории. Семиотика культуры.* Москва: «Школа "Языки Русской культуры"», 610 с.

8- *Хожение за три моря Афанасия Никитина 1466-1472 гг.* (1958). Москва-Ленинград: Академия наук СССР, 145 с.

Bibliography

1- Vinokur G.O. (1959). *Izbrannye trudy po russkomu iazyku*, Moskva: Uchpedgiz, 492 s.

2- Likhachev D.S. (1979). *Poetika drevnerusskoi literatury*, Moskva: «Nauka», 351 s.

3- Minaev I.P. (1881). *Staraia Indiia. Zametki na «Khozhenie za tri moria» Afanasiia Nikitina*, Sankt-Peterburg: tipografiia V.S. Balasheva, 174 s.

4- Moskal'chuk G.G. (2012). *Forma teksta kak rezul'tat tendentsii k razdvoeniiu tsiklicheskoi plotnosti granichnykh intervalov teksta*, Cheliabinsk, Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo universiteta, N21(275 s.), str. 89-92.

5- Sreznevskii I.I. (1857). *Khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina v 1466-1472 gg.* Sankt-Peterburg: tipografiia Imperatorskoi Akademii nauk, 88 s.

6- Tynianov Iu.N. (1965). *Problema stikhotvornogo iazyka*, Moskva: «Sovetskii pisatel'», 140 s.

7- Uspenskii B.A. (1996). *Izbrannye trudy. Tom I. Semiotika istorii. Semiotika kul'tury.* Moskva: «Shkola "Iazyki Russkoi kul'tury"», 610 s.

8- *Khozhenie za tri moria Afanasiia Nikitina 1466-1472 gg.* (1958). Moskva-Leningrad: Akademiia nauk SSSR, 145 s.

HOW TO CITE THIS ARTICLE
Hovhannesyan Gayane (2025). LISTING AS A DESCRIPTIVE MEANS IN «VOYAGE BEYOND THREE SEAS» OF AFANASY NIKITIN: THEME AND STRUCTURE. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, 13*(1), 213-229.
DOI: 10.66224/iarll.25.11
URL: https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/341

فهرست شمارشی به‌عنوان ابزار توصیفی در «گذر از سه دریا» اثر آفاناسی نیکیتین: مضمون و ساختار

گایانه آگاناسیان[1]*
استادیار، دانشگاه دولتی ایروان،
ایروان، ارمنستان

(تاریخ دریافت: اکتبر ۲۰۲٤؛ تاریخ پذیرش: ژانویه ۲۰۲۵)

چکیده

در این مقاله به بررسی فهرست شمارشی به عنوان یک ابزار مهم، ویژه و متن‌ساز در سفرنامه «گذر از سه دریا» اثر آفاناسی نیکیتین پرداخته می‌شود. در اثر مذکور، فهرست در سطح محتوا و مضامین و نیز در سطح ساختار ویژگی‌های خاص خود را داشته و در هر دو مورد تنوعی غنی از عناصر تشکیل‌دهنده وجود دارد. مضامین موجود در این اثر با تنوع و غنای بسیار به دو دسته تقسیم می‌شود: توصیف دنیای فیزیکی و توصیف دنیای معنوی. این تقسیم‌بندی در ادبیات علمی سفرنامه «گذر از سه دریا» ذکر شده است. در این اثر، ترکیب این مضامین در یک بافتار واحد و ویژگی‌های توالی آنها بررسی می‌شود. درخصوص ساختار دستوری فهرست‌ها، جنبه‌هایی مانند سادگی و پیچیدگی ساخت‌ها، عدم و وجود توزیع آنها، وجود عناصر و ابهام و همچنین محتوای واژگانی و عملکرد تقابل‌های واژگانی، تکرار کلمات، جایگزینی با کلمات مترادف، تکرار ریشه، استفاده از کلمات متضاد مورد توجه قرار می‌گیرد. ویژگی‌های فهرست‌های شمارشی در ظاهر به طول و کوتاهی یک سلسله خلاصه می‌شود. اینها فهرست‌هایی با اجزای همگن و با یک بند فرعی در ترکیب، دارای ویژگی‌های کمی به صورت اعداد و با کلمات تعمیم‌دهنده «زیاد» و «کم» هستند. همچنین فهرست‌های موجود، فهرست‌هایی متمایل به طولانی‌شدن سری با حداکثر کاهش نوع و نیز فهرست‌هایی با یک کلمه تعمیم‌دهنده تلقی می‌شوند. این ویژگی نحوی از اثر، حکایت از ویژگی‌های روان‌شناختی نویسنده دارد. به طور کلی، دقت‌نظر، تیزبینی، حافظه خوب، مسئولیت‌پذیری، کنجکاوی مختص نویسنده اثر بوده، اما نحو متفاوت در سرعت و اثربخشی، حالات عاطفی و اخلاقی متفاوت وی را بیان می‌کند: نگرش‌های متفاوت نسبت به موضوعات توصیفی، تابوی درونی خود در هنگام توصیف، تعجب، تحسین، شادی، غم؛ یعنی هر یک از مشاهدات ما از این اثر منجر به گفتگوی روانی و ایدئولوژیک در مورد آن می‌شود. این موضوع همیشه اثر خوب و عمیق را توصیف می‌کند. تنوع و عمق عناصر موجود در فهرست‌ها، اعتبار این ابزار در «سفرنامه» و اهمیت نقش آن را در ساختن محتوا، ریتم و سخن‌شناسی متن آشکار و روشن می‌سازد.

واژگان کلیدی: «گذر از سه دریا»، شمارش، موضوع، دستور زبان، نظریه شعر (سخن‌شناسی).

---

* نویسنده مسئول
1. E-mail: gayane.hovhannesyan@ysu.am; https://orcid.org/0009-0009-6320-8988

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 231-249
DOI: 10.66224/iarll.25.12
Article No.: 25.121.202502.231249 *Scientific Article*

SEMINAL CONTENT OF PREPOSITIONS-APPROXIMATORS IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND THEIR CORRELATES IN THE PERSIAN LANGUAGE

Estiri Majid[1*]
Assistant professor, Gonbad Kavous University,
Gonbad Kavous, Iran

(date of receiving: July, 2024; date of acceptance: November, 2024)

Abstract

The article is devoted to the consideration of the semantic content of units of the approximate type, i.e. prepositions-approximators in the Russian language and their correlates in the Persian language. In the Russian language, prepositions-approximators are used in situations characteristic of them, but in the Persian language the lexical meaning of approximation is expressed by synonymous words حدود، نزدیک، تا، حوالی, between the meanings of which there is no specific boundary. Also, the same Persian word with the meaning of approximate can be expressed by different Russian prepositions, the use of which can cause difficulties of a different nature for Iranian students. Thus, the noun حدود with the meaning of approximate can be expressed by prepositions-approximators около, с, под, порядка. The work pays special attention to the problem of distinguishing prepositions-approximators with the meanings of indefinite quantity, approximate quantity and probable quantity, the content side and features of the functioning of which have not yet been studied significantly in the Russian language in comparison with the Persian language. In the article, based on the visual method, visual means of the scale and the starting point on it, prepositions-approximators are systematized and ordered, their precise explanations of semantic content are given, the methods of their expression in the Persian language are studied in order to promote the conscious assimilation of prepositions-approximators by Iranian students of Russian. The novelty of the article lies in the fact that not only for the first time in Iranian Russian studies are prepositions-approximators compared with each other in relation to the point of reference and in terms of their semantic content, but also their Persian correlates are being studied. The results of the study can be applied to optimize methods of teaching prepositions-approximators in Iranian audiences and, accordingly, to further neutralize typical mistakes of Iranian Russian students and translators.

Keywords: Prepositions-Approximators, Correlates, Starting Point, Russian Language, Persian Language.

1. E-mail: m.estiri@gonbad.ac.ir; https://orcid.org/0000-0003-0014-4330 * Corresponding author

Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, Vol. 13, Issue 1, 2025, Pp: 231-249
DOI: 10.66224/iarll.25.12
Article No.: 25.121.202502.231249 *Статья научная*

СМЫСЛОВОЕ СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЛОГОВ-АППРОКСИМАТОРОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ И ИХ КОРРЕЛЯТЫ В ПЕРСИДСКОМ ЯЗЫКЕ

Эстири Маджид[1*]
Ассистент профессора, университет Гонбад-Кавус,
Гонбад-Кавус, Иран

(дата получения: июль 2024 г.; дата принятия: ноябрь 2024 г.)

Аннотация

Статья посвящена рассмотрению смыслового содержания единиц типа приблизительности, то есть предлогов-аппроксиматоров в русском языке и их коррелятов в персидском языке. В русском языке предлоги-аппроксиматоры употребляются в характерных для них ситуациях, однако в персидском языке, лексическое значение приблизительности выражается синонимическими словами как حوالی حدود، نزدیک، تا, среди значений которых отсутствует конкретная граница. Также одно и то же персидское слово со значением приблизительности способно выражаться разными русскими предлогами, употребление которых может вызывать трудности различного характера у иранских студентов. Так, существительное حدود со значением приблизительности может выражаться предлогами-аппроксиматорами *около, с, под, порядка.* В работе особое внимание уделено проблеме разграничения предлогов-аппроксиматоров со значениями *неопределенного количества*, *приблизительного количества* и *вероятного количества*, содержательная сторона и особенности функционирования которых значительно еще не изучены в русском языке в сравнении с персидским языком. В статье на основе наглядного метода визуальными средствами шкалы и точки отсчета на ней систематизированы и упорядочены предлоги-аппроксиматоры, даны их объяснения содержания, изучены способы их выражения в персидском языке с целью способствовать осознанному усвоению предлогов-аппроксиматоров иранскими студентами-русистами. Новизна статьи заключается в том, что не только впервые в иранской русистике предлоги-аппроксиматоры сопоставляются друг с другом по отношению к точке отсчета на шкале и с точки зрения их смыслового содержания, но и изучаются их персидские корреляты. Результаты исследования могут быть применены с целью оптимизации методов преподавания предлогов-аппроксиматоров в иранской аудитории и, соответственно, для дальнейшей нейтрализации типичных ошибок иранских студентов-русистов и переводчиков.

Ключевые слова: Предлог-Аппроксиматор, Корреляты, Точка Отсчета, Русский Язык, Персидский Язык.

---

1. E-mail: m.estiri@gonbad.ac.ir; https://orcid.org/0000-0003-0014-4330 * Ответственный автор

Введение

Концептуализация и категоризация термина количества являются одной из наиболее обширных и многоаспектных категорий мышления. Важность данного термина настолько велика, что ученые различных научных областей, в том числе лингвистики исследовали различные его аспекты и смысловое содержание его языковых средств. Языковая категория количества имеет разные характеристики, поэтому такие аспекты данной категории, как неопределенно большое количество, неопределенно малое количество, аппроксимированное количество, приблизительность количества, выражение количества при помощи существительных и т.д. изучены рядом исследователей. В естественном языке количественный аспект объективирован единицами разных уровней – фонетического, морфологического и синтаксического. Каждый языковой уровень по-своему соотносится с категорией количества. В данной работе изучен один из количественных аспектов, аппроксимация или приблизительность, на морфологическом уровне.

Основная часть

Аппроксимация как один из аспектов языковой категории количества вызывает особый интерес ученых-лингвистов. Понятие аппроксимации со значением приблизительности было использовано в математике и геометрии (Александрова 2012. 38). Аппроксимация в общем понятии обозначает приблизительность, относительность и подобие свойств одних объектов по отношению к свойствам исходных объектов. Формирование концепта аппроксимации происходит тогда, когда в сознании человека не существует четкого и конкретного структурированного знания. Цель использования таких языковых единиц носителями любого языка – приблизительное описание предметов и явлений окружающего мира.

В современной науке понятие аппроксимации расширено и помимо философии, логики, социологии, биологии оно перешло также в лингвистику и приобрело междисциплинарный характер. Аппроксимация в лингвистике трактуется как неточное, приблизительное знание, используемое для объяснения таких понятий, о которых имеется частичное или неверное представление, а также для упрощения, адаптации или интерпретации информации (Александровна 2012. 39). Приблизительность относится к проблемным количественным значениям, так как не находит конкретную позицию в системе количественных отношений. В русском и персидском языках средства выражения приблизительного описания предметов и явлений окружающего мира разнообразные. Такие средства употребляются в том случае, если выраженное значение языковой единицы только сходно, но не тождественно тому значению, которое индивид хочет адекватно вербализовать. Данные языковые средства обладают общим лексическим и концептуальным значением и на этом основании объединяются в единую систему − языковую категорию аппроксимации (Маюк 2012. 102). Языковые средства, обладающие в своем лексическом значении семой приблизительности и объединяющиеся в категорию аппроксимации, представляют собой предлоги *(около, до, под, с, порядка, за, свыше, от…до…),* наречия *(примерно, приблизительно, почти, менее, более и др.)*, образования фразеологического характера *(без малого, с лишним, с небольшим, с хвостиком и т.д.),* конструкции с порядковыми числительными *(она скончалась на семидесятом году своей жизни)*, инверсия *(я приду в часа три)* и уменьшительные слова *(часок, годочек).*

В современных ресурсах персидского языка языковые средства со значением приблизительности конкретно не упомянуты, однако на основе мнений таких лингвистов как Ю.А. Рубинчика и Х. Фаршидвард они могут выражаться существительными как حدود, предлогами حوالی, نزدیک; наречиями

как *بیش از*, вспомогательным глаголом *داشتن (داشتم می‌افتادم)*, уменьшительными словами *(شهرک)*, именами с артиклем *(درختی شش)*, подряд количественными числительными *(یک دو روز)* (Рубинчик 2001. 189, Farshidvard 2005. 407).

Рассмотрев способы выражения категории аппроксимативности в русском языке в сопоставлении с ее эквивалентами в персидском языке, Р. Хасан-заде заявляет, что в персидском языке вопрос о количественной приблизительности почти не изучен так (Хасан-зеде 2021. 216).

Л.Д. Чеснокова с учетом отношения слов приблизительности к понятию точки отсчета, распределяет их на три группы, указывающие на: 1) начальный предел как *более, свыше*; 2) конечный предел как *до, не более*; 3) срединную точку отсчета как *примерно, около* (Чеснокова 1982. 26). С.Р. Маджидов выделяет восемь семантических групп слов приблизительности со значениями 1) «больше точки отсчета» *(свыше)*, 2) «больше или равно точке отсчета» *(не меньше)*, 3) «меньше точки отсчета» (*почти*), 4) «меньше или равно точке отсчета» *(до)*, 5) «меньше, больше или равно точке отсчета» *(приблизительно)*, 6) «между двумя точками отсчета» *(между)*, 7) «больше или равно одной точке отсчета, меньше или равно другой точке отсчета» *(от ... до…)*, 8) «одно из двух» *(или)* (Маджидов 2009. 121-122).

Методология исследования

Материалом данного исследования послужили предложения, отобранные автором представленного исследования методом сплошной выборки из русско-персидского словаря Г.А. Восканяна (Восканян 2008), включающего 32 тыс. слов, и национального корпуса русского языка (НКРЯ). Также материалом для исследования применены типичные повторяющиеся ошибки иранских студентов, собранные в процессе преподавания грамматики русского языка в университетах Гонбад-Кавус, Боджнорд, Мазандаран на протяжении 2011−2024 годов на начальном, среднем и продвинутом уровнях.

Работа построена на следующих исследовательских методах:

- метод сплошной выборки, при котором примеры отобраны для анализа и иллюстрации теоретических положений;
- сопоставительный метод, используемый при сопоставлении русских предлогов-аппроксиматоров с их персидскими коррелятами.
- наглядный метод, нацеленный на решение изучения предлогов-аппроксиматоров наглядным средством, то есть шкалой и точкой отсчета.

Результаты и обсуждение

Чтобы систематизировать и упорядочить слова предлогов-аппроксиматоров, следует дать точные объяснения смыслового содержания предлогов-аппроксиматоров и демонстрировать их визуальными средствами, в том числе шкалой и точкой отсчета на ней. Такие визуальные средства играют значительную функцию в обучении, помогая студентам-русистам лучше усваивать значение аппроксимации, делая обучающий процесс более понятным. Для этого предлоги-аппроксиматоры разделены автором на три группы на основе точки отсчета. Данная работа сосредоточена на предлогах со значением приблизительности, разграничение значений которых возникает разнообразные трудности у иранских студентов-русистов.

1. Первая группа аппроксиматоров-предлогов по отношению к приблизительности выражает значение *меньше точки отсчета*. Данные отношения приблизительности обозначаются предлогами *около, до, под, с* и *порядка.*

1.1. Предлог *около.* Предлог-аппроксиматор *около* употребляется при обозначении примерной, приблизительной величины, протяженности, длительности и т.п. Также он употребляется при обозначении времени, незадолго до которого, близко к которому происходит действие.

Количественно-именное сочетание с предлогом *около* имеет схему *около + числительное + название количественно-определяемого предмета*. В этом значении, в качестве количественного слова, кроме определенно-количественного числительного, предлог *около* способен сочетаться с дробными и порядковыми числительными.

***Около** семи часов вечера я гулял на бульваре. (М.Ю. Лермонтов, Герой нашего времени)* – **حدود** ساعت هفت شب در بلوار می‌چرخیدم.

*Я сидел в березовой роще осенью, **около** половины сентября. (И.С. Тургенев, Записки охотника)* - من در پاییز، **حدود** نیمی از سپتامبر را، در بیشه توس نشسته بودم.

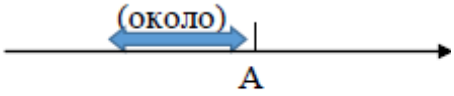
***Около** полуночи бабушка ласково разбудила меня. (М. Горький, В людях)* - **حوالی** نیمه شب، مادربزرگ به آرامی مرا از خواب بیدار کرد.

*Прошло уже **около** часа с той поры, как я очнулась в собственной гостиной. (Игра в кошки-мышки, Е.М. Малиновская)* - **حدود** یک ساعت است که در اتاق نشیمن خودم از خواب بیدار شده‌ام.

*Население города составляло **около** десяти тысяч человек в 1870 году, а за тридцать лет оно увеличилось на пятнадцать тысяч.* - جمعیت شهر در سال ۱۸۷۰ **حدود** ده هزار نفر بود و در عرض سی سال پانزده هزار نفر افزایش یافت.

С учетом отношения предлога-аппроксиматора *около* к понятию *«точка отсчета»,* данный предлог относится к семантической группе со значением *меньше точки отсчета*. Предлог-аппроксиматор *около* с данным значением выражается в персидском языке словами حدود, نزدیک, حوالی.

Значение предлога-аппроксиматора *около* со значением *меньше точки отсчета* можно показать на следующей шкале, в которой точка А считается точкой отсчета.



шкала 1

На шкале показано, что количественные характеристики предметов и явлений окружающей действительности не достигают точки А.

1.2. Предлог *до.* Предлог-аппроксиматор *до* со значением *около* и *приблизительно* указывает на возможность достижения какого-то количественного предела. Конструкции с данным предлогом обозначают предел, границу объекта (веса, скорости, объема и т.д.). Количественно-именное сочетание с предлогом *до* имеет схему *до + числительное + название количественно-определяемого предмета*. В данной схеме в качестве числительного могут выступать количественные, дробные, порядковые и собирательные числительные.

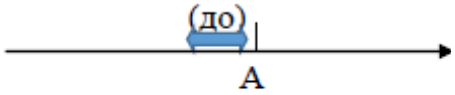
Зал вмещает до 1000 человек. (Г.А. Восканян, Русско-персидский словарь,) – *سالن* ***تا (نزدیک، حدود)*** *هزار نفر ظرفیت دارد.*

Остров узок, местами ***до*** *одного километра. (Неделя, 1970)* – *جزیره کوچک است تا حدی که بعضی از نقاط آن* ***حدودا*** *به یک کیلومتر می‌رسد.*

Детям ***до*** *16 лет вход воспрещается. (Г.А. Восканян, Русско-персидский словарь)* - *ورود بچه‌های* ***تا*** ١٦ *سال ممنوع است.*

Эта квартира обойдётся ***до*** *пяти тысяч рублей.* – ***(تقریبا) حدودا*** *این واحد پنج هزار روبل آب می‌خورد.*

Предлог-аппроксиматор *до* относится к семантике *меньше точки отсчета*, в котором действие не доходит до конкретного предела. Значение предлога-аппроксиматора *до* со значением *меньше точки отсчета* показывается на следующей шкале, на которой А является точкой отсчета, то есть пределом.



шкала 2

В предлоге *до* со значением *около, приблизительно* предел действия считается существенным показателем. В персидском языке данный предлог со

значением *около* и *приблизительно* выражается словами *حدود, حدودا, نزدیک, تا, تقریبا,* среди которых предлог *تا,* более ярко выражает смысловые нюансы предела действия.

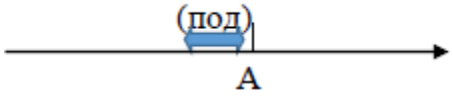
1.3. Предлог *под.* Предлог-аппроксиматор *под* (Восканян 2008. 448) обозначает приблизительно, чуть меньше чего-либо, несколько меньше какого-либо количества, какой-либо меры. Предлог *под* при приблизительном обозначении количества употребляется со словами о весе, возрасте и других количественных характеристиках, но, в первую очередь, при выражении возраста и вообще выше сорока. Количественно-именное сочетание с предлогом *под* имеет такую схему: *под + количественное числительное + название количественно-определяемого предмета*:

*В комнату вошел мужчина лет **под** сорок. (И.С. Тургенев, Новь) – مردی **حدودا** چهل ساله وارد اتاق شد.*

*Онассис не красавец, он далеко не молод, ему уже **под** семьдесят. (Неделя, 1971) – اناسیس خوش‌تیپ نیست، او خیلی جوان نیست و **نزدیک** هفتاد سالش است.*

*Человек был, наверное, ровесником того бойца, кто встретил Синцова: ему было тоже **под** сорок. (К.М. Симонов, живые и мертвые) - این مرد احتمالاً هم سن‌وسال مبارزی بود که سینتسف را ملاقات کرد: او نیز **حدودا** چهل ساله بود.*

По отношению к точке отсчета предлог-аппроксиматор *под* проявляет отношение к семантике меньше точки отсчета А:



шкала 3

Эта шкала показывает, что квантитативный смысл приближается к какому-то пределу, но не достигает его. Предлог-аппроксиматор *под* в значениях *около* и *приблизительно* выражается в персидском языке словами *حدود, حدودا, نزدیک.*

1.4. Предлог *с.* Предлог *с* в винительном падеже (Восканян 2008. 607-608) употребляется для обозначения количественных отношений со значением приблизительности в следующих случаях:

А. в сочетании с числительными *треть, четверть, пол, один, сто, полтора, тысяча, миллион*.

У ней было рублей ***с*** *тысячу. (Ф.м. Достоевский, Неточка Незванова) –* او ***تقریبا*** هزار روبل داشت.

В аттестате его сказано было, что он знает ***с*** *дюжину наук, да с полдюжины древних и новых языков. (И.А. Гончаров, Обыкновенная история)* داخل گواهی‌اش گفته شده بود که او ***تقریبا*** دوازده علم و سه زبان قدیمی و جدید می‌داند.–

Поболтав ***с*** *полчаса, гости ушли. (Д.Н. Мамин-Сибиряк, Горное гнездо) –* مهمان‌ها پس از اینکه ***حدودا*** نیم ساعت صحبت کردند، رفتند.

Предлог *с* в этом значении выражается словами *تقریبا, حدودا* и *حدود* в персидском языке.

Б. в сочетании со единицами измерения интервалов времени и пространства без числительного:

С *минуту простояли молча.(М.А. Шолохов, Тихий Дон) –* ساکت ***یک دقیقه‌ای*** ایستادند.

С *неделю я с ним отдохнула. –* ***یک*** هفته‌ای با او استراحت کردم.

Они проехали молча ***с*** *километр. (К.М. Симонов, Живые и мертвые) –* ***یک*** کیلومتری در سکوت رانندگی کردند.

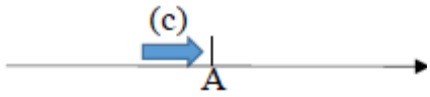
Там было груза весом ***с*** *тонну. -* آنجا محموله‌ای به وزن ***تقریبا*** یک تن بود.

Мы были вместе ***с*** *час. (Г.А. Восканян) –* ***یک ساعتی*** با هم بودیم.

Он пробыл там с месяц. (Г.А. Восканян) – ***یک ماهی*** آنجا ماند.

Предлог *с* со значением приблизительности, как сказано выше, передается с помощью такой схемы *ек + единица измерения интервалов времени или пространства + "и"*или словами *تقریبا* и *حدودا*.

Предлог *с* в вышеуказанных сочетаниях со значением приблизительности можно показать на следующей шкале:



шкала 4

Предлог-аппроксиматор *с* со значением приблизительности относится к семантике меньше точки отсчета, которая не превышает точку А.

1.5. Предлог *порядка*. Предлог-аппроксиматор *порядка* в последнее время активно используется в квантитативных конструкциях и обозначает приблизительное количество, приблизительно равный чему-л., точнее, относится к семантике *меньше точки отсчета*. Хотя такие филологи как А.Н. Гвоздев и С.И. Виноградов осуждают конструкции с предлогом *порядка* как ненужные и ненормативные для языка и, на их взгляд, такие предложные конструкции не вносят какой-то новый оттенок и не обогащают язык, однако в русском узусе к концу XX в. данный предлог стал очень популярным и получил словарную фиксацию [Рябушкина 2011. 35]. Наследуя семантику существительного *порядок,* предлог-аппроксиматор *порядка* в соответствии с существующим *порядком* обозначает количество не как что-то приблизительное и примерное, называются совсем не случайные цифры, границы чего-либо упорядоченного:

Расстояние до Земли будет ***порядка*** *десятков миллионов. (С.В. Рябушкина) – فاصله تا زمین* ***حدود*** *ده‌ها میلیون خواهد بود.*

Потребуется создать аппараты, летающие со скоростями ***порядка*** *скорости света. (Р.Г. Перельман, звездные корабли) -* *ساخت وسایلی که* ***تقریبا*** *با سرعتی برابر با سرعت نور پرواز می‌کنند، ضروری خواهد بود.*

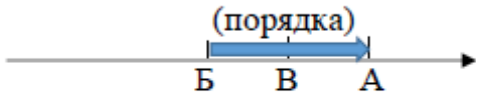
Сегодня доля военных расходов в общей структуре бюджета составляет ***порядка*** *29 %. (Известия, 2001) -* *امروزه سهم هزینه‌های نظامی در ساختار کلی بودجه،* ***حدود*** *۲۹ درصد است.*

Благодаря этому производству мы сможем еще ***порядка*** *более двухсот рабочих мест создать. (С.В. Рябушкина) –* *به لطف این تولید می‌توانیم* ***حدود*** *دویست شغل دیگر ایجاد کنیم.*

Персидские эквиваленты данного предлога являются *حدود*,*حدودا* и *تقریبا*, которые в сопоставлении с предлогом *порядка* не выражают смысловые нюансы *приблизительности*; то есть семантику существительного *порядок.*

Количественно-именное сочетание с предлогом *порядка* имеет схему *порядка + числительное + название количественно-определяемого предмета*. Кроме количественных числительных, данный предлог употребляется в сочетании с собирательными и порядковыми числительными.

На следующей шкале точки Б и В считаются неслучайными цифрами, а точка А – точка отсчета.



шкала 5

2. Вторая группа предлогов-аппроксиматоров, то есть *за* и *свыше*, по отношению к приблизительности выражает значение *больше точки отсчета*.

2.1. Предлог *за*: Предлог *за* с винительным падежом может обозначать больше точки отсчета, превышение какой-либо меры, количества.

Это был худой, длинный, жилистый, большой физической силы человек; на вид ему было ***за*** *тридцать. (К.М. Симонов, Живые и мертвые) -* *او مردی لاغر، دراز، عضلانی و با قدرت‌بدنی بالا بود: ظاهرا* ***بیشتر*** *از سی سال سن داشت.*

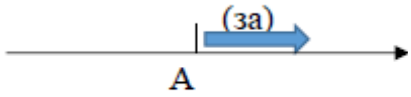
Бой перешёл уже ***за*** *четвёртые сутки. (К.М. Симонов, От Чёрного до Баренцева моря) –* *نبرد* ***بیشتر*** *از چهار روز شد.*

*Лежат двое бойцов в снегу. Шлемы подобраны, хотя мороз **за** двадцать градусов. (С. Диковский, Товарищ начальник)* - *دو جنگجو داخل برف دراز کشیده‌اند. اگرچه دمای هوا از منفی بیست درجه **بیشتر** است، اما آنها کلاه‌شان را برداشته‌اند.*

*Этому бодрому и счастливому человеку **за** девяносто. (Неделя, 1971)* - *این شخص بشاش و خوشبخت **بیش از** نود سال سن دارد.*

*Число пройденных километров перевалило **за** три тысячи.(Ефремов, Бухта радужных струй)* – *تعداد کیلومترهای طی شده از سه هزار **تجاوز کرد**.*

Количественно-именное сочетание с предлогом *за* имеет схему *за + числительное + название количественно-определяемого предмета*, в которой название количественно-определяемого предмета может быть удалено. Предлог-аппроксиматор *за* проявляет отношение к семантике *больше точки отсчета* на следующей шкале:



шкала 6

Согласно этой шкале количественная характеристика предметов и явлений окружающей действительности превышает точку отсчета (точку А). Предлог-аппроксиматор *за* в значениях больше точки отсчета, превышение какой-либо меры выражается в персидском языке словами *بیش از, بیشتر از*. Существуют случаи, когда указанный предлог передается сложными глаголами *تجاوز کردن*, *بیشتر بودن*. В качестве количественного слова, кроме определенно-количественного числительного, могут выступать дробные числительные.

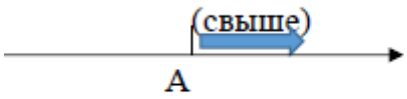
2.2. Предлог *свыше.* Предлог-аппроксиматор *свыше*, выражая приблизительные отношения, имеет значение несколько выше какого-л. количества, какой-л. меры.

*Однако, это было **свыше** его сил. (А.И. Солженицын, В круге первом)* – *اما این **فراتر** از توان او بود.*

*С помощью наших специалистов уже построено **свыше** 2000 километров автомагистралей. (Неделя, 1966/51,2)* - **بیش از** ۲۰۰۰ کیلومتر بزرگراه با کمک متخصصان ما ساخته شده است.

*В совхозах Ростовской области пало **свыше** двух миллионов голов птицы. (Правда, 5 сент. 1968)* - **بیش از** دو میلیون پرنده در مزارع دولتی منطقه روستوف تلف شدند.

Данный предлог употребляется, скорее всего, в официально-деловом стиле. В персидском языке он выражается словами *فراتر از, بیش از*, которые также применяются в официальном стиле и словом *بیشتر از*, используемым в нейтральном. По отношению к точке отсчета (точка А), квантитативный смысл предлога *свыше* превышает эту точку:



шкала 7

Предлог *свыше*, сочетаясь с количественными и дробными числительными, имеет такую схему: *предлог свыше + числительное + название количественно-определяемого предмета.*

3. Третья группа предлогов-аппроксиматоров *от… до…* по отношению к приблизительности выражает значение *между двумя пределами*.

3.1. Сочетание предлогов *от…до…* Состав предлогов *от…до…* в сочетании с числительными образует особую группу приблизительных конструкций, в которой демонстрированы нижний и высший пределы количества и значение квантитативного смысла приблизительности возможно только между этими двумя пределами. В персидском языке сочетание предлогов *от… до…* передается предлогами *از...تا...*, которые также выражают нижний и высший пределы количества и разные степени смысла

приблизительности возможны только между этими двумя пределами. В упомянутом значении при переводе, предлог *از (от),* обозначающий нижний предел количества, может быть удален из предложения.

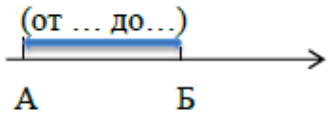
Жертвами стали в основном молодые люди в возрасте ***от*** *20* ***до*** *30 лет. (Неделя, 1971) -* قربانیان عمدتاً جوانان ۲۰ **تا** ۳۰ ساله بودند.

Лед может быть ***от*** *4-х* ***до*** *5-и км. в глубину. –* عمق یخ می‌تواند چهار **تا** پنج متر باشد.

В 1918 году появился новый вирус, который убил ***от*** *50* ***до*** *100 миллионов человек. –* در سال ۱۹۱۸ ویروس جدیدی ظاهر شد که ۵۰ **تا** ۱۰۰ میلیون نفر را از بین برد.

В течение одного дня, согласно исследованиям, вам могут солгать где-то ***от*** *10* ***до*** *200 раз. (П. Мейер, Как распознать ложь) –* طبق تحقیقات در طول یک روز تقریبا ۱۰ **تا** ۲۰۰ بار می‌توانند به شما دروغ بگویند.

На шкале состав предлогов *от…до…* с приблизительными отношениями показывается таким образом:



шкала 8

На шкале точка А – нижний предел, а точка Б – высший.

Заключение

Результаты проведенного исследования показали, что как в русском, так и в персидском языке приблизительные количественные отношения могут обозначать различные языковые средства, в том числе предлоги, однако дистрибуция конструкций, выражающих значение приблизительности, неодинакова. Также, в русском и персидском языках функция предлогов-аппроксиматоров в передаче семантической роли приблизительности не всегда

одинакова. Сравнение предлогов-аппроксиматоров со значением приблизительности подтверждает факт, что русские предлоги в сравнении со своими персидскими эквивалентами описывают более конкретно смысловые нюансы приблизительности, другими словами, для выражения значения приблизительности в русском языке существует богатое разнообразие значений, образующих лексико-грамматическое поле приблизительности. Чтобы избежать вызванных иранскими студентами ошибок, выделены семантические компоненты предлогов-аппроксиматоров в сочетании с другими словами. Согласно точке отсчета на шкале предлоги со значением приблизительности разделены на три группы: в первой группе пять предлогов обозначают *меньше точки отсчета*, во второй группе два предлога − *больше точки отсчета* и в третьей один предлог − *между двумя пределами*. К перспективам исследования относится дальнейшее научное исследование в аспекте корректировки, предупреждения и искоренения трудностей, связанных с переводом предлогов со значением приблизительности с персидского языка на русский и при обучении РКИ.

Литература

1- Александрова А.А. (2012), *Реализация категории аппроксимации в тексте пародии,* Известия Российского государственного педагогического университета имени А.И. Герцена, № 153 (1), С. 38-44.

2- Восканян Г.А. (2008), *Русско-персидский словарь,* Тегеран: АСТ: Восток-Запад. 868 с.

3- Маджидов С.Р. (2009), *О семантико-функциональных особенностях слов приблизительности в русском языке,* Вестник ТГПИ, Гуманитарные науки, № 2, С. 58-62.

4- Маюк Е.П. (2012), *Аппроксимация: лексико-семантические признаки категории квантитативности в белорусском и английском языках,* Профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам: сборник материалов VI научно-практической конференции, Екатеринбург, С. 101-107.

5- Рубинчик Ю.А. (2001), *Грамматика современного персидского литературного языка,* Москва: Восточная литература. 600 с.

6- Рябушкина С.В. (2011), *О прагмасемантике отыменного предлога порядка,* Вестник МГОУ. Серия «Русская филология», № 5, С. 34-39.

7- Хасанзаде Р. (2021), *Способы выражения категории аппроксимативности в русском языке в сопоставлении с ее эквивалентами в персидском языке,* Исследовательский журнал русского языка и литературы, Том 9. Номер 1, С. 201-219.

8- Чеснокова Л.Д. (1982), *Категория неопределенного множества и семантические формы мысли, Семантика грамматических форм:* межвуз. сб. науч. тр. Ростовский-на-Дону государственный педагогический институт: *РГПИ.* С. 21-31.

9- Farshidvard Kh. (2005), *Contemporary detailed grammar,* Tehran: Sokhan publ. 703 p.

Bibliography

1- Aleksandrova A.A. (2012), *Realizaciya kategorii approksimacii v tekste parodii,* Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A.I. Gercena*,* № 153 (1), S. 38-44.

2- Voskanyan G.A. (2008), *Russko-persidskij slovar',* Tegeran: AST: Vostok-Zapad. 868 s.

3- Madzhidov S.R. (2009), *O semantiko-funkcional'nyh osobennostyah slov priblizitel'nosti v russkom yazyke,* Vestnik TGPI, Gumanitarnye nauki, № 2, S. 58-62.

4- Mayuk E.P. (2012), *Approksimaciya: leksiko-semanticheskie* priznaki kategorii kvantitativnosti v belorusskom i anglijskom yazykah, Professional'no-orientirovannoe obuchenie inostrannym yazykam: sbornik materialov VI nauchno-prakticheskoj konferencii*,* Ekaterinburg, S. 101-107.

5- Rubinchik Yu.A. (2001), *Grammatika sovremennogo persidskogo literaturnogo yazyka,* Moskva: Vostochnaya literatura. 600 s.

6- Ryabushkina S.V. (2011), *O pragmasemantike otymennogo predloga poryadka,* Vestnik MGOU. Seriya «Russkaya filologiya», № 5, S. 34-39.

7- Hasanzade R. (2021), *Sposoby vyrazheniya kategorii approksimativnosti v russkom yazyke v sopostavlenii s ee ekvivalentami v persidskom yazyke,* Issledovatelskij zhurnal russkogo yazyka i literatury, Tom 9, Nomer 1. S. 201-219.

8- Chesnokova L.D. (1982), *Kategoriya neopredelennogo mnozhestva i semanticheskie formy mysli, Semantika grammaticheskih form:* mezhvuz. sb. nauch. tr. Rostovskij-na-Donu gosudarstvennyj pedagogicheskij institut: RGPI. S. 21-31.

9- Farshidvard Kh. (2005), *Contemporary detailed grammar,* Tehran: Sokhan publ. 703 p.

HOW TO CITE THIS ARTICLE
Estiri Majid (2025). SEMINAL CONTENT OF PREPOSITIONS-APPROXIMATORS IN THE RUSSIAN LANGUAGE AND THEIR CORRELATES IN THE PERSIAN LANGUAGE. *Issledovatel'skiy Zhurnal Russkogo Yazyka I Literatury, 13*(1), 231-249.
DOI: 10.66224/iarll.25.12
URL: https://www.journaliarll.ir/index.php/iarll/article/view/329

مفهوم حروف اضافه تقریبی در زبان روسی و معادل‌های آنها در زبان فارسی

مجید استیری[1*]
استادیار، دانشگاه گنبدکاووس،
گنبدکاووس، ایران.

(تاریخ دریافت: ژوئیه ۲۰۲٤؛ تاریخ پذیرش: نوامبر ۲۰۲٤)

چکیده

این مقاله به بررسی مفاهیم معنایی واحدهای تقریب، یعنی حروف اضافه با مفهوم تقریب در زبان روسی و معادل آنها در زبان فارسی اختصاص دارد. در زبان روسی حروف اضافه با مفهوم تقریب در موقعیت‌های مشخص و ویژه‌ای به کار می‌رود، اما در زبان فارسی معنای تقریب با کلمات مترادف *تا*، *نزدیک*، *حدود*، *حوالی* بیان می‌شود که در معانی آنها تفاوت خاصی مشاهده نمی‌شود. علاوه‌براین یک کلمه فارسی با معنای تقریب را می‌توان با حروف اضافه مختلف در زبان روسی بیان کرد که استفاده از آنها می‌تواند مشکلات مختلفی برای دانشجویان ایرانی ایجاد نماید. به‌عنوان مثال، اسم *حدود* با معنای تقریب با حروف اضافه *порядка, под, с, около* در زبان روسی بیان می‌شود. در این مقاله به مشکل تمایز حروف اضافه تقریب با معانی کمیت *نامعین*، کمیت *تقریبی* و کمیت *احتمالی* توجه ویژه‌ای شده است که تاکنون جنبه مفهومی و کاربردی آن در مقایسه با زبان فارسی به طور ویژه مطالعه و بررسی نشده است. در مقاله حاضر، بر پایه روش بصری و با استفاده از ابزار تصویری محور و نقطه مرجع روی آن، حروف اضافه با معنای تقریب نظام‌مند و مشخص شده، معنای آنها دقیقاً ارائه و راه‌های بیان این حروف اضافه در زبان فارسی با هدف درک صحیح و آگاهانه دانشجویان ایرانی رشته روسی بررسی شده است. نوآوری مقاله در این است که نه تنها اولین بار در مطالعات زبان‌شناسی روسی در ایران این حروف اضافه از دیدگاه نقطه مشخص و محتوای معنایی با یکدیگر مورد مقایسه قرار گرفته، بلکه معادل‌های فارسی آنها نیز بیان شده است. از نتایج این تحقیق برای بهینه‌سازی روش‌های آموزش حروف‌اضافه تقریب برای مخاطبان ایرانی و در نتیجه کاهش اشتباهات رایج دانشجویان و مترجمان ایرانی روسی استفاده می‌گردد.

واژگان کلیدی: حروف اضافه تقریبی، معادل، نقطه مشخص، زبان روسی، زبان فارسی.

---

* نویسنده مسئول
1. E-mail: m.estiri@gonbad.ac.ir; https://orcid.org/0000-0003-0014-4330

نوع مقاله: علمی- پژوهشی

برگ درخواست اشتراک

حق اشتراک سالانه: ٤٠٠٠٠ تومان

لطفا وجه مورد نظر را به شماره کارت ۵۸۵۹۸۳۷۰۰۰۱۱۶۲۵۷ یا حساب جاری فراگیر: ۰۲۱۲۱۱۵۵۲۵ بانک تجارت، شعبه کوی دانشگاه ۲۱۲۰، مؤسسه انجمن علمی ایرانی زبان و ادبیات روسی واریز و اسکن اصل فیش را به آدرس پست الکترونیک سردبیر مجله ارسال فرمایید:

myahya@ut.ac.ir

✂----------

برگ درخواست اشتراک

نام و نام خانوادگی/ مؤسسه: .....

شغل/ نوع فعالیت: ..... میزان تحصیلات: .....

نشانی: .....

.....تلفن: .....

کدپستی: ..... صندوق پستی: .....

شماره‌های درخواستی از شماره ..... تا شماره ..... تعداد درخواستی از هر شماره: ..... تاریخ: .....

امضاء

بر اساس نامهٔ شمارهٔ ۳/۱۸/۸۷۵۶۴/ مورخ ۱۳۹۲/۶/۱۶ مدیرکل محترم دفتر سیاست‌گذاری و برنامه‌ریزی امور پژوهشی وزارت علوم، تحقیقات و فناوری در جلسهٔ مورخ ۱۳۹۲/۵/۳۰ ***کمیسیون بررسی نشریات علمی کشور*** به «پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» نشریهٔ انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی از شمارهٔ یک اعتبار علمی- پژوهشی اعطا شده است.

****

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» در پایگاه‌های ISC (پایگاه استنادی علوم جهان اسلام)، SID (پایگاه اطلاعات علمی جهاد دانشگاهی)، پرتال جامع علوم انسانی، سیویلیکا و ResearchBib نمایه می‌شود و مقالات آن قابل دسترسی است.

«پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی» از تاریخ ۲۶ ژانویه ۲۰۱۶ در پایگاه استنادی علوم روسیه (رینتس؛ elibrary.ru) با شماره ۰۱/۲۰۱۶- ۱۸ نمایه شده است و در آدرس زیر قابل مشاهده است.

http://elibrary.ru/title_about.asp?id=56226

پژوهشنامهٔ زبان و ادبیات روسی

پژوهشنامهٔ زبان و ادبیات روسی با هدف انتشار پژوهش‌های اصیل با موضوعات مرتبط با زبان و ادبیات روسی در ایران منتشر می‌گردد و با توجه به عنوان نشریه در حوزه‌های مربوط به زبان روسی، ادبیات روسی، ادبیات تطبیقی، زبانشناسی همگانی، زبانشناسی تطبیقی، آموزش زبان روسی، جامعه‌شناسی و روانشناسی زبان روسی، ترجمه و..... مقاله می‌پذیرد.

راهنمای نگارش و شرایط پذیرش مقاله

- مقالات ارسالی به مجله باید حاصل تحقیق و پژوهش نویسنده یا نویسندگان مقاله باشد.
- زبان مجله روسی است.
- مقاله در مجلهٔ دیگری چاپ نشده باشد و همزمان برای مجلات داخلی و خارجی ارسال نشده باشد. مجله از پذیرش مقالات رد شده در مجلات دیگر معذور است.
- ساختار مقاله شامل عنوان؛ چکیده «۱۲۰ تا ۱٤۰ کلمه» و واژگان کلیدی «۵ تا ۷ کلمه» (عنوان، چکیده و واژگان کلیدی به زبان‌های روسی، فارسی، انگلیسی)؛ مقدمه؛ متن اصلی؛ نتیجه‌گیری و فهرست منابع (به زبان‌های روسی و انگلیسی) ارجاع داده شده در متن مقاله، باشد. متن اصلی نباید کمتر از ۳۰۰۰ و بیش از ٤۰۰۰ واژه باشد.
- صفحه عنوان مقاله دارای عنوان کامل مقاله، نام و نام خانوادگی، دانشگاه و مرتبهٔ علمی، تلفن و نشانی پست الکترونیکی (دانشگاهی) نویسنده (یا نویسندگان) باشد.
- ارجاعات در متن مقاله در میان دو کمان ()، شامل نام خانوادگی نویسنده، سال انتشار منبع و شماره صفحه باشد (ایوانوف ۲۰۱۳. ۹۲).
- منابع مورد استفاده در متن به ترتیب الفبایی نام خانوادگی پدیدآورندگان، به شکل زیر تنظیم شود:
- کتاب: نام خانوادگی، نام؛ تاریخ انتشار (داخل پرانتز)؛ عنوان اثر اصلی و فرعی با خط کج (ایتالیک)؛ محل نشر: ناشر.
- مقاله: نام‌خانوادگی، نام و تاریخ انتشار داخل پرانتز؛ عنوان مقاله؛ نام مجله یا مجموعه مقالات ایتالیک؛ دوره یا سال و شماره برای مجله، محل نشر و ناشر برای مجموعه مقالات صفحه شروع و پایان مقاله.
- منابع اینترنتی: نام خانوادگی، نام؛ عنوان اثر؛ نشانی کامل پایگاه اینترنتی، تاریخ مراجعه به سایت.
- مجله حق رد، چاپ و ویرایش مقالات را برای خود محفوظ دانسته و از برگرداندن مقالات دریافتی معذور است.
- مقاله ارسالی با برنامه "Word 1997-2003" و قلم Times New Roman، اندازه حروف ١٤ با فاصلهٔ ۱/۵ بین سطور، فاصله بالا و پایین صفحه ۲/۵ سانت، فاصله چپ ۳ سانت، فاصله راست ۱/۵ سانت و فاصله برای شروع پاراگراف ۱/۲۵ سانت باشد.
- مقاله به صورت فایل ضمیمه (Word 1997-2003) همزمان به پایگاه نشریه و به آدرس سردبیر myahya@ut.ac.ir ارسال شود.
- برای اطلاعات بیشتر به صفحهٔ نشریه به آدرس http://www.journaliarll.ir مراجعه فرمایید.

اعضای مشورتی هیأت تحریریه (بین‌المللی):

استیفان آلوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ورونا (ورونا، ایتالیا)

ماری‌آن برودا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه لودز (لودز، لهستان)

کادزوهیکو ساوادا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی سایتاما (سایتاما، ژاپن)

تاتیانا آلکساندرونا کاشمچوک، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کشاورزی سن‌پتربورگ (سن‌پتربورگ، روسیه)

والری ولادیمیرویچ لپاخین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه سگد (سگد، مجارستان)

یوردان دیمیتروف لوتسکانف، دانشیار زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات آکادمی علوم بلغارستان (صوفیه، بلغارستان)

آلکساندر واسیلیویچ ماتورین، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی یارسلاو مودری نیژنی نوگرود (نیژنی نوگرود، روسیه)

ایرینِ یگورونا مادابادزه، استاد پژوهشی زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات گرجی شوتا روستاولی (تفلیس، گرجستان)

فیروزه عبدالله‌یونا ملویل، استاد زبان و ادبیات فارسی، مدیر بخش پژوهش‌های ایرانشناسی دانشگاه کمبریج (کمبریج، انگلستان)

آنجلیکا مولنار، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه مجارستان غربی (سمباتهی، مجارستان)

مهرالنساء نغریبیکووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه ملی تاجیکستان (دوشنبه، تاجیکستان)

میشل نیک‌یو، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه کان، نورماندی (کان، فرانسه)

ناتالیا پترونا ویدمارویچ، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه زاگرب (زاگرب، کرواسی)

پژوهشنامه زبان و ادبیات روسی

(دو فصلنامه علمی)

نشریه انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی

اعضای هیأت تحریریه

روسلان احمدشین، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی مسکو (ام.گ.او.)، روسیه
میریلا احمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
یلنا زاویالووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی آستراخان، روسیه
سوتلانا شوستووا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه
حسین غلامی، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
المیرا قاضی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی پیتی‌گورسک، روسیه
ولادیمیر کاتلنیکوف، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانهٔ پوشکین» آکادمی علوم روسیه، بخش ادبیات نوین روسی. سن‌پتربورگ، روسیه.
جان‌اله کریمی مطهر، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
والینتین گالاوین، استاد زبان و ادبیات روسی انستیتو ادبیات روسی «خانهٔ پوشکین» آکادمی علوم روسیه، سن‌پتربورگ، روسیه.
محمدرضا محمدی، دانشیار زبان و ادبیات روسی دانشگاه تربیت مدرس، ایران
مرضیه یحیی‌پور، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه تهران، ایران
تامارا یروفی‌یوا، استاد زبان و ادبیات روسی دانشگاه دولتی تحقیقات ملی پرم، روسیه

مدیر مسئول: جان‌اله کریمی مطهر
سردبیر: مرضیه یحیی‌پور
مدیر داخلی: مهدی محمدبیگی

مدیر اجرایی: پروین عزیززاده
ویراستار علمی روسی: سوتلانا شوستووا
ویراستار فارسی: مهبود فاضلی
صاحب امتیاز: انجمن ایرانی زبان و ادبیات روسی
چاپ و صحافی: انتشارات دانشگاه تهران

آدرس: دانشگاه تهران، دانشکده زبانها و ادبیات خارجی، اتاق ۲۳۵
تلفن: ۶۱۱۱۹۱۲۰-۰۲۱ ؛ **فاکس:** ۲۲۱۴۳۸۵۹ -۰۲۱
شاپا چاپی: ۲۴۹۸-۲۳۴۵
شاپا الکترونیکی: ۳۵۰۰-۲۴۷۶

بها: ۲۰۰۰۰ تومان
تهران- ایران

وب‌سایت: http://www.journaliarll.ir

فهرست

چالش‌های ترجمه و تفسیر «گذر از سه دریا» اثر آفاناسی نیکیتین آلکساندر گریگورویچ بابروف ۱۱

ک.ف. نکراسِف: «گشت‌وگذارم در ایران بسیار موفقیت‌آمیز و جالب بود» ایرینا ونیامینونا واگانوا ۲۹

بررسی اصطلاحات ثابت در مدارس ملی
مهرالنساء بازارونا نغزبیکوا/لاله طالیبونا روزیوا/همایون اسماعیلونا اندماوا ٤٧

جای‌نام‌های تاریخی در ترجمه‌های ادبی متون کهن ایرینِ یگورونا مادابادزه ٦٩

ترجمهٔ «رستم و سهراب» از ژوکوفسکی، پدیده‌ای از ارتباطات فرافرهنگی
ایرینا آناتولی‌یونا پاپروفسکایا ۸۹

در راه اتحاد شرق کبیر: موتیوهای پارسی در آثار ک. ن. لئونتی‌یف اولگا لئانیداونا فتیسنکا ۱۱۱

ادات ترکیبی دارای جزء бы در زبان روسی و روش‌های بیان آنها به زبان فارسی
هادی بهارلو/فهیمه اسکندری ۱۲۹

آثار و. لیوشین و پدیدهٔ «داستان بلند شرقی» در زمینهٔ توسعه نثر ادبی روسی
داریا آلکساندرونا زاولسکایا ۱۵۷

ویژگی‌های بینافرهنگی مخاطب‌محوری لالایی‌های عامیانه (بر اساس زبان‌های روسی و فارسی)
زینب صادقی سهل‌آباد/یلنا والری‌یونا کوملوا ۱۷۳

تحلیل چرخه‌های زمانی در سامانهٔ استعاره‌های مفهومی زبان روسی تاتیانا والری‌یونا کارباچیوا ۱۹۳

فهرست شمارشی به‌عنوان ابزار توصیفی در «گذر از سه دریا» اثر آفاناسی نیکیتین: مضمون و ساختار گایانه آگاناسیان ۲۱۳

مفهوم حروف اضافه تقریبی در زبان روسی و معادل‌های آنها در زبان فارسی مجید استیری ۲۳۱